

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LXI

№ 4
октябрь-декабрь 2022

ТАШКЕНТ
2023

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбеккистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Диакон Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Татьяна КОТЮКОВА
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

- Стр. 2:** Первые церкви в Джулеке, Форте-Перовском (рисунок В. Верещагина), Казалинске и Кармакчи. (С. 6)
- Стр. 3:** Виктор Юлианович Мединский (1905 г.). Семья Мединских в саду (1875 г., Ташкент). Дочь В.Ю. Мединского Елена в форме учащейся Николаевского женского института благородных девиц. (С. 18)

Восток Свыше. 2022, № 4 (LXI). Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Андрей КОРОВИН. Декабрь в Ташкенте 5

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Александр ГАЛАК. Православные храмы Сырдарьинской линии:
от Раима до Катта-Кургана 6

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Татьяна ВАВИЛОВА. Туркестан – судьба. Штрихи к портрету
генерала Мединского (главы из книги). 18

«Побольше любви... и тогда приблизишься к подвигу»
Военный дневник Ольги Маллицкой, 1914–1917 годы.
Подготовка текста к публикации, предисловие и примечания
Юрия ФЛЫГИНА 49

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О Кресте. О грехе пьянства 75

Протоиерей Андрей ТКАЧЁВ. «Что мы можем делать?
Преломлять хлеб на корабле» 79

Евангельские страницы *протоиерея Сергея СТАЦЕНКО*
Мужчины в храме – где они? 85

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в Фейсбуке последних лет 90

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Stabat Mater dolorosa. Обсуждение романа
Руслана Козлова «Stabat Mater: Роман о милосердии».
Диакон Сергей ГАЛИЕВ, Михаил КАЛИНИН, Василий КОСТЫРКО,
Елена САФРОНОВА 103

Содержание (окончание)

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Вспоминая Анатолия Наймана. *Вадим МУРАТХАНОВ,*
Санджар ЯНЫШЕВ, Евгений АБДУЛЛАЕВ 113

Лейла ШАХНАЗАРОВА. О наших бабушках 126

Авторы номера 131

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2022 год 132

Информация для авторов 134

Андрей КОРОВИН

Декабрь в Ташкенте

...и листья платанов замерзшие листья платанов
декабрь в Ташкенте и лица былых великанов
и конная статуя скачет Амира Темура
на север где Запад с Востоком плетут шуры-муры

пойдешь через книжный квартал где Булгаков и Бродский
потянет зимою осенней зимою московской
здесь русская речь как хурма будет вязкой и сладкой
здесь даже империя кажется валкой и шаткой

последний арык заплетает зеленые воды
шаг влево шаг вправо и где оно имя свободы
лишь старый чапан согревает замерзшую душу
ты слушай лишь время
лишь время текучее слушай

Александр ГАЛАК

Православные храмы Сырдарьинской линии: от Раима до Катта-Кургана

При первом Туркестанском генерал-губернаторе Константине фон Кауфмане были начаты труды по сбору предметов и документов по истории христианства на территории Туркестана. Все собранные сведения передавались состоящему при генерал-губернаторе археологу и ориенталисту Александру Куну (1840–1888), служившему тогда в Туркестане. Неизвестно, однако, были ли они в дальнейшем систематизированы и опубликованы.

В этой работе принимал участие один из первых туркестанских священников Капитон Высоцкий, прослуживший в Средней Азии в течение четырнадцати лет. Отец Капитон Высоцкий не только интересовался историей христианства в Средней Азии, но и пытался отразить ее в своих трудах. В 1870 году в журнале «Православное обозрение» была напечатана его статья «Православные храмы Сырдарьинской области»¹, в том же году в газете «Туркестанские ведомости» – статья «О положении православных храмов в Сырдарьинской области»² и в 1898 году в петербургском журнале «Странник» – статья «Судьбы христианства в русских владениях Средней Азии» (о древнем и средневековом периодах развития христианства в Туркестане)³. Эти работы были одними из первых попыток описания истории Туркестанской епархии.

Еще до образования епархии в Туркестане на протяжении четверти века возникали первые храмы и служили православные священники. По указу Синода от 26 января 1853 года все военные походные церкви в гарнизонах, основанных в казахской степи до реки Сырдарья, ставшей на тот момент новой южной границей России, были подчинены ведению Оренбургской епархии. Российские войска сопровождали полковые священники, разделявшие наравне с военными все тяготы походного быта. Кандидатуры священников для отправки на служение в Среднюю Азию подбирались из клириков Оренбургской епархии.

В скором времени после занятия войсками укреплений, крепостей и городов появлялась необходимость в постройке первых гарнизонных храмов. Средства на

постройку их собирались, как правило, самими же военными. Инженерами и архитекторами храмов обычно становились либо военные инженеры, либо священник или офицер, а строили их сами солдаты. Помимо этого, священники гарнизонных церквей ведали еще и первыми русскими школами, которые начали открываться в 1860-е годы на Сырдарьинской линии – как называлась наступательная и оборонительная линия, основанная после взятия кокандской крепости Ак-Мечеть (ныне Кызылорда в Казахстане) в 1853 году.

Рассмотрим кратко, на основании сообщений о Капитоне Высоцкого и других источников, историю церковного строительства в Туркестане в 1840-е – 1860-е годы*, а также дальнейшую судьбу этих церквей.

Укрепление № 0 Раим (Аральское) – Форт № 1 Казалинск

В 1847 году по распоряжению Оренбургского генерал-губернатора Владимира Обручева неподалеку от впадения Сырдарьи в Аральское море было заложено военное укрепление – Раим (Аральское), значившееся как Укрепление № 0 (ныне село Раим Кызылординской области Казахстана).

В донесении военному министру от 31 января 1847 года Обручев ходатайствовал о присылке в Раим походной церкви из Петербурга или Москвы. В качестве альтернативного варианта он предлагал привезти из станицы Великопетровской (ныне Карталинский район Челябинской области) походную церковь упраздненного в 1845 году Уфимского казачьего полка.

30 апреля последовал соответствующий указ Синода, и в Раим из Великопетровской была привезена на верблюдах освященная походная Воскресенская церковь, с причтом при ней. Она имела четыре креста, и возле нее совершались парады военного гарнизона. Эту Воскресенскую церковь можно считать самой первой церковью и предтечей православных храмов Туркестанского края.

Походные храмы заказывались в Москве либо в Петербурге. По принятым в военном ведомстве правилам, размеры этих храмов должны были быть длиной в 8,5 метра и шириной 5 метров. Изготавливались они из прочной проолифленной и окрашенной парусины, отделанные обычно изнутри по всему размеру тиком – плотная ткань саржевого, полотняного или атласного переплетения нитей. Наверху палатки, имеющей в высоту 2,1 метра, утверждался медный крест, вызолоченный или же обитый белым железом. Иконостас состоял из двенадцати образов. В алтарной части походной церкви располагались складные престол и жертвенник, к которым прилагались маленький аналой, складной стул и плащаница к жертвеннику. На горнем месте находилась икона Вседержителя, справа от которой находился крест Господень с рукояткой, а слева изображение Знамения Богоматери, так же с рукояткой. Все материалы, используемые для изготовления походной церкви, должны были быть лучшего качества, и сама работа должна была быть выполнена прочно и надежно. Для укладки походной церкви и всех принадлежащих ей богослужебных вещей использовались два прочных ящика с запорами⁴.

В 1847 году из Оренбургской епархии в Раим был назначен священник Афона-

* Кроме возведения церквей в таких крупных городах края, как Ташкент и Самарканд, которое требует отдельного описания.

сий Абашевский. Неизвестно, добрался ли он до Раима, поскольку уже в мае 1848 года в Раим был назначен священник Захарий Семихатов, служивший до этого в Орске. Осенью 1848 года в Раиме была начата постройка здания новой церкви, завершившаяся в 1849-м.

В это время в укреплении Раимском находился в ссылке Тарас Шевченко. Он стал свидетелем того, как строилась церковь; бывал в ней уже действующей и сделал рисунок здания.

В 1849 году, в связи с проектом образования Сырдарьинской линии, около Раимского укрепления было поселено 25 казачьих семей.

15 июня 1853 года по приказу Оренбургского генерал-губернатора Василия Перовского вдоль Сырдарьи были заложены Форт № 1 Казалинский (ныне город Казалинск в Казахстане), Форт № 2 в урочище Кармакчи и Форт № 3 (Перовский). Из этих трех фортов была образована Сырдарьинская наступательно-оборонительная линия с центром в Перовском.

Форт Казалинский, возникший при перенесении казачьего поселения вверх по течению Сырдарьи, стал первым в Сырдарьинской наступательно-оборонительной линии.

В Казалинск была перенесена полотняная церковь во имя Воскресения Христова. На средства, выделенные из казны, к декабрю 1855 года было построено новое здание церкви, оказавшееся непрочным. Оно было возведено из сырцового кирпича и покрыто с основания дугообразными камышовыми фашинами (пучки камыша, связанные веревками или же проволокой), образующими крышу, и залиты глиной, после чего покрыты сверху черепицей. Купол над церковью был сделан также из фашин. Изнутри церковь была обита белой тканью из бухарской маты. Церковь эта была тесной, имела всего одно окно и не отапливалась, а во время дождей в храм протекала вода. Колокольни не было, колокола были подвешены на столбах⁵.

В 1858 году, по благословию Оренбургского епископа Антония Радонежского в Форте № 1 была открыта первая школа для детей под руководством священника Александра Победоносцева⁶.

К 1857 году в Форт № 1 из упраздненного тремя годами раньше Раима была перенесена Вознесенская церковь. Первоначально она размещалась в одной из войсковых казарм. В конце 1858 года по проекту генерал-майора Карла Бюрно было построено здание Вознесенской церкви из сырцового кирпича. Однако к 1862 году оно почти развалилось, и отцу Александру пришлось строить новое здание. Оно было построено также из сырцового кирпича. В 1865 году отец Александр Победоносцев скончался и на его место был назначен священник Евгений Евгров.

В 1874 году в Казалинском наконец был построен храм из жженого кирпича и 15 декабря освящен первым туркестанским епископом Софонией (Сокольским) во имя Казанской Божией Матери. Это было правильное четырехугольное здание с почти плоской железной крышей, в середине которой возвышался восьмигранный фонарь с куполом. С западной стороны от нее размещалась звонница под навесом, который поддерживался кирпичными столбами. Церковь строилась в основном на казенные деньги и отчасти на пожертвования частных лиц, самым значительным из которых был купец Н.И. Иванов⁷. Прежняя же походная церковь во имя Воскре-

сения Господня вместе с иконостасом, престолом и жертвенником была перенесена в часовню на казалинском православном кладбище, выстроенную из жженного кирпича, под железной крышей.

Священник Капитон Высоцкий, проезжавший в 1865 году в форт Перовский, куда он был назначен служить, вспоминал о состоянии Казалинской церкви:

Как и весь форт, вместе с форштатом или слободкою, так и церковь, построены на низменности, на солонцевато-песчаном грунте. Во время половодья Сырдарьи вода поднималась на уровень с берегами, отчего грунт, и без того слабый, делается еще слабее. Вследствие этого церковь не более как через 10 лет после построения стала так ветха, что я, за отсутствием местного священника, по просьбе православного народонаселения, отправляя в ней богослужение, опасался за жизнь свою и богомольцев. Построенная из кирпича, без всяких связей, на слабом грунте, она не устояла и расселась от тяжести кровли, которая сделана из фашин и сверху залита глиной, а внутри обита тиком. Множество толстых упорин внутри и снаружи поддерживало здание. Церковь утварью и ризницей не была бедна, а потому и тогда уже имела около 2 т. руб. в кредитных бумагах. С такими средствами и притом в надежде на пожертвования, могущие быть при постройке, можно бы приступить к делу, – непрочность грунта не позволяет и думать об этом. В настоящее время 1869 года, церковь перенесена в залу благородного собрания⁸.

6 августа 1865 года было принято решение о строительстве на Сырдарьинской линии еще девяти церквей, а с 30 сентября 1866 года по указу Синода все церкви были переданы в ведение Оренбургского Епархиального управления.

Что касается Казалинска, то в нем был построен позже трехкупольный каменный храм в русском стиле. С 1881 по 1896 годы в Казалинском храме служил протоиерей Николай Высоцкий, однофамилец о. Капитона.

Форт Перовский

Форт Перовский был основан в 1853 году, на месте занятой кокандской крепости Ак-Мечеть. Вскоре по ходатайству первого священника форта Льва Гороховского в Перовский из Оренбурга была привезена полотняная церковь, освященная 15 октября 1854 года. Как писал, вероятно, опираясь на рассказы очевидцев, русский военный, писатель и художник Николай Каразин, служивший в 1867–1870 годах в Туркестане:

В самой середине Большого форта на Сырдарье стояла очень большая палатка. Человек до ста могло бы поместиться в ней без особенной тесноты; парусина, из которой она была сделана, выкрашенная ярко зеленой краской, так и горела на солнце; особенно сверкали и искрились, отражая от себя бесчисленные лучи, медный крест на гребне шатра и такие же медные шарики на вершущках палаточных кольев. Это была временная церковь и помещалась она посреди громадной площади, покрытой сплошной пылью⁹.

В 1854 году был начат сбор средств на строительство в форте Перовском нового храма во имя Казанской Божией Матери. Например, елабужский потомственный почетный гражданин Федор Чернов пожертвовал на устройство церкви 20 тысяч рублей, а также семь колоколов. (К сожалению, эти колокола, оставленные, пока не был построен храм, в Орске, погибли во время пожара).

В начале 1855 года Оренбургский генерал-губернатор исходатайствовал Высочайшее разрешение на повсеместный сбор на строительство церкви. Сыновья Александра II, великие князья Николай Александрович и Александр Александрович, принесли в дар этой предполагавшейся церкви большое и малое Евангелия и круг богослужебных книг. В скором времени было собрано около 86 тысяч рублей, переданных в штаб оренбургского корпуса. Эта была значительная по тем временам сумма.

Летом 1856 года на место священника Льва Гороховского в Форт Перовского был назначен из Оренбурга священник Андрей Малов. При нем началось черчение планов новой церкви и составление смет.

Тем временем полотняная церковь от сырости и дождей сгнила. Несмотря на наличие собранных на новую церковь средств и подготовленные чертежи и сметы, новая церковь была построена на скорую руку из сырцового кирпича, а сверху покрыта кошмой. 13 сентября 1856 года она была освящена. О. Андрей служил в ней с 1856 по 1865 годы. Он неоднократно предпринимал попытки дать ход строительству нового капитального здания храма, но все они оказывались бесплодными.

Начиная с января 1862 года отец Андрей стал отлучаться из форта Перовского, чтобы сопровождать войска в походах. В феврале 1865 года он был переведен священником в походную Александро-Невскую церковь и 22 июня зачислен в списки 4-го Оренбургского линейного батальона.

В мае 1865 года о. Андрея Малова сменил новый полковой священник, уже упоминавшийся Капитон Высоцкий. В воспоминаниях о своем приезде на место назначения отец Капитон записал:

Самый убогий храм, находящийся в пределах империи, в сравнении с двумя Сырдарьинскими, которые я увидел, может считаться великолепным. Тонкие, кое-как из сырцового кирпича сложенные стенки покрыты были кошмой, а сверх кошмы наброшены обрывки намета полотняной палатки <прежней походной церкви>. Сильные частые ветры, проливные дожди в осеннее время уже окончили свою работу над разрушением этой кровли. Зимой же, когда при северном ветре ртуть падает здесь до -25 градусов, несмотря на две железные печи, холод пронизывает насквозь¹⁰.

Как удалось выяснить о. Капитону, дело о построении нового храма находилось в инженерном ведомстве, но из-за частой смены инженеров оставалось без движения; проект, составленный одним инженером, отвергался другим... Кроме того, проектируемый храм, как полагали в инженерном ведомстве, был слишком громаден и не мог быть построен на песчано-солонцеватом грунте форта. Тем временем 10 тысяч из средств, собранных на постройку церкви, были переданы в епархиальное ведомство на возведение архиерейского дома для новообразованной Оренбургской епархии... Но и на оставшиеся средства можно было построить храм.

Казалось, это вполне осуществимо. Сначала Оренбургский генерал-губернатор Николай Крыжановский, побывав в Перовском, обещал, что с будущей весны постройка храма будет начата. В марте 1866 года уже Туркестанский генерал-губернатор Дмитрий Романовский, проезжая в Ташкент, также обнадежил о. Капитона, сказав, что церковное строительство не только в Перовском, но и во всех

укреплениях Туркестанской области будет у него в числе первоочередных задач. Приблизительно в то же время из инженерного управления был получен утвержденный проект церкви и 3 тысячи рублей на начало строительства...

Однако снова возникли препятствия и проволочки. Командированный из инженерного управления военный инженер нашел присланный проект трудно выполнимым и пообещал составить свой, однако так этого и не сделал. Покидая форт Перовский и прощаясь со знакомыми, он цинично сказал; «Даю вам, господа, честное слово, что в форте Перовском обо мне, как о создателе храма, молиться не будут»¹¹.

Начавшийся вскоре поход на бухарские крепости Ура-Тюбе и Джизак приостановил все виды работ. По возвращении из похода местный начальник сообщил отцу Капитону, что приказом самого Оренбургского генерала-губернатора Крыжановского строительство церкви откладывается, а все заготовленные для храма стройматериалы с первым пароходным рейсом будут отправлены в Ташкент, для постройки генерал-губернаторского дома, так как он избрал Ташкент своей летней резиденцией¹².

2 февраля 1867 года отец Капитон отправился к новому месту служения, в Ура-Тюбе (ныне Истаравшан в Таджикистане).

Через год, в мае 1868 года, церковь в Перовском была размыта дождем. Местный инженер решил построить новую кровлю для церкви из камыша и глины, но во время этих работ стены храма, не выдержав тяжести, рухнули. Только после этого местное начальство решило строить новое здание церкви. Была открыта добровольная подписка между чинами гарнизона. Вскоре был возведен небольшой временный храм из сырцового кирпича, на фундаменте из жженого кирпича и под железной крышей. Летом 1868 года в нем начались богослужения¹³.

В 1871 году командующий войсками Туркестанского военного округа обратился к военному министру с просьбой исходатайствовать Высочайшее повеление о возврате 30 тысяч рублей, которые были взяты из денег, пожертвованных частными лицами для возведения храма в форте Перовском, дабы на эту сумму, а равно на имеющиеся еще в остатке деньги возможно было, согласно желанию жертвователей, построить православные храмы в других местах Туркестанского края, так как в форте Перовском была устроена уже из других пожертвований церковь. На запрос Военного Министра по этому поводу Крыжановский 28 апреля 1871 года представил ему копии с документов, относящихся к учреждению Оренбургской архиерейской кафедры, из которых было ясно видно, что о возврате денег, израсходованных по Высочайшему повелению, думать было поздно¹⁴.

Каменная церковь в Перовском была заложена только в 1890 году и строилась довольно медленно. Постройкой храма по проекту местного архитектора Есакова руководил инженер Калинин. Жженный кирпич привозили обозами за 300 верст, из Казалинска. Только 6 декабря 1896 года церковь была достроена и освящена в честь Казанской Божией Матери благочинным иереем Платоном Михалевским совместно с настоятелем церкви иереем Филимоном Ионовым-Скальским. Накануне освящения, когда служили всенощную, здание церкви и окружающий ее сквер были иллюминированы плашками и разноцветными фонарями. На церемонии освящения долгожданного и желанного храма присутствовали городские жители

и крестьяне пригородного поселка Александровского. Строительство этой церкви обошлось в 35 000 рублей, из которых 30 000 было выделено из казны, а остальные 5 000 были собраны самими жителями Перовского. Колокольню церкви построили позже на средства прихожан. Здание новой церкви имело в высоту 18 метров и способно было вместить 250-300 прихожан. Полы церкви были выложены чугунными плитами. На месте алтаря прежней церкви была устроена часовня.

В 1989 году храм вернули православной церкви, после чего были произведены капитальные ремонтно-реставрационные работы по его восстановлению. Сейчас в нем вновь ведутся богослужения.

Форт Джулек

В 1861 году выше по течению Сырдарьи от Перовского было заложено небольшое укрепление Джулек (ныне аул Жулек в Казахстане). Там на добровольные пожертвования был построен небольшой молитвенный дом во имя святого благоверного князя Александра Невского, приписанный к церкви форта Перовского. Молитвенный дом, «красивый снаружи и внутри», как писал о нем о. Капитон Высоцкий¹⁵, выглядел как настоящая церковь. Особенно украшала его двухъярусная колокольня, увенчанная высоким шпилем. Этот молитвенный дом (как церковь) упоминает в своем дневнике генерал-лейтенант Александр Гейнс (1834–1892), участвовавший в 1867–1868 годах в туркестанских походах: «Вид Джулека издалика очень красив. Из середины укрепления поднимается высокая башня красивенькой церкви...»¹⁶.

Как пишет о. Капитон Высоцкий, попытки назначенного в Джулек в 1866 году священника построить новую церковь не увенчались успехом, и «молитвенный дом остается до сего времени (т.е. до 1870 года, когда вышли «Письма из Самарканда». – А.Г.) в том же виде, в каком и был»¹⁷.

По-видимому, Джулек вскоре потерял свое стратегическое значение и, в отличие от Перовского, не превратился в крупное городское поселение. Поэтому вопрос о перестройке молитвенного дома в храм постепенно отпал сам собой.

Форт № 2 Кармакчи

В Форте № 2 Кармакчи (ныне село Жосалы в Казахстане) летом 1859 года была выстроена часовня, но из-за отсутствия строительного леса ее не покрыли крышей. В 1860 году в Кармакчи был построен православный храм и освящен во имя святителя Николая Чудотворца. Здание это, как писали очевидцы, «возвышалось над всеми постройками форта»¹⁸. Но в нем не имелось ни алтаря, ни иконостаса; вплоть до 1877 года в Кармакчи не было и своего священника.

В 1878 году, 12 февраля, на приход в форт Кармакчи был назначен молодой военный священник Алексей Марков, и уже при нем, в 1879 году, там был возведен капитальный храм во имя Покрова Божией Матери. Однако прежнее название – Николаевский храм – также сохранилось за ним.

В 1905 году форт был упразднен и войска выведены. Следующие семь лет храм находился в полном запустении. Однако в 1912 году на пожертвования местного православного населения и пособие в 1000 рублей от Переселенческого ведомства

был произведен капитальный ремонт, и 20 января 1913 года, по благословению туркестанского архиерея епископа Иннокентия (Пустынского), храм был вновь освящен благочинным протоиереем Михаилом Андреевым.

В 1914 году были заменены колокола в соборе, так как прежние пришли в полную негодность. По ходатайству кармакчинцев военный губернатор Сыр-Дарьинской области пожертвовал две медных пушки из числа военных трофеев; Гатчинским колокольным заводом Лаврова эти пушки были перелиты на колокола. В Духов день было совершено освящение колоколов¹⁹.

В 1864 году была образована Новококандская линия из занятых войсками кокандских городов: Туркестан, Чимкент и Аулие-Ата (Джамбул), а также укреплений Мерке и Токмак. Генерал М.Г. Черняев (тогда еще полковник) распорядился, чтобы его отряд сопровождала походная церковь. Из Тобольской Комиссариатской комиссии была прислана походная церковь из парусины. Привезена она была уже освященной во имя святого Благоверного Князя Александра Невского, со всею утварью, находящейся при 4-м Оренбургском местном батальоне в особо устроенных ящиках, длиною в полторы сажени. В эту церковь был назначен настоятелем священник отец Алексей Надеждин из Семиреченской станицы Любовной. Позже его сменил отец Андрей Малов. Походная церковь перемещалась вместе с отрядом в течение нескольких лет с помощью запряженных парой быков или же верблюдов. Сделанная из парусины, как и все военные палатки, на месте стоянок войск церковь быстро собиралась и могла вместить до 1000 человек. В этой церкви имелся разборный иконостас с иконами, написанными масляными красками на холстах, и три маленьких колокола.

В 1866 году в три первые занятые города уже были назначены штатные священники. И хотя в военных гарнизонах занятых городов и укреплений была открыта подписка по сбору средств на сооружение храмов, первые годы в них функционировали примитивные молитвенные дома, приспособленные для богослужений из обычных строений.

Присланным священникам приходилось на местах подчиняться военной администрации, которая зачастую вмешивалась в церковную жизнь. Например, присланные оренбургским епископом Варлаамом в Сырдарьинскую область пять священников: Победоносцев, Вознесенский, Евгров, Ширяев и Тихомиров – были по распоряжению военного губернатора генерал-майора Романовского назначены не в те места, на которые были определены церковным начальством. Обер-прокурор Священного Синода обратился к Оренбургскому генерал-губернатору с просьбой сделать распоряжение о том, чтобы установленный Синодом иерархический порядок подчинения священников Туркестанской области Оренбургскому епархиальному начальству не нарушался.

Мерке

В Мерке (ныне – в Казахстане) каменная церковь была построена не ранее 1893 года и освящена во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Храм был выстроен в неорусском стиле. «Все архитектурные элементы, укра-

шающие фасад, – фигурные колонки, выточенные на угловых лопатках храма, изящные столбики и килевидные сандрики над окнами, опоясывающий здание кирпичный фриз, нарядная отделка карниза, входной портал с арочным архивольтом, – создают ощущение мощи и величия»²⁰.

К 1930 году церковь была обезглавлена, звонница снесена. В здании располагались различные советские учреждения: кинотеатр, клуб, швейная фабрика. В начале 1990-х оно было возвращено верующим, проведена реставрация, но восстановить первоначальный вид храма так и не удалось.

Туркестан

В Туркестане (ныне в Казахстане), взятом русскими войсками в 1864 году, с 27 апреля 1866 года служил назначенный священником выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии о. Александр Тихомиров. Богослужения проводились в обычном жилом доме, где, кроме двух образов на стене, не было другого церковного убранства.

Первая церковь в Туркестане во имя святителя Николая была построена в 1871 году. Это был небольшой дом из сырцового кирпича; на постройку было затрачено не более двух тысяч рублей.

В январе 1886 года в Туркестане была построена новая церковь из сырцового кирпича, фундамент которой уже был сложен из жженого кирпича. Это была одностолбчатая церковь, выстроенная в русском стиле, с небольшой деревянной звонницей, примыкавшей к зданию. На ее постройку было отпущено из военного ведомства 22 тысячи рублей, а вместимость новой церкви составляла около 100 человек. После отца Александра настоятелем на данном приходе служил священник Василий Святухин.

В 1882 году на кладбище была заложена церковь-часовня из жженого кирпича. Построена она была на пожертвования верующих и отчасти на средства самого священника отца Василия Святухина²¹. Обе церкви до наших дней не дошли.

Аулие-Ата

В 1866 году на приход в укрепление Аулие-Ата (ныне Тараз в Казахстане) из Оренбургской епархии был назначен священник Андрей Белозерский. В первые годы богослужения совершались им в походной церкви святителя Николая при воинских казармах.

В 1870 году на добровольные пожертвования чинов гарнизона и трудами самих нижних воинских чинов было устроено особое небольшое здание из сырцового кирпича на каменном фундаменте и покрыто железной крышей. Эта церковь также была освящена во имя св. Николая. Утварью и ризницей церковь была бедна.

К 1884 году усилиями прихожан была построена деревянная колокольня на каменном фундаменте. Но к 1887 году одна из ее стен дала трещину, и проводить здесь далее богослужения стало опасно. В 1890 году на казенные средства было начато строение нового здания. Место для постройки выбрали на базарной площади, напротив дома уездного начальника; был создан специальный строитель-

ный комитет. На этот раз церковь заложили на каменном фундаменте из жженого кирпича, с колокольней над притвором.

В 1887 году на кладбище возвели церковь-часовню в честь Успения Божией Матери, куда был перенесен престол походной церкви. Здание церкви-часовни из сырцового кирпича на каменном фундаменте, с колокольней, стоящей на двух кирпичных столбах, было построено на пожертвования.

С 1888 по 1892 годы, пока шло строительство, богослужения совершались в маленькой кладбищенской Успенской церкви. По окончании строительства, 30 ноября 1892 года, новая церковь была освящена заново во имя святителя Николая. На ее колокольне находились восемь колоколов общим весом в 196 пудов. Здание же старой, первой церкви предполагалось либо сломать, либо отреставрировать для нужд разрастающегося православного населения.

После отца Андрея Белозерского настоятелем аулиеатинского храма с 1896 года был протоиерей Николай Высоцкий.

В 1920-е – 1930-е годы обе церкви были уничтожены.

Чиназ

В 1868 году в Чиназ (ныне Янги Чиназ в Узбекистане) был назначен священник Николай Высоцкий. До 1872 года он совершал службы в походной Александроневской церкви, под которую была оборудована присланная из Ташкента полотняная палатка из маты. Отец Георгий заготовил материалы для постройки нового здания храма, однако средства на его постройку так и не были отпущены.

В декабре 1872 года в чиназский храм был назначен новый священник из Семиреченской области Алексей Надеждин. При нем община приобрела и переоборудовала под церковь небольшой частный дом. Но здание оказалось непрочным, к 1873 году один из его углов отвалился, а северная сторона дома осела. Для поддержки земляной крыши внутри здания были в два ряда подставлены столбы, однако это лишало внутренний вид церкви благолепия и создавало тесноту. Благочинный отец Андрей Малов поднял вопрос о постройке в Чиназе нового здания храма, – но бедность местных жителей не позволяла рассчитывать на собственные силы.

В 1883 году здание церкви пришло в полную негодность и в нем невозможно стало совершать богослужения. Тогда вся церковная утварь была передана в джизакский храм, а жители Чиназа на целых десять лет остались без храма.

В 1890 году ташкентский купец 2-й гильдии А.В. Степанов в память о спасении императора Александра III и его семьи при железнодорожном крушении у станции Борки (1888) передал пожертвование на строительство в Чиназе нового храма. В 1893 году по проекту архитектора Алексея Бенуа был построен из жженого кирпича шатровый храм в русском стиле во имя святого преподобного Александра Куштского. Он был освящен 18 апреля 1893 года²².

В первой половине 1930-х годов храм был закрыт, обезглавлен и вплоть до середины 1990-х в нем располагались различные учреждения. В 2008 году в возвращенном храме стали проводиться богослужения, начато его восстановление. 20 апреля 2022 года митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий совершил освящение колоколов для восстанавливаемого храма.

Ходжент

14 июня 1866 года в Ходжент (ныне в Таджикистане) был определен первый священник – отец Тимофей Победоносцев, прослуживший на этом приходе десять лет. 15 сентября того же года в присутствии генерал-губернатора Оренбургского края и военного губернатора Туркестанской области была заложена церковь во имя святой равноапостольной Марии Магдалины.

Эта церковь, как вспоминал о. Капитон Высоцкий, побывавший в Ходженте в марте 1867 года, больше походила на палаточный барак.

Представьте себе: на пространстве саженей семи* выложен кирпичный фундамент, на котором расставлены тонкие кривые тополевые столбики; на них держатся таковые же стропила. Для защищения молящихся от влияния стихий, храм этот со всех сторон обит серыми, белыми и пестрыми тряпицами, а сверху – кошмой. Внутри иконостас составлен из тонких неотесанных столбиков, заменяющих рамы – и в этих рамах иконы, принадлежащие войскам, квартирующим в Ходженте²³.

3 августа 1867 года о. Тимофей доносил благочинному церковей:

Палатка для церкви, устроенная в августе прошлого года из кокандской маты в однуряд, в течение года избилась до такой степени, что оставлять ее в таком виде на зиму нет возможности, вследствие чего я поставлен был в необходимость обратиться к купцу Хлудову с предложением о вспомоществовании. Г. Хлудов охотно предложил лесу, сколько потребуется, а комендант Ходжента – кирпичей и рабочих. Пользуясь таким благоприятным обстоятельством, я около 15 августа предполагаю приступить к постройке молитвенного дома из кирпича на том же месте, где расположена теперь палатка²⁴.

В 1868 году, на собранные по подписке небольшие деньги, на том же фундаменте была построена из сырцового кирпича временная церковь с плоской кровлей, а из икон, принадлежащих местным военным, собран иконостас. Храм этот был освящен в декабре 1868 года²⁵.

Но и это здание, построенное на скорую руку, простояло недолго. В 1871 году оно под воздействием грунтовых вод развалилось. В начале 1872 года был создан Комитет по строительству новой церкви, который возглавил уездный начальник барон Иван Нольде. Место для постройки нового храма было выбрано среди садов, на возвышенности, в нескольких метрах от русла Сырдарьи. О. Тимофею пришлось перебираться со всею церковною утварью в саклю, где он служил до 1876 года, пока строился новый храм.

При его преемнике, священнике Василии Покровском, 12 сентября 1877 года наконец было освящено возведенное из жженного кирпича здание храма. Это был храм крестообразной формы, построенный в русском стиле по проекту известного петербургского архитектора Ивана Штрома, длиной 11,5 саженей, шириною 8 саженей и высотой 12 саженей**. Большая часть средств на постройку была отпущена из казны Туркестанским генерал-губернатором Константином фон Кауфманом, а недостающие суммы были собраны благодаря добровольным пожертвованиям и

* Около 15 метров.

** Т.е., соответственно, 28,5 метра, 19,8 метра и 29,7 метра.

Туркестанской духовной консистории. В иконостасе храма находились иконы, написанные в мастерской Академии Художеств.

Эта церковь стала местной достопримечательностью. О ней упоминает известный русский путешественник и этнограф Евгений Марков, посетивший Ходжент:

Церковь каменная, красивого строго-русского стиля, издали смотрящая маленьким монастырем. Она стоит в тополевом садике, обнесенная крепкою оградой. Ее окна с железными решетками высоко подобраны вверх²⁶.

В 1920-е годы храм закрыли, он использовался под радиоузел и почту, а в начале 1960-х был снесен.

Окончание следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <Высоцкий К., иерей>. Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области // Православное обозрение. Известия и заметки. 1870, январь. С. 80–87; *Он же*: Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области. (Окончание) // Православное обозрение. Известия и заметки. 1870, май. С. 124–131.

² <Высоцкий К., иерей>. О положении православных храмов в Сыр-Дарьинской области // Туркестанские ведомости 1870 г. № 6.

³ <Высоцкий К., иерей>. Судьбы христианства в русских владениях Средней Азии // Странник. 1898, май-июнь. С. 68–94.

⁴ Чем вызвано учреждение походного храма для Новоузенского и Николаевского уездов // Самарские епархиальные ведомости. 1880. № 23. С. 364–365.

⁵ Национальный архив Республики Узбекистан (далее НА РУз). Ф. И-961. Оп. 1, Д. 1. Л. 9.

⁶ См.: *Добромыслов А.И.* Города Сырдарьинской области. – Ташкент. Типо-лит. О.А. Порцева. С. 25.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ <Высоцкий К., иерей>. Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области... С. 81.

⁹ *Каразин Н.* На далеких окраинах. Погоня за наживой / Изд. подгот. Э.Ф. Шафранская. – М.: Наука, 2019. С. 356–357.

¹⁰ <Высоцкий К., иерей>. Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области... С. 82.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Там же. С. 85.

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ *Чернавский Н.М.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии Вып. X. – Оренбург: Типография

Оренбургской духовной консистории. 1901–1902. С. 27–28.

¹⁵ <Высоцкий К., иерей>. Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области... С. 85.

¹⁶ <Гейнс А.К.> Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Том II. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. (URL: <https://rus-turk.livejournal.com/257937.html>)

¹⁷ <Высоцкий К., иерей>. Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области. <Начало>... С. 85.

¹⁸ *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. – СПб.: Тип. Тиблина и К° (Неклюдова), 1868. (URL: <https://rus-turk.livejournal.com/39970.html>).

¹⁹ См.: Туркестанские епархиальные ведомости. 1914. № 13.

²⁰ *Садвакасова Ж.* История одного храма. Если бы эти стены могли говорить // Знамя труда. 13 марта 2021 г. (URL: <https://ztgzt.kz/istoriya-odnogo-hrama-esli-by-etistyeny-mogli-govorit>)

²¹ *Добромыслов А.И.* Указ. соч. С. 135.

²² Летопись за 1893 год // Туркестанские ведомости. 1894. № 1. С. 6.

²³ <Высоцкий К., иерей>. Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области... С. 87–88.

²⁴ *Червяков А., иерей.* Ходжентская церковь // Вестник военного духовенства. 1901. № 9. С. 275.

²⁵ Там же.

²⁶ *Марков Е.Л.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т. 2. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. С. 29. (URL: <https://rus-turk.livejournal.com/304498.html>)

Татьяна ВАВИЛОВА

Туркестан – судьба

Штрихи к портрету генерала Мединского

Главы из книги

От редакции. В 2020 году в Москве вышла книга Татьяны Александровны Вавиловой «Туркестан – судьба», посвященная жизни ее прадеда, одного из видных деятелей туркестанского периода истории Средней Азии Виктора Юлиановича Мединского (1837–1908). Книга была отмечена золотым Дипломом на XIII Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь» в 2022 году. Хотя и написанная не профессиональным историком (Татьяна Александровна – врач-фтизиатр, многие годы преподавала в Ташкентском педиатрическом институте), – книга представляет значительный интерес благодаря, прежде всего, приведенным в ней архивным документам, а также личным мемуарным свидетельствам. Особо стоит отметить живой литературный язык, которым написан этот труд. Ниже мы публикуем (в журнальном варианте) предисловие и три главы, освещающие деятельность Мединского с 1865 по 1890 годы.

В детстве я любила рассматривать старинные фотографии, которые хранила моя бабушка, Ольга Викторовна Мединская, мать моей мамы. Меня восхищали наряды красивых дам, их талии-рюмочки и очаровательные улыбки. Для девочки нищих послевоенных лет незнакомые дамы казались сказочными принцессами, а для бабушки это были любимые лица давно потерянных родных.

Мы сидели около пышущей жаром буржуйки в крохотной бабушкиной комнатке. Каждая фотография вызывала у бабушки Оши целую череду воспоминаний. Принцессы из дивной сказки оказывались ее сестрами, а прекрасная дама с бриллиантами в ушах – их матерью.

А вот принцев не было, от них остались только «головы» – аккуратно вырезанные овалы. Причину я узнала, повзрослев. Мужчины в бабушкином роду были сплошь военные на царской службе, иметь таких родственников в те времена было очень опасно.

Родители тщательно скрывали свое происхождение. А мне так хотелось узнать, кто же мы и как попали в Среднюю Азию.

Ответы я получила только в старости, да и то не на все вопросы. Документы, раскрывавшие «подозрительное» происхождение, сожгли после революции, свидетели тех лет умерли, а мы, их потомки, в суете повседневности не проявили на-

стойчивости и должного интереса к истории своего рода. Приходила мысль искать документы в архивах, но мама боялась. Она знала, что значит быть «из бывших».

Когда она поступала в институт, у нее отказались даже принимать документы, потому что в анкете было честно указано: отец – бывший царский офицер. А самого офицера в 1937 году репрессировали. Прадед же, Виктор Юлианович Мединский, говорила мама, не простой генерал, а губернатор, за родство с ним можно пострадать еще больше.

В 1968 году из Ленинграда приехал посмотреть древние города Средней Азии сын маминой подруги детства. С Сергеем мы давно дружили и решили поехать вместе. Когда мама узнала, что мы будем в Самарканде, она попросила найти могилу прадеда, подробно описав ее по рассказам бабушки. В последние годы жизни Виктор Юлианович Мединский служил в Самарканде, там умер и был похоронен на старом русском кладбище.

Посещение самаркандского кладбища стало первым шагом в моем долгом и прерывистом поиске своих корней. Сторож охотно показал нам коленопреклоненного ангела над склепом. В склепе, по словам бабушки, были погребены и прадед, и прабабушка, но надпись на памятнике относилась только к прадеду.

Шло время. Никаких сведений о предках не находилось, только дата смерти прадеда на памятнике – 8 августа 1908 года – да звание, в котором он умер, – генерал от кавалерии.

Всё переменялось к концу XX века. Перестройка. Гласность. Все заговорили о прошлом, сознались в происхождении, не боясь репрессий; напротив, появилась масса потомственных дворян. Решилась и я отправиться в Государственный архив Узбекистана.

К этому времени в живых не осталось никого, кто мог бы вспомнить хоть какую-то дату или факт, по которым можно было бы ориентироваться во время поисков. Зато появились компьютер и Интернет. А главное, вырос мой сын и стал в моих поисках первым помощником.

В Интернете сын нашел важнейшие для меня сведения: Виктор Юлианович Мединский в 1891–1892 годах жил в Фергане, был вице-губернатором Ферганской области. Эти данные стали отправной точкой в моих поисках...

С таким настроением я пришла в архив и уже не удивилась тому, как легко и просто получила разрешение работать в историческом отделе с документами Туркестанского генерал-губернаторства. Едва прикоснувшись к исписанным каллиграфическим почерком, пожелтевшим от времени листам, я погружалась в прошлое и возвращалась к действительности лишь в прохладе метро.

Каждый день я находила новые факты из жизни прадеда, читала его письма, стала узнавать почерк и подпись под его приказами и распоряжениями. Особенное волнение охватило меня, когда я вдруг узнала почерк моей бабушки Оши. Родные круглые буквы, как давно я их не видела!

Получив из архива копию послужного списка Виктора Мединского – краткий перечень основных фактов его жизни, я поняла, что без знания исторических особенностей того времени мне его не расшифровать. Пришлось обратиться в публичную библиотеку и заняться историей Туркестанского края.

Подобно ребенку, собирающему картинку из маленьких кусочков, восстанавливала я мозаику событий полутора столетней давности из архивных материалов, исторических описаний, воспоминаний современников и рассказов близких, сопоставляя все это с приказами о назначениях и отставках прадеда, его письмами и отчетами, а также наградными листами. Это было похоже на путешествие в прошлое, в навсегда утраченную страну предков, а путеводителем стал послужной список прадеда.

Левый фланг Ново-Кокандской линии

Из послужного списка Виктора Юлиановича Мединского:

По Высочайшему повелению, сообщенному в отзыве Инспекторского Департамента № 580, назначен заведующим Зачуйскими киргизами 22 января 1865 года. Приказом по войскам Туркестанской области от 12 октября 1865 года за № 182, с утверждения Командующего войсками Оренбургского военного округа, назначен управляющим туземным населением левого фланга Туркестанской области.

Присоединив новые территории к России, необходимо было подумать об их административном устройстве. Это и поручили Особому Комитету, в состав которого вошли министры военных и иностранных дел, генерал-губернаторы Сибири и Оренбурга, директор Азиатского департамента и другие лица.

Новая граница образовала Туркестанскую область, которую включили в состав Оренбургского генерал-губернаторства. Во главе ее поставили Михаила Григорьевича Черняева в должности военного губернатора. Он же был и командующим войсками Туркестанской области. Черняевский штаб летом 1865 года переместился в Ташкент, ставший центром области. Туркестанская область управлялась на основании временного «Положения» 1865 года. По этому «Положению» все органы и функции управления передавались управляющим «туземным населением», которые назначались из русских чиновников¹.

Ново-Кокандскую линию с прилегающими к ней территориями решено было разделить на три части: правый и левый фланги и центр. Первым начальником левого фланга назначили капитана Виктора Мединского, нашего прадеда. Поэтому он и не принимал участия в дальнейших действиях отряда Черняева.

Левый фланг Туркестанской области располагался между «западной оконечностью» озера Иссык-Куль и крепостью Аулие-Ата (Тараз). От Семиреченской области левый фланг отделяла река Чу, а на юге тянулись три горных хребта – Александровский (ныне Киргизский), Таласский Алатау и Сусамырский. Почти перпендикулярно к Таласскому подходил Чаткальский хребет.

Во времена прадеда в тех местах еще водились тигры, рыси, снежные барсы, медведи, лисы, олени, не говоря о мелких животных и разнообразных птицах. На

западе в пределы фланга вторгались пески Муюнкум. В долине реки Чу раскинулась среднеазиатская степь. Вдоль дороги, выходящей из Буамского ущелья, мрачного, сумеречного, но завораживающего своей красотой, стояли одно за другим военные укрепления: Токмак, Кара-Балты, Аксу (Беловодское), Мерке и, наконец, Аулие-Ата – центр левого фланга. В нем и поселился прадед. Крепости охранялись русскими гарнизонами, а управлялись воинскими начальниками, которые подчинялись Мединскому².

Не однажды мне приходилось ездить на Иссык-Куль по этой дороге, но ни я, ни мои двоюродные братья Мединские, родившиеся и жившие в Пишпеке, единственные наследники фамилии прадеда, не догадывались, что сотню лет назад по ней скакал на лошади наш предок.

Местное население вело кочевой образ жизни. Только в слободках, расположенных около крепостей, жили переселенные туда кокандцами торговцы и ремесленники, из сартов. В горах же и степях кочевали киргизы – скотоводы и охотники. Разводили овец и лошадей, охотились с беркутами, которых специально обучали.

Мединскому предписывалось поддерживать власть назначенных манапов³, заняться размещением киргизских волостей по тем землям, где они раньше кочевали, и заключить условия с почтосодержателями⁴.

Кроме того, он имел право решать спорные дела. Первым распоряжением капитана Мединского было указание вернуть всё награбленное у местного населения, если такие случаи были.

Где жила Наталия Адольфовна с детьми в то время, когда Виктор Юлианович управлял левым флангом, неизвестно, но первые русские поселенцы уже стали появляться в этих местах.

В обязанности Виктора Мединского входил сбор податей, которые раньше несли кокандским бекам, и разбор всех жалоб, поступающих от туземцев, если они были недовольны решением своих волостных управителей и сами просили рассудить споры. В обязанность местному населению вменялось также выставлять караулы и разъезды, чтобы уберечься от нападения шаек разбойников из соседних ханств. Такие набеги называли баранта, а разбойников – барантаци. Чаше всего угоняли скот.

Бывало, что нападали на русские табуны, которые паслись в степи. Однажды барантаци угнали лошадей из отряда Черняева и скрылись в горном ущелье. Казаки кинулись догонять, но с высоких скал их закидали камнями. Пришлось вернуться.

Для меня стала настоящим подарком совершенно истрепанная папка с делом № 8 из описи № 1 фонда И-336 в нашем ташкентском архиве. В ней не лежали, а скорее валялись давно не востребуемые пожелтевшие тетрадные листки, исписанные простым карандашом. То были письма, донесения Черняеву, переписка между заведующими разными частями Туркестанской области. Я сразу узнала почерк Виктора Юлиановича, который уже встречала в официальных рапортах, и еле поборол желание взять себе эти, как мне показалось, уже никому не нужные листки.

Документы папки № 8 – единственные, по которым можно представить события со слов самого Мединского. В письме к Черняеву он рассказывал о своей по-

ездке в Токмак и Мерке, о ходе уборки хлеба, о сборе податей... Виктор Юлианович пишет, что это будет только лишним бременем для народа. Он рассказывает Черняеву о своих трудностях. При сборе податей Мединский встретил нежелание киргиз «относить повинность» по новым адресам. Киргизы привыкли везти пошлину в Аулие-Ата при кокандской власти и просят сохранить привычный порядок, а русские начали делить территорию на уезды и волости, не считаясь с границами киргизских кочевий, велят сдавать подати воинским начальникам крепостей. Мединский просит удовлетворить просьбу киргиз.

Интересен рассказ Виктора Юлиановича об аксакале из Мерке:

На него и в прежние приезды мои приносились от киргиз жалобы и сейчас жаловался один каракиргиз, что аксакал взял себе в жены его дочь, обязуясь уплатить 7 штук рогатого скота, но заплатил только 3, из которых опять 2 отнял. По суду Биев я приказал, чтобы аксакал или возвратил дочь отцу или доплатил оставшихся 6 штук. Он счел лучшим возвратить жену, но опять стал притеснять это семейство разными требованиями. Позвав его к себе, я старался внушить ему, что, будучи аксакалом, он должен показывать пример своим поведением и что если будут повторяться подобные жалобы, то он будет смещен. На это он ответил весьма дерзко, что не нуждается в аксакальстве. За все эти поступки я вынужден был арестовать его на 3 дня и сместить с должности, о чем буду иметь честь доложить Вашему Превосходительству с представлением о назначении другого⁵.

У администрации края появилось много забот восстановительного характера. Во время военных действий было разрушено немало кибиток, вытоптано полей, погибли киргизские джигиты, воевавшие на стороне русских. Новая власть выплачивала за это денежную компенсацию, а в обязанности местных чиновников входило оформление дел и определение ущерба. Кроме того, не закончилось еще полное «замирение» всех киргизских родов.

Весь 1865 год Мединский провел в седле. Он объезжал киргизские кочевья, чтобы ознакомиться с обстановкой на местах, выяснить, как относятся к русской власти киргизы, какие трудности возникли перед ними после смены власти. Киргизы устали от кокандского владычества и надеялись, что русская власть принесет им облегчение.

Но среди манапов кокандцы имели и своих сторонников. Отделившись от большинства, те вели партизанскую войну, нападая на русские посты и угоняя в плен военнослужащих. Пленных продавали в рабство, меняли их имена...

В июле, высоко в горах Сусамыра, под проливным дождем и мокрым снегом, делая по 25-35 верст в день, штабс-капитан Мединский скакал по горам в поисках захваченных манапом Майамылом казаков.

Манап Майамыл кочевал вокруг укрепления Мерке, принял русское подданство и согласился поставлять необходимые продукты русскому отряду и гарнизонам. В помощь ему выделили семь казаков. В апреле 1865 года Майамыл передумал служить русским, арестовал казаков и вместе с ними и подчиненными ему киргизами решил уйти на территорию Кокандского ханства. Но на перевалах, по которым можно было выйти в Ферганскую долину, еще лежал снег. Пришлось Майамылу остановиться в Сусамырских горах.

Чтобы освободить казаков, создали два специальных отряда. Один, под началом капитана Астафьева, выдвинулся из Аулие-Ата, а вторым командовал капитан Мединский. Он двигался из Токмака через Карабалтинское ущелье. Мединский связался с манапом рода Саяк Рускулбеком. Тот нашел казаков и помог освободить их. Сам Майамыл, испугавшись приближения отряда, сбежал в Кетмен-Тёбе (ныне в Джалал-Абадской области Киргизстана), а подчиненные ему киргизы, 150 юрт, вернулись назад.

Но больше всего трудностей вызывало «разграничение». Петербургское правительство все новые территории решило привести в соответствие с российским административным делением, как это было в Западной Сибири. Чертить карандашом на бумаге, разумеется, проще, чем вести границы на местности. Из Петербурга пришел приказ разграничить область на уезды, а значит разделить кочевья киргизов так, как нарисовали картографы. Однако границы кочевий не совпадали с новыми административными. У кочевников постоянными были только зимние кочевки, аулы в горных ущельях. Начальники родов стали ссориться между собой при дележе земли. Мединский докладывал начальству, что обстановка накаляется и может «привести к баранте»⁶.

В фонде И-336 лежат свидетельства мучений прадеда и других управляющих, которые тоже занимались «разграничением» Туркестанской области на уезды. Для оседлого населения такое административное устройство больших проблем не создавало, но кочевники зимовали в одном уезде, а на лето могли перемещаться не только в другой уезд, но и далее, в другую область⁷.

Запят же, то есть подать с имущества, платили с кибиток волостному управителю, который отвозил собранные деньги уездному начальнику. Посчитают в волости кибитки и установят сумму сбора, а кочевники снимутся с места и погонят свои стада не по закону административного деления, придуманного в Петербурге, а туда, где трава выросла.

Виктору Юлиановичу приходилось все эти вопросы согласовывать с обеими сторонами.

По Арысу кочевал род Конглы, около Аулие-Ата – род Нурабая, а вблизи крепости Чимкент, комендантом которой назначили Южакова, находились кочевья рода Бия Байгузя. Пришлось Мединскому и Южакову объединиться и вместе «разграничивать» свои волости. 4 октября 1865 года в урочище Терсу они собрали всех заинтересованных начальников родов Чимкентского и Аулие-Атинского районов. Выяснили, как разделить родовые кочевья, никого не ущемляя, чтобы люди не лишились возделанных ими пашен и оросительных арыков, чтобы родовые кладбища не оказались на землях соседнего рода. Только в таком случае можно было избежать раздоров и недовольства властью. Обосновав свои соображения, Мединский отправил Черняеву письмо с предложением учесть пожелания местного населения. В ответ Черняев разрешил исправить границы так, как считает правильным Мединский. Только после этого киргизы успокоились и границы провели окончательно.

Теперь на первый план вышли другие заботы. В январе 1866 года Главный

штаб потребовал «точные сведения о числе, подведомственного Военному министерству, кочевого и оседлого народонаселения Туркестанской области»⁸.

Легко ли посчитать кочевников, постоянно перемещающихся вслед за стадами по степи и по горным пастбищам? Да и границы установили не все. Всё еще согласовывалась граница между киргизами Оренбургского ведомства и Туркестанской областью. Позвали манапов, но и они точно не знали, сколько человек в их роду. Известно было только количество кибиток, потому что подати платили с кибитки. Решено было считать, что в среднем в каждой кибитке (юрте) по пять душ.

9 декабря 1866 года начальству доложили: всего в области 1035000 жителей мужского и женского пола. Но даже на такие приблизительные подсчеты ушло несколько месяцев. Первую настоящую перепись населения удалось провести лишь в 1897 году.

Немалые трудности возникли с денежным обращением. Еще до взятия Ташкента Черняев докладывал, что на местных базарах у солдат не принимают русские деньги, кроме серебряных монет. Неохотно брали русские деньги и при обмене на кокандские. Генералу Черняеву русские финансисты ставили это в упрек и даже указали как одну из причин его отставки. Но и после Черняева купцы не переставали жаловаться. Особенно трудно было с ассигнациями. Местные жители называли их «когоз» (бумага) и не брали ни за что. Еще несколько лет спустя любопытную картину можно было наблюдать в Ташкенте в дни выдачи жалования русским чиновникам. Они выносили мешки с серебряными монетами и, не в силах донести их до дома, ловили извозчиков... Только новгородская ярмарка заставила туземцев поверить в преимущество ассигнаций. Даже верблюдам было тяжело везти через пустыню мешки с серебром из Туркестана в Новгород.

Правительство планировало переселение крестьян для освоения степи, как это имело место в Сибири. На управляющих ложилось бремя межевания земель. Сначала казакам, а потом и переселенцам-крестьянам решено было выделять земли. Генерал Черняев опасался, что такая политика вызовет недовольство местных жителей, у которых и так было мало пригодной для посевов земли. Но колонизация края предполагала строительство поселков и городов для оседлого русского населения. Одних казаков для удержания занятых земель и получения экономических выгод было недостаточно.

Летом 1866 года генерала Черняева отозвали в Петербург. Вчерашний герой, удостоенный высочайших царских наград, впал в немилость, поссорившись с оренбургским губернатором Крыжановским. Военным губернатором области назначили генерала Романовского, но он проработал недолго. Туркестанская область расширилась за счет новых завоеваний и в 1867 году преобразовалась в Туркестанское генерал-губернаторство.

В Ташкент прибыл генерал фон Кауфман, ставший первым генерал-губернатором Туркестанского края. Край разделили на области, и Аулие-Ата стала центром одноименного уезда Сырдарьинской области, в которую вошел и Ташкент.

16 декабря 1867 года Виктор Юлианович Мединский приказом по военному управлению был назначен исполняющим должность Аулие-Атинского

уездного начальника. Уездное управление состояло из начальника, двух помощников, младший из которых был местным, уездного врача и судьи. Кроме того, было почтовое отделение и уездная касса.

Через четыре дня после вступления Мединского в должность, 20 декабря 1867 года, предписано было сформировать в Сырдарьинской области три организационные комиссии для уездов, где преобладало кочевое население. Председателем комиссии, работавшей в Аулие-Атинском уезде, назначили Мединского. Общее руководство всеми комиссиями осуществлял генерал-майор Александр Гейнс. Связано это было с введением в 1867 году «Проекта положения об управлении в Сырдарьинской и Семиреченской областях».

Перед комиссиями поставили задачу сформировать аулы по 100 и 200 кибиток и дать им названия по номерам. Аулы объединялись в волости по 1000-2000 кибиток, волости же составляли уезды. Названия волостям предлагалось давать по ущельям и рекам, на которых располагались зимние стоянки, или по названию основного рода.

Сформировав аулы и волости, предстояло провести в степи новые выборы местных начальников. Прежние манапы и султаны лишались власти, которая должна была перейти к людям, выбранным из народа.

Согласно новому «Временному положению 1867 года», от каждых десяти кибиток выбиралось по одному избирателю для выборов аульного старшины, а от пятидесяти кибиток – по одному избирателю волостного правителя.

Виктор Юлианович снова сел на коня. Надо было успеть до наступления весны объехать все кибитки и разъяснить суть новых порядков, провести выборы, создать аулы и волости, переписать население и просчитать сумму податей от каждого аула и волости. При этом, меняя старое руководство кочевников, необходимо было избежать волнений и неповиновения населения только что завоеванного края. Решили сделать два объезда и все щекотливые проблемы, например, сбор податей, оставить на второй.

Из века двадцать первого трудно себе представить, что значило в то время зимой объезжать стойбища. Киргизские кочёвки были разбросаны на огромном расстоянии друг от друга, по несколько кибиток. Ни дорог, ни мостов, лошадь и верблюд – единственное средство передвижения. Никакие тарантасы по горным тропам не пройдут. Зима в степи и в горах суровая. Бураны заметаю все пути в ущелья, где приютился какой-нибудь маленький аул. Ждать весны тоже нельзя – киргизы снимутся на летние кочёвки и их уже не найдешь. Чимкентская комиссия, не успев закончить работу зимой 1868 года, вынуждена была ждать зимы 1869-го.

Но холода и труднодоступность аулов были не единственными проблемами. Кочевники не желали правильно показывать количество кибиток и скота, чтобы уменьшить сборы и долги за прошлые годы. Нашлись и недовольные свержением кокандской власти, стали распускать слухи, будто русские принудят кочевников жить оседло, что заберут мужчин в русскую армию.

В некоторых местах жители стали вместо взрослых записывать младенцев и даже умерших. Приходилось придумывать массу ухищрений и властям, чтобы из-

бежать обманов, собрать хоть как-то достоверные статистические данные и завершить выборы.

В Аулие-Атинском уезде киргизы захотели составлять волости по родам, чтобы в одной волости не соединялось несколько родов. Они никак не могли выбрать волостного правителя. Каждый род хотел голосовать за своего. «Артиллерии капитан Мединский, – пишет М. Терентьев, – обошелся без всякого шума и очень просто: он удалил из толпы наиболее влиятельных людей, лично заинтересованных в выборе»⁹.

Простые киргизы выбор сделали быстро.

В течение 1868 года комиссия закончила свою работу, сумев внушить местным жителям доверие к новой власти и не вызвав беспорядков. Даже к сбору налогов основная масса киргизов отнеслась спокойно – не только потому, что поборы были для них делом привычным, но и потому, что взиматься они стали пропорционально доходам семьи.

Труд Виктора Юлиановича не остался незамеченным. 9 июня 1868 года он был «Высочайшим приказом произведен в капитаны с зачислением по армейской кавалерии майором»¹⁰ и утвержден в должности уездного начальника.

Архивных сведений о работе прадеда в конце 1860-х осталось не очень много. Его непосредственный начальник, военный губернатор Сырдарьинской области генерал Николай Головачёв был им доволен. В деле о награждении Мединского чином подполковника к наградному листу приложено «Описание заслуг». В нем Головачёв пишет:

Майор Мединский, председательствуя в организационной комиссии Аулие-Атинского уезда, составил самую подробную и верную его статистику, а также своими особенными трудами ввел примерное благоустройство в уезде, составляющее плоды 4-х летней самой деятельной службы, за что вполне заслуживает особенного внимания начальства¹¹.

В служебной характеристике Виктора Юлиановича, которую дал ему Головачёв, есть одна забавная деталь. Головачёв пишет, что хотя Мединский происходит из дворян Подольской губернии, женат он на православной и в быту живет совершенно по-русски. Начальник прадеда, вероятно, не знал, что супруга Мединского в девичестве была баронесса Сильвергельм.

Виктор Юлианович, по свидетельству современников, обладал очень ценным для управляющего качеством. Он умел ладить с местным населением и пользовался большим авторитетом. Александр Хорошин писал в «Туркестанских ведомостях» о распрях между северо-киргизскими племенами, которые закончились мирно, «к общему удовольствию, благодаря тому влиянию, какое имел на население Управляющий штабс-капитан Мединский»¹².

Даже Александру Добросмыслову, весьма критически относившемуся к Виктору Юлиановичу, только в одном удалось упрекнуть прадеда. Дело было вот в чем. Киргизы за неимением денег издавна подати платили баранами. Волостные управители продавали баранов и вносили деньги в уездные кассы. Чаше других начальников такую операцию разрешал Мединский, потому что население его уезда составляли сплошь скотоводы-кочевники. Добросмылова даже через 33 года после

событий очень беспокоила мысль о том, что от сделки с баранами могли оставаться неучтенные деньги. Бухгалтерия в ту пору действительно была примитивной¹³. В архиве я видела бухгалтерский журнал прадеда. Это обычная перешнурованная конторская книга, в которой рукой Мединского записаны размеры подати, время получения и стоят печати волостных управителей. Печати заменяли подписи и остались прежними, резными и без орла, с арабскими буквами. Так и лежит книга в ташкентском архиве более 150 лет¹⁴.

Описание Аулие-Ата в период пребывания там Мединского содержится у того же Добросмыслова. Первыми русскими поселенцами в нем стали отставные солдаты. Место было захолустное и застраивалось медленно. В то время, когда там жил Мединский, не было средств даже на строительство православного храма. С 1866 по 1870 годы богослужение совершалось в походной церкви в казармах*.

С 1865 года в городе стали появляться новые кирпичные дома, прямые улицы, вдоль них посадили тополя. Горожане могли отдыхать от летней жары в городских парках и скверах. Электричества, разумеется, не было, освещался город свечами, керосиновыми и газокалильными фонарями.

Медицинскую помощь населению после взятия русскими Аулие-Ата оказывали военные врачи. В 1868 году, еще при Мединском, открыли первую в уезде амбулаторию и приняли на работу уездного врача, фельдшера и повивальную бабку¹⁵.

Виктор Юлианович управлял уездом до 28 ноября 1869 года. Военный губернатор Сырдарьинской области Головачёв всегда лестно отзывался о своем подчиненном и, когда у первого по счету начальника города Ташкента Росицкого возникли неприятности по службе, предложил заменить его Мединским.

Ташкент. Новый город

Из послужного списка:

Приказом по Туркестанскому Генерал-Губернаторству
Майор Мединский назначен начальником города
Ташкента 28 Ноября 1869 года.

Пока Виктор Юлианович заведовал Аулие-Атинским уездом, генерал Черняев, заняв Ташкент, начал строительство европейской части города.

Для этих целей Черняев присмотрел пустые земли за Анхором. Сохранился документ, свидетельствующий о купле-продаже этой земли. Рапорт № 687, датированный 18 июля 1866 года, подписан генерал-майором Дмитрием Романовским, который неожиданно для многих сменил Черняева на посту военного губернатора Туркестанской области.

Из документа следует, что перед отъездом в Петербург Черняев купил огромный пустырь между каналами Анхор и Салар за «7 тысяч рублей серебром. Землю частью роздал под огороды, частью под различные постройки русских поселен-

* См. в этом номере статью Александра Галака «Православные храмы Сырдарьинской линии: от Раима до Катта-Кургана».

цев». Сменивший Черняева генерал Романовский приказал докупить к этой земле «еще пространство между Урдой, новой крепостью и арыком Боссу»¹⁶, заплатив 3 тысячи серебром.

В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. 7 ноября этого года в Ташкент прибыл первый генерал-губернатор края, генерал от инфантерии Константин фон Кауфман. Как водится, новый начальник края стал формировать свою администрацию и делать перестановки.

Осенью 1869 года Кауфман подписал приказ о переводе Виктора Юлиановича из Аулие-Ата в Ташкент и назначении его начальником города. В его подчинении находились помощник, городской врач, повивальная бабка и канцелярия.

По приблизительным расчетам, быстро растущее население европейского Ташкента к этому времени достигло 2073 человек. В девяти новых кварталах стояли 377 зданий. Почти половина русского населения – в возрасте от 20 до 40 лет. По национальному составу и вероисповеданию Ташкент напоминал Ноев ковчег. Русские, сарты, киргизы, татары, немцы, поляки, евреи, шведы, финны, греки, французы, башкиры, мордва, датчане...

Таким был Ташкент, когда 3 декабря 1869 года сюда прибыл на службу и житье майор Виктор Мединский с супругой Наталией Адольфовной и двумя сыновьями, семилетним Валерианом и шестилетним Константином.

В городе жили всего 134 ребенка в возрасте до четырнадцати лет, и не было ни одной гимназии. Пришлось отправить детей учиться в Петербург, домой они приезжали только на каникулы. Жили Мединские в казенном доме с огромным садом.

Передо мной самая старая фотография из семейного альбома. Подпоручик Григорий Кривцов «снял с натуры», как гласит подпись, семью Мединских за чаепитием.

В тенистом фруктовом саду накрыт длинный стол. За самоваром сидит Наталия Адольфовна, в девичестве Сильвергельм, мама моей бабушки; в центре еще молодой Виктор Юлианович в чине полковника. Вместе с родителями сфотографированы дети: слева от отца стоит Валериан, справа с куклой – трехлетняя Елизавета. Ее поставили на стул, чтобы была видна за сидящим впереди Константином. На спинке Костиного стула расположился беркут.

Рядом со столом – верная няня, прожившая всю жизнь у Мединских. Все девять детей выросли под ее присмотром. Около няни стоит маленький мальчик с игрушечной лошадкой. Николай? Или Сергей? Много лет не могла понять, пока не прислали мне потомки Николая похожую фотографию из своего альбома. Тот же стол с самоваром, те же лица, но к ним присоединилась вторая няня с годовалым малышом на руках – с Николаем!

Странное чувство охватывает меня, когда смотрю на эту фотографию. Полтора века, разделяющие нас, делают меня провидицей. Из бесконечно далекого для них 21-го века я без труда «угадываю» будущее каждого.

Вот сидит прадед. Он не знает, что доживет до старости, а когда умрет, из всех, кто сейчас рядом, только няня приедет издалека и вместе с самой младшей дочерью Ольгой пройдет по Самарканду в похоронной процессии. А Валериану

осталось жить всего пятнадцать лет. Он погибнет, упав с лошади. Елизавета переживет многих и скажет, оставшись одна: «Бог наградил меня проклятым долголетием».

Константина расстреляют в 1921-м за принадлежность к дворянскому роду и за «должность». Сергей будет служить офицером железнодорожного батальона, а в Первую мировую заведовать автомобильными частями Северо-Западного фронта.

Маленький Николай вырастет и станет военным инженером. Он построит пушечный завод в Царицыне, тот самый, который в советское время назовут «Баррикады» и где создадут знаменитые «Тополя». Выстрадает репрессии 1937-го года.

Но тогда, в ташкентском саду, жизнь семьи в моем родном городе только начиналась, они верили в свою счастливую судьбу.

С увеличением населения и территории города необходимость в его скорейшем благоустройстве становилась все острее. Непосредственный начальник Виктора Юлиановича, военный губернатор Сырдарьинской области генерал Головачёв учредил с этой целью хозяйственное управление из нескольких человек, а председателем назначил начальника города.

Майор Мединский проработал в этой должности почти восемь лет, дольше многих своих преемников, получил звание полковника, орден Св. Владимира 3-й степени, а значит, с обязанностями своими справлялся. Но и критики навлек на себя достаточно.

Хозяйственное управление пересмотрело правила застройки города, расширило его территорию и утвердило новый проект строительства европейского квартала.

Константин Петрович фон Кауфман мечтал сделать в Азии маленький Петербург. Поэтому, по плану Макарова, от центральной площади, Константиновской, радиально расходились улицы, как в столице России. Их пересекали кольцевидные магистрали. Центр почти не изменился. Константиновская площадь – сквер Амира Тимура, бывший сквер Революции. От него все так же расходятся улицы Истиклол (Пушкина, прежде Лагерный проспект), Мирзо Махмуда (Карла Маркса, Кауфмана), Мавераннахр (Энгельса, Московский проспект), Ахунбабаева (Куйбышева, Куйлюкский проспект). Сколько раз они меняли свои названия!

Под новые участки отвели землю за арыком Чаули вплоть до Салара и размер их увеличили до 3000 кв. саженей (2,25 га). При домах появилась возможность разводить сады и строить бассейны. Улицы стали шире, увеличилась проезжая часть. Застройщики подчинялись общим правилам строительства и благоустройства, чтобы город выглядел красивым. Участки выкупались с условием, что дома будут построены за три года. Кроме того, владельцам участков вменялось в обязанность обустроить часть улицы перед домом: на одинаковом для всех расстоянии в два аршина посадить два ряда деревьев, провести арык и сделать через него мостик. Домовладелец должен был убирать свой участок улицы и поливать его утром и вечером в жаркое время года. Государственные чиновники обеспечивались казенным жильем, но его не хватало, и Кауфман разрешил давать им ссуды в рассрочку

на десять лет под строительство частных домов. Документы на ссуды подписывал Головачёв, но вторая подпись была Мединского, что быстро увеличило число его и друзей, и врагов, и завистников.

Не менее интенсивно шло строительство государственных учреждений. В 1870 году на берегу Салара близ будущего вокзала закончилось строительство военного госпиталя на 415 коек, в котором открылись специализированные отделения. Средства на строительство госпиталя и военно-госпитальной церкви при нем выделила старейшая туркестанская фирма «Первушин и дети».

В Ташкентском госпитале родился мой дед, потому что второй наш прадед, бабушкин свекор, Иван Петрович Шутихин работал здесь с 1876 года комиссаром, а затем несколько лет смотрителем.

Не знаю, успели ли встретиться в Ташкенте наши прадеды, но в последние свои годы оба служили в Самарканде: Мединский – военным губернатором, Шутихин – смотрителем военного госпиталя. Почти вместе вышли в отставку и умерли в одном году, не дожив до свадьбы своих детей совсем немного.

Вторую аптеку построили в 1874 году на деньги, собранные Мединским с населения старого города. Лекарства в ней также отпускали бесплатно. С начала работы Виктора Юлиановича в управлении и вплоть до его ухода медицинской частью ведал единственный городской врач Ханафия Батыршин, из уфимских дворян, выпускник Казанского университета. Ханафия Алюкович – первый врач, практиковавший в азиатском Ташкенте, который до него дипломированных специалистов не видел. Батыршин занимался и профилактикой, привил тысячи детей против черной оспы.

Периодически возникали эпидемии холеры. К периоду пребывания Мединского в Ташкенте относится эпидемия 1872 года, когда заболело 3978 человек и 2515 умерло; в европейской части города похоронили 254 человек. И это только официальные данные, реальные цифры намного их превышали. Местные жители скрывали больных, поскольку эпидемиологические мероприятия нарушали мусульманские традиции погребения.

19 декабря 1869 года открылась химическая лаборатория, в которой работал химик Николай Тейх. Интересно, что открытый при ней газовый заводик во время эпидемии холеры 1872 года помогал врачам, выпуская каменноугольный деготь и дегтярную воду. Их применяли как дезинфицирующие средства

При лаборатории в доме Жемчужникова стала работать и метеорологическая станция, гордостью которой были сейсмограф для наблюдения землетрясений и эвапорометр Вильда, определявший степень испарения воды в тени. С метеостанции начала свою работу ташкентская обсерватория, ставшая первым научным учреждением в Туркестане. Годом основания учреждения считается 1873. В Азии тогда существовали только две лаборатории – в Мадрасе и в Ташкенте.

Впоследствии ташкентская обсерватория превратилась в научно-исследовательский астрономический институт. В школьные годы я любила экскурсии по обсерватории, на которые нас водили преподаватели. Мы с трепетным восхищением смотрели в телескоп, чудо технического прогресса. Но более всего мне запомнился обсерваторский парк. Под строительство обсерватории было выкуплено к

северу от города более 1000 десятин земли у мечети Ходжа-Асрар и Ходжа Исса. Договор о выкупе земли находится в архиве Узбекистана¹⁷.

На купленной территории располагались усадьба, виноградники, фруктовый сад, бахчи и поля, много деревьев; орошал землю арык Ак-Курган. Десятки лет огромная территория обсерватории (1092,5 га по архивным документам), поросшая густой растительностью, восполняла жителям Ташкента отсутствие леса.

Постепенно город разрастался, наступая со всех сторон на обсерваторский лесопарк, но и теперь от него остался маленький кусочек, не тронутый временем. Правда, арык обмелел и сузился, одет в бетонные облысевшие берега, а старый мост, перекинутый через него в первой половине 20-го века, был заменен новым.

А в том, прадедовском Ташкенте, появились сдвиги в образовании. Друг за другом открывались школы и училища. В 1871 году организованный двумя годами раньше на пособие из казны частный пансион девицы Пахерт был преобразован в трехклассное училище для подготовки детей в гимназию. В 1873-м при мечети на Воскресенском базаре стала функционировать первая татарская школа. Когда заработала школа шелководства, учеников в нее прислал генерал Колпаковский, набрав их из семиреченских казаков. Мастерству и ремеслам обучали в женском и мужском народно-ремесленном училищах. Обучение на узбекском языке проводилось в нескольких новых мактабах. Учебная литература выписывалась из России.

В перечне названий книг, заказанных дому Н. Фен и Ко, учебники, по которым учились и мы, например, Ушинского. В списках – «Беседы о природе» Зобова, «Школа чистописания» Гербача, «Русская литографическая хрестоматия», «Зоологический атлас» Лейтмана, грифельные доски и другие канцелярские принадлежности. Примечательно, что наряду с русскими книгами значились произведения Алишера Навои, Ходжи-Хафиза, Суфи Аллаяра, Бедиля. В 1876 году открылась женская прогимназия. На западном краю Константиновской площади в конце Соборного проспекта началось строительство корпусов мужской и женской гимназий. Они украшают город и в наши дни.

Была мысль открыть тогда же учительскую семинарию, чтобы готовить своих преподавателей в школы, но министр финансов России Рейтерн посчитал это несвоевременным. Семинарию построили позже.

1 апреля 1870 года в Ташкенте была открыта первая в Средней Азии публичная библиотека, а 28 апреля вышел первый номер «печатного органа генерал-губернаторской власти» – газета «Туркестанские Ведомости». В 1871-м вышла в свет первая ташкентская книга – календарь на узбекском («сартовском») языке. Его составил переводчик Ибрагимов. Все 500 экземпляров продали за два дня.

Значительным событием следует считать телеграфное соединение Ташкента с Европейской частью России через Западную Сибирь в 1873 году. Телеграфные линии протянулись из Ташкента в Верный, через Ходжент в Коканд и Самарканд, в Чимкент и Туркестан. Всего за первый год эксплуатации телеграфа было более 3,5 тысячи входящих и столько же исходящих телеграмм. В 1874 году эта цифра удвоилась.

Ко всему, что тогда было построено, сделано и открыто, следует прибавлять слова «впервые» и «первый». В начале тех же 1870-х стали выпускать кирпич

первые заводы, открытые военными инженерами А.В. Макаровым и С.К. Глинка-Янчевским. Кирпич, обожженный из среднеазиатской глины, имел особенный желто-коричневый цвет и назывался туркестанским. Построив свои заводы, туркестанцы могли отказаться от строительства глиняных зданий, принятых у коренных жителей. Из местного кирпича не только строили дома, заборы, ворота, но и елочкой выкладывали тротуары и даже полы. По кирпичным тротуарам можно было пройти еще в середине 70-х годов прошлого века. Кирпичи сохранялись долго, особенно если их по китайской технологии предварительно опускали в кипящее растительное масло. На первых кирпичных заводах работали мастера, приглашенные из России. Но скоро местные жители научились обходиться без приезжих, и в азиатском городе заработали 43 завода.

Традиционно обмен русских мануфактурных товаров на среднеазиатский хлопок и шелк происходил на Ирбитской и Нижегородской ярмарках.

Генерал-губернатор фон Кауфман стремился создать условия для торговли в Ташкенте, принимая во внимание, что путь на российские ярмарки дорог, далек и опасен. В 1870 году по его распоряжению построили здание биржи и недалеко от сада Мингурюк устроили ярмарку. Во время ярмарочной торговли местных и иностранных купцов освобождали от уплаты закята, лишь бы торговали в Ташкенте.

Как начальник города, Мединский стал председателем ярмарочного комитета. Однако местные купцы так и не привыкли к новой ярмарке, тем более что цены на ней все равно регулировались в Нижнем Новгороде. Виктор Юлианович даже просил обязать торговцев азиатского города привозить товары на ташкентскую ярмарку, но старания оказались тщетными. Через несколько лет пришлось ее упразднить.

Дела и походы не мешали ташкентцам вести светскую жизнь. Общество было многослойным, и занятия соответствовали интересам каждого. Военные чувствовали необходимость своего присутствия в крае и были в подавляющем большинстве, поэтому к гражданским относились снисходительно, свободное время проводили отдельно от штатских, в военном собрании. Своего здания, всем известного ныне Дома офицеров, военное собрание в ту пору не имело. Сначала помещалось в крепости, до 1869 года – в доме генерал-майора фон Матейфеля на Соборной, а Виктор Юлианович ходил в собрание в дом Вартмана. Бывала там и Наталия Адольфовна. По праздничным дням давали балы, устраивали маскарады, семейные вечера и любительские спектакли. Общество любителей драматического искусства образовалось вместе с русским кварталом.

Обычно вечера в военном собрании проводили за картами. Играли на деньги, несмотря на запреты. За карточным столом встречались военный губернатор генерал Н.Н. Головачёв и его подчиненные: начальник города Мединский, Николай Колзаков – начальник Кураминского уезда, и начальник судного отдела Сырдарьинской области Южаков. Все участники туркестанских походов стали потом начальниками. Генералу часто улыбалась фортуна, он выигрывал, а Виктор Юлианович, по словам Добросмыслова, бывало, проигрывал до 1000 рублей за вечер. Тот же Добросмыслов неодобрительно сообщает, что к офицерам иногда присоединялась жена полковника, Софья Владимировна Клименко, «любительница острых

ощущений, которая была не прочь провести вечер за бокалом шампанского и картами в компании мужчин»¹⁸.

И будто бы в числе ее поклонников замечали Виктора Юлиановича. Кто знает! Наталия Адольфовна редко выходила в свет, несмотря на молодость, красоту и возможность хорошо наряжаться (в семью Мединского она принесла богатое приданое).

Прабабушка за семь лет пребывания в Ташкенте подарила мужу двух девочек и двух мальчиков. 13 сентября 1870 года родилась Елизавета, 15 сентября 1872-го – Сергей, 5 сентября 1874-го – Николай и 20 мая 1876-го – Елена. В те времена женщины в «положении» в присутственных местах не появлялись, да и забот хозяйке большой семьи хватало. Разумеется, Наталия Адольфовна пеленок не стирала и обедов не варила, до трех лет дети росли с няней, а потом с гувернанткой. В доме работала прислуга, повар, кухарка, садовник, прачка. Однако все работы требовалось организовать и за всеми проследить. Дошкольные учреждения отсутствовали, с подрастающими детьми занималась Наталия Адольфовна.

Кроме того, как это было принято среди жен высокопоставленных чиновников, она принимала участие в благотворительных делах. Туркестанское благотворительное общество, членом которого она была, создавалось в 1871–1872 годах, а раньше на лечение больных и раненых собирали средства по линии Российского Красного креста. Эпидемия холеры ускорила организацию общества, которое стало действовать, не дожидаясь утверждения устава в Петербурге. Холера оставила сиротами множество детей, десятки из них оказались буквально на улице.

Кауфман распорядился открыть приют и поручил это своей жене Юлии Маврикиевне, ставшей первой председателем благотворительного общества. Специальное здание строить было не на что и некогда, сняли квартиру и разместили в ней около двадцати детей-сирот. Средства на содержание детей и оплату сотрудников приюта собирали с горожан. Через два года на Лагерном проспекте, рядом с банком, построили новое здание. Кроме средств, пожертвованных гражданами, Юлия Маврикиевна в 1876 году передала приюту 10000 рублей от эмира бухарского, который просил потратить их «на добрые дела».

Члены благотворительного общества старались бороться с бедностью. Неимущим людям помогали приобретать необходимую пищу, одежду, лекарства. Безработным искали занятие, обучали ремеслам и покупали материал для изготовления первой партии изделий, рекламировали их, помогая продать.

В «Туркестанских ведомостях» № 43 за 1872 год было помещено следующее объявление:

Комитет туркестанского благотворительного общества получает заявления от некоторых женщин, желающих приобрести себе средства на жизнь шитьем белья, вязанием чулок и другой ручной женской работой, просят всех желающих оказать помощь этим женщинам доставлением работы. Обращаться с заказами к следующим лицам: 1. Председательнице комитета Н.А. Мединской (в доме начальника города Ташкента).

Далее следовал перечень других лиц.

Среди приехавших из России попадались люди, которые не смогли найти себе

применение в Туркестане и страшно бедствовали, не имея возможности вернуться. Для них собирали деньги на дорогу и отправляли на родину.

С возрастанием фонда общества становилось возможным выплачивать пособия и пенсии престарелым и инвалидам, организовывать по всему Туркестану приюты и дома престарелых, богадельни, выделять средства на приличные похороны беднякам. Денежный фонд общества складывался из членских взносов, сборов от любительских спектаклей и концертов, из частных пожертвований, деньги собирали на Пасху и Рождество.

Бабушка вспоминала, что где бы они ни жили, на православные праздники Наталия Адольфовна отправляла на средства семьи целые подводы с провизией и праздничным угощением в тюрьму, в больницы, приюты и богадельни.

В фонд Туркестанского благотворительного общества передали также вакуфные деньги Назар-бия. Назар-бий завещал часть своих земель в пользу бедных еще при кокандском хане, причем распорядиться доходом с земли поручил правительству. Узнав об этом, генерал-губернатор направил деньги Назар-бия в фонд общества. Отделения общества работали по всему Туркестану.

В городе, где основным транспортом служили лошади, а большинство мужчин были кавалеристами или казаками, которых вне седла трудно себе представить, не могли не увлекаться скачками. В центре европейского квартала, на Константиновской площади, представляющей тогда немощеный пустырь, скаковое ташкентское общество проводило соревнования. В центре площади на устроенном возвышении за скачками наблюдал К.П. фон Кауфман. Тогда же Константин Петрович задумал организовать конный завод. Среди подарков, преподносимых и Черняеву, и Романовскому, и Кауфману, было много лошадей. Бухарский эмир и кокандский хан присылали целые табуны. Среди присланных лошадей встречались прекрасные аргмаки и карабаиры, которых генерал-губернатор хотел скрещивать со степными матками и разводить лошадей для военных нужд.

В 1871 году образовалось товарищество из пятнадцати человек, которые внесли деньги и создали конный завод. В товарищество вошли генерал-губернатор Кауфман, военный губернатор Сырдарьинской области Головачёв, камер-юнкера князь Голицын и Савенков, полковники Колзаков, Лишин, Берг, Гунос, поручик Кривцов, ветеринар Заушевич. Вступил в товарищество и Виктор Юлианович, а также четыре влиятельных местных жителя: Сеид-Азим, Куль-Мамбет, Казак-хан и Омар Мерджиманов. Все занимали видные посты в администрации Кауфмана: Николай Колзаков – начальник Кураминского уезда, Омар Мерджиманов – его помощник от туземного населения, Савенков – помощник правителя канцелярии генерал-губернатора, второго лица после Кауфмана, пользовавшийся огромным доверием Константина Петровича. Он слыл человеком умным и влиятельным, его и избрали распорядителем. Годовой взнос составлял 600 рублей. Товарищество называлось «железным», то есть новых членов не принимали, выбывшие отдавали свой пай учредителям или продавали другому пайщику. В Капланбеке, на реке Угам, выделили землю, за нее обязались выплатить аренду. В честь Константина Петровича, который шел навстречу предприятию, назвали завод Константиновским. Из казны Кауфман выдал заводу 20 000 рублей в виде ссуды, которую надо было погашать в

течение 25 лет. Кроме того, генерал-губернатор разрешил пасти лошадей на свободных землях Кураминского, Чимкентского и Аулиеатинского уездов. Савенков обещал большие доходы от завода, и туркестанские чиновники, видя вокруг успешных коммерсантов, поверили ему и, главное, доверились полностью. Но скорых доходов не получилось, а годовые взносы могли платить не все. Виктору Юлиановичу не под силу оказался завод, он вышел из товарищества. Другие члены товарищества тоже стали друг за другом продавать свои паи оставшимся – Кауфману, Головачёву, Савенкову и Кривцову. Константин Петрович приобрел 43 пая. В 1874 году у завода было более 430 лошадей, 230 из них – аргамаки и карабаиры.

Вскоре, однако, начались крупные неприятности. Земля завода оказалась вовсе не «ничейной». На нее появилось много претендентов. Дело в том, что при хане право на землю определялось по законам шариата. Землю дарили за воинские и другие заслуги, отдавали тому, кто обработал заброшенную землю, если ее не использовали три года; передавали в наследство. Невозделанная земля могла принадлежать кочевникам в качестве места для стойбищ.

На право владения землей выдавались документы, написанные от руки арабским шрифтом, с печатью бека, хана или казия. Издавна эти бумаги подделывали, раздавали родственникам влиятельных лиц или за деньги.

Вот и теперь к русским начальникам Головачёву, Колзакову, Мединскому потянулись предъявители ветхих документов на землю конного завода и его пастбищ. Разобраться в подлинности бумаги не всегда представлялось возможным. На один и тот же кусок земли несколько жителей показывали документы, выданные разными беками и в разное время. Стали выясняться махинации как русских, так и местных начальников. Камер-юнкер Савенков и полковник Гуяс оказались мошенниками. По Ташкенту поползли слухи о злоупотреблениях и взятках, которые брали в областном правлении, о несметном богатстве Головачёва. Вспомнили, как Мединский отказал кому-то в ссуде на участок под дом, как приобрел вместе с мебелью для своей квартиры канделябры, ковры и гардины. Но более всего винули генерала Головачёва, который, если верить молве, отличался пренебрежением к закону и своих подчиненных заставлял нарушать его. Добросмыслов в качестве примера приводил следующий случай:

Приходит к Головачёву начальник города В.Ю. Мединский с докладом по одному вопросу, а Головачёв не соглашается с докладчиком и приказывает сделать иное распоряжение, В.Ю. Мединский возражает, что так нельзя, не по закону. «А где закон?», – спрашивает генерал. Мединский подает раскрытую книгу закона, генерал берет книгу и, не прочитав указанной В.Ю. Мединским статьи, кладет себе под сидение и спрашивает его: «А теперь, где ваш закон?». Мединский, как ни был находчив, на этот раз, пораженный, не нашелся что ответить¹⁹.

Ташкент гудел, но К. фон Кауфман вместе с Головачёвым, Мединским и прочими чиновниками ведомства так доверяли Савенкову, что губернатор готов был открыть еще одно товарищество – Средне-Азиатское хлопково-промышленное. Управляющим делами назначили известного агронома Бродовского, только что вернувшегося из Америки, где он учился хлопководству.

Савенков отправился в Петербург, чтобы заняться устройством нового товарищества, а Константин Петрович обещал отвести 30 000 десятин земли около Ташкента. Вернувшись, Савенков снова провернул «комбинацию», найдя подходящую территорию. И опять повалили в кабинеты люди с притязаниями и на эту землю.

Распутывать нескончаемые претензии и жалобы раздосадованный Кауфман назначил следственную комиссию под председательством Политковского. Следственная комиссия работала с 1875 по 1878 годы. По делу проверяли всех сырдарьинских чиновников и представителей местной администрации. Главные затруднения были обусловлены тем, что закон нарушали все. Как выяснилось, Кауфман учредил товарищество, выделил землю заводу и дал ссуду из казенных денег, не получив необходимого по закону разрешение центрального правительства. Помощник Кураминского уездного начальника Омар Мерджиманов, указывая на свободные земли, следовал законам шариата, которые расходились с русскими. Савенков и Гюос пользовались путаницей, присваивая себе большие суммы. Уездный начальник Колзаков поверил не киргизам, а Омару, показавшему сомнительный документ на землю, и насильно прогнал их.

Мединский не разобрался в жалобах и подлинности документов на один из земельных участков, Чиякульский, и тем, по мнению Политковского, способствовал махинациям Савенкова. Над всеми стояли военный губернатор Головачёв и начальник края Кауфман. Они держали ответ за допущение злоупотреблений в своем ведомстве.

5 мая 1877 года председатель Комиссии для производства формального следствия о злоупотреблениях, обнаруженных в Кураминском уезде, Политковский отправил фон Кауфману рапорт «О прикосновенности Полковника Мединского к делу о захвате Чиякульской земли». Комиссия не обнаружила соучастия полковника Мединского в преступлениях, сопровождавших Чиякульское дело, и «не нашла оснований к привлечению его к следствию в качестве обвиняемого», но признала его «прикосновенность» к делу о захвате Чиякульской земли. На первом листе рапорта Политковского от 22 мая фон Кауфман наложил резолюцию:

Признавая Полковника Мединского прикосновенным к делу о захвате Чиякульской земли, я усматриваю из образа его действий, что он не может внушать к себе доверия ни со стороны начальства, ни со стороны населения города Ташкента²⁰.

Виктор Юлианович был тут же отстранен от обязанностей начальника города. Кауфман зачислил его «состоящим в распоряжении генерал-губернатора».

Суд по «Кураминскому делу» состоялся 16 октября 1878 года. Головачёва и Колзакова генерал-губернатор фон Кауфман отстоял, к суду их не привлекли, несмотря на требование председателя следственной комиссии. Ходатайствовать за Головачёва Кауфман ездил к царю в Петербург. Император простил генерала за боевые заслуги, но должности он лишился. Колзакова отправили в действующую армию, пощадил его Кауфман также за отличие в боях при командовании батальоном во время туркестанских походов. Право же, офицерам легче было завоевать край, чем им управлять!

Мединский по делу не фигурировал вообще. Савенкова и Гююса признали виновными и сослали в Сибирь вместе с Омаром Мерджимановым. Владельцами обанкротившегося завода остались Кауфман и Кривцов. Капланбекскую землю киргизам не возвратили. Ее купил богатый купец Иванов вместе с заводом.

Константин Петрович главной причиной случившегося считал несоответствие законов о землепользовании в России и в Азии, что позволило ввести в заблуждение начальников и стало благодатной почвой для махинаций. Поэтому генерал-губернатор запретил русским приобретать землю за чертой европейского квартала и вообще совершать какие-либо сделки с землей между русскими и туземцами в связи с сомнительностью их документации.

В своих воспоминаниях последний генерал-губернатор Туркестана Алексей Куропаткин писал о Мединском, что «тот вел свои дела так, что формулировать против него определенное обвинение не представлялось возможным» (то есть не было оснований). Между тем, продолжал Куропаткин, при Мединском «туземное население города было спокойно, богатело и не жаловалось»²¹.

Пока разматывался клубок хитросплетений Савенкова и Гююса, в соседнем ханстве назрели более опасные события. Абдурахман-Автобачи восстал против своего властелина, кокандского правителя Худояр-хана, и поднял Фергану на газават. Джигиты Автобачи появлялись под Ташкентом, провоцируя жителей азиатской части города на мятеж.

Летом 1875 года у дома Мединского среди ночи раздался выстрел – ранили солдата, привезшего Виктору Юлиановичу важную депешу.

Кауфман отправил в Коканд войска на усмирение восставших. Бунт подавили, но и Кокандскому ханству пришел конец. Его территорию под названием Ферганской области император Александр II объявил частью Туркестанского генерал-губернаторства.

Осенью 1878 года Константин Петрович Кауфман назначил Виктора Юлиановича начальником Маргеланского уезда Ферганской области, и семья Мединского переехала из Ташкента в Новый Маргелан. Новая должность соответствовала прежней. Очевидно, Мединскому удалось восстановить утраченное к нему доверие Кауфмана.

Ташкентский период стал самой темной страницей в биографии Виктора Юлиановича. Возможно, потому и бабушка Оша никогда не говорила ни маме, ни мне, что Виктор Юлианович жил и работал в нашем городе. Однако очень часто я слышала: «Генерал был человеком честным и порядочным». Значит, публикации о Константиновском заводе она читала и очень переживала за отца.

Новый Маргелан

Из послужного списка:

Приказом по военно-народному управлению
Туркестанского Генерал-Губернаторства
Полковник Мединский назначен начальником

Маргеланского уезда 31 Октября 1878 года.
Таковым же приказом за № 156 назначен
и.д. помощника Военного Губернатора Ферганской
Области и председателя Ферганского
Областного Правления 7 Мая 1879 года.

После подавления мятежа Абдурахмана-Автобачи Кокандское ханство перестало существовать и было преобразовано в Ферганскую область, а 2 марта 1876 года ее военным губернатором и командующим войсками, в ней расположенными, был назначен Свиты Его Величества генерал-майор Михаил Скобелев.

Скобелев не захотел строить для русских поселенцев европейский квартал в Коканде. Ему не понравился город и местность вокруг него. Губернатору столица ханства показалась слишком многолюдной и тесной, а заболоченные окраины оказались опасными для здоровья войск: тиф и малярия буквально косили солдат. Кроме того, Михаил Дмитриевич считал, что военно-административный центр только что покоренной области следует сделать исключительно европейским. Скобелев выбрал место для строительства города в 10 верстах от Маргелана и обосновал свою идею в письме к Кауфману, которое ныне хранится в Национальном архиве Узбекистана. Разрешение было получено. В 1877 году создали комиссию по организации строительства, состоящую из военных инженеров, врачей, землемеров и уездного начальника Маргелана. Но губернаторство Скобелева закончилось, и император отозвал генерала на начавшуюся русско-турецкую войну.

Замену Михаилу Дмитриевичу Кауфман нашел среди туркестанских генералов. Он перевел из Самарканда в Фергану генерала Александра Абрамова, имевшего опыт управления местным населением.

Абрамов и Мединский давно знали друг друга. Молодыми поручиками они пришли в Туркестан с сибирским отрядом, были «черняевцами», как называли здесь всех, кто служил под началом Михаила Черняева. Когда после скандала на Константиновском конном заводе Виктор Юлианович остался не у дел и был направлен в Фергану Маргеланским уездным начальником, Абрамов обратился к Кауфману с рапортом. Генерал-лейтенант Абрамов «имел честь ходатайствовать об отчислении от должности своего помощника Майора Ястржемского и назначении на его место начальника Маргеланского уезда полковника Мединского». Отмечая прекрасные качества и «безукоризненную добросовестность майора Ястржемского», Абрамов просил предоставить ему «место, соответствующее прошлому служебному положению». В качестве мотива указывается майорский чин помощника, из-за чего он не может быть утвержден в должности, которую исполнял в течение трех лет, ожидая замены²². Кауфман просьбу удовлетворил, и Виктор Юлианович проработал в должности помощника военного губернатора Ферганы почти два десятка лет, уживаясь со многими губернаторами, сменявшими друг друга неоднократно.

К приезду семьи Мединских в Ферганскую область ее столица уже начала отстраиваться и получила, после долгих споров, название Нового Маргелана.

Обеспечивая безопасность администрации и горожан, как и в других городах Туркестана, первым делом соорудили крепость. Она располагалась на юге на самой высокой точке равнины, имела форму неправильного пятигранника с бастиона-

ми, из которых в сторону всех подходящих к ней дорог были направлены пушки. В стенах крепости виднелись бойницы для стрелков. Под защитой артиллерии находился и город, окруженный огромной эспланадой, то есть свободной площадью. Улицы отходили от нее лучами, создавалась возможность кругового наблюдения и обстрела в случае нападения. Поперечные улицы располагались параллельными кругами, пересекая радиальные. Небольшая горная речка Маргелан-сай разделяла город на две части. От нее провели арыки вдоль всех улиц и во дворы. Обилие воды сделало Новый Маргелан самым зеленым и прохладным городом губернаторства.

Виктор Юлианович совмещал должность помощника военного губернатора с должностью председателя областного правления, которая налагала на него те же административные и хозяйственные обязанности, что и в Ташкенте. Но теперь свободы в его действиях стало больше, над ним стоял только один начальник – военный губернатор.

Как и в Ташкенте, начинать пришлось почти с нуля. В Фергану приехали работать многие из членов ташкентского городского управления, поэтому был учтен опыт строительства европейского квартала: например, ширину улиц увеличили на пять саженей и деревья посадили в несколько рядов.

Уже за первые три года строительства города на его улицах высадили более 10 тысяч деревьев. Жилые кварталы застраивали свободно, отводя под постройку домов и сады вокруг них не по 150-500 кв. сажен, как в Ташкенте, а не менее 800 для каждого застройщика. Частные дома из сырцового кирпича располагались в глубине густо засаженных садов на правильно распланированных тенистых улицах.

В 1879 году областное правление утвердило «Правила об устройстве областного города Ферганской области». На рассмотрение правления «по выбору участка проситель представлял план и фасад предполагаемой застройки». Фасад застройщик мог выбрать по своему усмотрению, но все дома должны были «соответствовать условиям архитектурной правильности и благообразия, а также прочности и безопасности»²³.

Благодаря толстым стенам старинных туркестанских домов летом в них было прохладно, а зимой тепло. Дома отделывали аккуратными белыми пилястрами, карнизами, наличниками и фронтонами, выделяющимися на цветном фоне стен. Зданий, облицованных жженым кирпичом, строили не очень много, и в основном они были административными. Объяснялось это отсутствием жженого кирпича на первых этапах строительства.

Первое двухэтажное здание из жженого кирпича – Военное собрание, предмет гордости маргеланцев. На фасаде и сегодня можно прочесть дату постройки – 1878–1879. Проект принадлежит поручику-сапёру Синклеру. В российской прессе тогда писали:

Ново-Маргеланское Военное собрание помещается в великолепном обширном здании, построенном в 1878 году специально для этих целей. В нем танцевальные и столовые залы в два света таких размеров, что свободно могут поместить в себе все маргеланское общество²⁴.

Вокруг собрания насадили сад. Сады, парки, скверы и бульвары спасали жителей от летнего зноя, непривычного для переселенцев из России.

В центре города отвели место для церковной площади, вокруг нее начали строить казенные гражданские учреждения. Церковь сначала была маленькая, из сырцового кирпича, но позже заложили здание собора Александра Невского по проекту петербургского архитектора Иеронима Китнера. Первоначально этот проект Китнер представлял на конкурс храма-памятника на месте убийства императора Александра II, занял третье место и получил премию.

В Туркестане рассматривали два проекта – Саковича и Китнера, предпочли последний. Собор возвели прочный, в модном тогда неовизантийском стиле, на 500 молящихся. Строили семь лет. Стоял бы в Фергане этот собор и сегодня, но... после революции его разрушили.

Строились не только православные храмы. В 1882–1892 годах в Андижане на пожертвования местного купца Махмуда Али Бая была возведена мечеть Джамии. Для ее строительства создали комиссию, которой руководил Мединский в качестве специального представителя туркестанского генерал-губернатора. В землетрясение 1902 года мечеть была повреждена, но позже реконструирована и сохранилась до наших дней.

К югу от площади на Самаркандском проспекте стояли здания Областного штаба и правления. Недалеко от них, на пересечении Абрамовского проспекта и Губернаторской улицы, выстроили здания Инженерной дистанции, Полицейского и Уездного управления.

Все туркестанские города часто трясло, этим и объясняется малая этажность первых европейских построек. Высокие монументальные постройки собора, мужской гимназии и нового губернаторского дома появились уже несколько позже.

Вдоль Маргелан-сая устроили городской парк, он шел узкой полосой вдоль берега. Летними вечерами в парке собиралась публика и устраивались гуляния под военный духовой оркестр. Там же стоял дом военного губернатора: строительство его началось в 1879 году, а завершилось только в 1890-м. Дом сохранился. В советское время в нем располагался драматический театр. Внутри оно перестроено, но наружный вид не изменился. В Туркестане не было лучше здания, предназначенного для работы и проживания главных администраторов края. Зимний сад, библиотека, бильярдная, большой двухсветный банкетный зал со столовой и оркестром – всё предусмотрел архитектор Леханов. А вокруг резиденции раскинулся прекрасный сад с великолепными цветниками и экзотическими растениями.

Лорд Денмор останавливался в Новом Маргелане во время своего путешествия на Памир зимой 1893 года. В своих мемуарах он вспоминал губернаторский сад с уникальной коллекцией роз, которая насчитывала более тысячи разных сортов. В саду и вокруг дома росли декоративные и хвойные деревья²⁵.

В то время военным губернатором Ферганской области служил генерал Николай Корольков, знаток ботаники, любитель-селекционер. Все утро он водил лорда Денмора по своему саду и показал среди редких растений незнакомое лорду дерево с серебристой белой корой. Лорд подобрал несколько опавших, съезжившихся от

мороза листьев и изумился их размеру. Они были, пишет Денмор, от 16 до 18 дюймов в поперечнике. Генерал Корольков рассказал, что весной на дереве появляются красивые колоколообразные фиолетовые цветы, источающие нежный аромат чайной розы...

То была павловния. Теперь она часто встречается на улицах наших городов, а тогда была редкостью генеральского сада.

Запомнился лорду Денмору и банкет, данный в его честь генералом Корольковым в офицерском собрании. По этому случаю зал был великолепно освещен. В числе тридцати приглашенных лорд называет и вице-губернатора генерала Мединского.

Во время обеда военный губернатор Корольков поднял тост за Ее Величество королеву Британии, а лорд Денмор – за Его Императорское Величество русского царя.

Присутствующие офицеры Ферганского военного округа устроили концерт классической европейской музыки в честь гостя. Капитан Барковский играл на великолепном, с глубоким звуком фортепиано из германской мануфактуры, а капитан Леваневский, очень хорошо, в тон ему, – на прекрасной скрипке, сделанной в Италии.

Капитан Барковский учился в консерватории в Лейпциге. Он играл на инструменте с таким чувством, отдавая все свое сердце музыке, что не было сомнений в его одаренности. Лорд Денмор получил чрезвычайное удовольствие, слушая Шопена, Листа и Вагнера. На прощание сфотографировались в магнитных вспышках большой группой²⁶. Фото опубликовали в российском иллюстрированном журнале.

К сожалению, не увенчались успехом мои поиски того номера журнала «Всемирная иллюстрация», в котором могла быть эта фотография. На ней снят и наш прадед.

К концу 1890-х годов, кроме ранее перечисленных учреждений, в городе имелись женская прогимназия, четырехклассное городское училище, окружной суд, клуб, театр, больница на 35 кроватей, аптека, несколько приличных гостиниц и, конечно, разные торговые и питейные учреждения.

Жизнь в Новом Маргелане отличалась дешевизной. На «необыкновенно чистом базаре» продавались говядина по 3 копейки, баранина по 5 копеек за фунт, виноград по полкопейки. Ароматные белые ферганские персики «валялись на тропинках садов и по улицам, и их никто почти не ел, а чудная дыня, каких в Европе за деньги не сыщешь, груши, яблоки и прочее почти даром», – писал в «Ниве» Борис Тагеев²⁷.

О Новом Маргелане хорошо отзывались побывавшие в нем иностранцы. По словам того же Тагеева, многие удивлялись, что в азиатской глуши «так же, как и в Европе, катаются на велосипедах, веселятся и живут, положим, менее шумной, но вполне европейской жизнью»²⁸.

Однако не одним городским строительством занимался Виктор Юлианович. Расширение границ Туркестанского губернаторства за счет Кокандского ханства

вызвало необходимость возобновления договоренностей с Китаем по пограничным вопросам.

Это было одно из первых архивных дел, которое я заказала. Ждала с нетерпением, заинтригованная названием: «О болезни Императорского полномочного комиссара генерал-майора Мединского и вызове к нему врача». Терялась в догадках, стараясь представить себе, что значит «Императорский полномочный комиссар» и откуда в Туркестан могли вызывать врачей для лечения такой персоны. Реальность, как всегда, оказалась гораздо прозаичней, чем ожидания. В невзрачной серой папке лежали старые листки, исписанные карандашом. То были тексты отчаянных телеграмм со штампом города Оша, взывающих о помощи:

Продолжительное пребывание на значительной горной высоте сильно расстроило мое здоровье, и, хотя я спустился в урочище Танштар, силы ослабевают с каждым днем всё больше и больше. Врача нет, положение беспомощное. Усерднейше прошу распоряжения Вашего превосходительства о командировании немедленно ко мне врача. Независимо от отпуска средств из казны, мною ему будет уплачено 500 рублей. Прошу скорейшего ответа. Генерал-майор Мединский. 13 июля 1883 года²⁹.

Прадед обращался к военному губернатору Ферганы, своему начальнику, еще два раза, но помощь пришла не скоро. Долго шла переписка между ферганскими и ташкентскими чиновниками о том, кто должен оплатить вызов врача. Наконец, областной ферганский врач, доктор медицины, статский советник с неразборчивой подписью, командировал младшего врача 7-го Туркестанского линейного батальона Новгородцева. Он и лечил прадеда от горной болезни в кишлаке Артыш, куда тот уже спустился. Тут же был прикреплен рапорт врача и финансовый отчет. Передо мной лежало обыденное дело об обосновании затрат в 120 рублей на командировку врача Новгородцева.

Но как же прадед оказался так высоко в горах?

Ситуацию прояснили сведения из послужного списка Мединского. Оказалось, что «по Высочайшему полномочию, данному 9 марта 1882 года», он был назначен «Императорским полномочным комиссаром для разграничения Туркестанского генерал-губернаторства с Западным Китаем».

12 февраля 1881 года в Санкт-Петербурге Россия и Китай подписали договор, согласно которому за Россией закреплялась западная часть Илийского края, а на остальной территории восстанавливалась власть Китая. Обе стороны назначили комиссию, которая должна была провести разграничение между Семиречьем, Ферганской областью и Кашгарией.

От России в комиссию, наряду с заместителем командующего войсками Сырдарьинской области генерал-майором Алексеем Фриде, начальником штаба Западно-Сибирского военного округа Иваном Бабковым, полковником Генерального штаба Михаилом Певцовым, экспертом-востоковедом Николаем Пантусовым, топографами, геодезистами, переводчиками, проводниками и охраной, вошел и Виктор Юлианович.

Работы по размежеванию начали летом 1882 года и до наступления зимы, пока перевалы из-за снега не утратили проходимости, разграничили часть линии.

Далее граница между Ферганской областью и Кашгарией шла по горным хребтам Тянь-Шаня от перевала Бедель до перевала Узбель на Памире. Ответственность за этот участок была возложена на Мединского. Идти предстояло безлюдными незаселенными местами, где всегда можно было ожидать нападения киргизских племен, подданных Китая.

Когда я нашла на карте указанные в документах перевалы, оказалось, что совсем недавно я видела издалека те горы, где находится Бедель. Мы отдыхали на озере Иссык-Куль и ездили на горный водопад в ущелье Джеты-Огуз, недалеко от Китая. Поднявшись так высоко, насколько хватило сил, я долго любовалась уходящей в бесконечность грядой гор, окутанной облаками. Между Иссык-Кулем и Китаем лежит непроходимый горный массив – Терский Алатау, южнее – горы Какшаалтоо и другие хребты Тянь-Шаня тянутся до самого Памира. Край таинственный, чудесный, неизведанный. Отсюда начинается самый мощный хребет Тянь-Шаня, Какшаал, протяженностью до 400 км, покрытый ледниками, с отвесными стенами скал, прорезанными узкими глубокими ущельями, на дне которых с ревом бьются о камни студёные реки. Высота пиков достигает 6000-7000 метров.

Зима 1883 года снова прервала разграничительные работы. Экспедиция приступила к ним весной 1884-го. В отправной точке, на перевале Бедель, уже стояли по обеим сторонам дороги два пограничных знака. От них и направился отряд генерала Мединского на запад по хребту Какшаалтоо, от перевала к перевалу, на каждом устанавливая знаки и описывая границу. Всего поставили 28 деревянных, обструганных в верхней части столбов, служивших пограничными знаками, на которых расписались генерал Мединский и китайский уполномоченный Ша. Кроме того, впервые составлялись карты местности, незнакомой и русским, и китайцам. Карты и тексты описания границы, составленные в 4-х экземплярах на русском, китайском и маньчжурском языках, тоже подписывали оба представителя, удостоверяя согласие сторон.

За несколько месяцев первопроходцы преодолели тяжелейший путь на огромной высоте, устанавливая столбы почти на каждом перевале, вплоть до памирского урочища Иркештам. Здесь поставили последний знак. Дальше, в связи с невозможностью пройти, знаки не ставили, а описывали границу словесно. С перевала Узбель есть спуск в долину озер Ранкуль и Зоркуль, соединенных друг с другом протоком.

Место великолепное, окружено разноцветными скалами, красота первозданная, природа не испорчена человеком до сих пор. Альпинисты, побывавшие в тех местах, видели знаменитую ранкульскую пещеру, так причудливо освещаемую солнцем, что кажется, будто в ней горит огонь. Киргизы никогда не поднимались в пещеру, считали, что в ней живет дракон с огненной пастью. Дальше Ранкуля не пошли, конечным пунктом разграничения был перевал Узбель.

Со стороны Китая Ранкульская долина ограничена горным хребтом Сарыкол. Согласно прежним договоренностям сторон, до окончательного установления границ рубежами считались естественные преграды, поэтому для членов комиссии логичным было принять Сарыкольский хребет за дальнейшую разграничительную линию. Не имея ни точных карт, ни сведений о границах Кокандского ханства

на Памире, правопреемником которого себя считала российская сторона, комиссары согласились на приблизительную формулировку протокола с тем, чтобы в дальнейшем уточнить линию.

Закончив разграничение, комиссия возвратилась в Новый Маргелан, где 22 мая 1884 года был подписан протокол, известный в истории русско-китайских отношений как Ново-Маргеланский. От России его подписал генерал-майор Мединский, а от Китая – Ша. В начале 1885 года Виктор Юлианович вместе с другими членами комиссии был всемилостивейше представлен к награде и 30 августа 1886 года получил орден Св. Анны первой степени.

Подписанный Мединским протокол китайская сторона стала оспаривать в 1892 году, считая, что южнее перевала Узбель русско-китайская граница не определена. На этих основаниях цинское правительство требовало отдать им часть Памира.

Спор между Россией и Китаем был прекращен на много лет силовым путем. Точку в нем поставил казачий отряд полковника Михаила Ионова, который проделал немыслимый путь по горам Памира из Нового Маргелана в долину озера Ранкуль. По дороге казаки одержали победу над афганцами, а с берегов озера вытеснили китайцев и построили свои укрепления. Военные стычки между китайскими и русскими отрядами продолжались до 1894 года. В конце концов борьба за Памир завершилась англо-русским соглашением. 27 февраля (11 марта) 1895 года в Лондоне посол России и министр иностранных дел Великобритании обменялись нотами по вопросу раздела сфер влияния на Памире...

Моя бабушка Оша часто вспоминала свою родину Новый Маргелан. Каждое лето, страдая от невыносимой ташкентской жары, она говорила: «А в Новом Маргелане лето прохладное, там нет пыли, там в арыках течет по камушкам чистойшая, прозрачная холодная горная вода из Маргелан-сая, там улицы в тени огромных деревьев».

Мединские жили по соседству с военным губернатором на главной улице Нового Маргелана – Ташкентском проспекте. Для помощника начальника области дом построили одноэтажный, из сырцового кирпича, который позже достраивался и превратился в прекрасный особняк из восемнадцати комнат, с отдельным флигелем и службами.

Дом и сад были так хороши, что, когда Виктора Юлиановича перевели в Самарканд, здание не стали передавать следующему помощнику губернатора. 14 февраля 1896 года «Туркестанские Ведомости» сообщили, что «в освобождающийся казенный дом предполагается перевести Маргеланское городское училище для мальчиков».

В этом доме родились трое младших детей Мединских: Мария, Ольга – моя бабушка и самый младший, девятый по счету, Александр.

Виктор Юлианович любил детей и гордился большой семьей. 23 сентября 1888 года Туркестанский епископ Неофит приехал в Новый Маргелан и встретился с моим прадедом. Говорили о постройке храма, генерал Мединский заявил, что план и смета уже составлены. Потом разговор пошел о детях. Епископ Неофит вспоминал:

«Мединский привел такую сартовскую поговорку: «Дом, где дети есть, – базар (шумный, веселый); дом, где детей нет, – мазар (кладбище, надмогильный памятник)»³⁰.

Кроме Виктора Юлиановича, Наталии Адольфовны с детьми и многочисленной обслуги, в доме на правах членов семьи десятки лет проживали Варвара Александровна Колзакова, сестра того самого Кураминского уездного начальника, и Роза Эмилия Колин, гувернантка и учительница французского. С Варварой Александровной Наталия Адольфовна дружила с юных лет. Бабушка говорила, что они вместе учились. В доме Варвару Александровну называли Вавочкой.

Варвара Александровна замуж не вышла, страдала каким-то неизлечимым хроническим недугом и после смерти отца получала пенсию. Вавочка приехала в Новый Маргелан в 1883 году, когда моей бабушке было всего два года, много помогала Наталии Адольфовне по ведению хозяйства и особенно по воспитанию младших детей.

Роза Эмилия Колин играла в жизни прадеда особенную роль и, несмотря на нелюбовь к ней моей бабушки, я должна признать, была женщиной неординарной. Уроженка Франции, шестнадцатилетняя Эмилия появилась в доме Мединских в самом начале 1880-х. В ее обязанности входило быть гувернанткой девочек и учить всех детей французскому языку. Благодаря Эмилии бабушка французский знала безупречно, лучше немецкого, который изучала только в женском институте. Темноглазая, с густыми черными вьющимися волосами, Эмилия Колин не отличалась особенной красотой, но была проницательна, практична в житейских делах и отважна, чем выгодно отличалась от многих маргеланских дам.

В 1891 году однообразную жизнь военного городка всколыхнуло появление французского путешественника Жозефа Мартена. 25 месяцев он шел пешком из Пекина в Туркестан по малоизученной, труднодоступной для переходов местности. Тяжело больной, почти ослепший француз едва добрался до города и остро нуждался в отдыхе и лечении. Встреча с соотечественницей в азиатской стране стала единственным утешением Жозефа Мартена в последние месяцы жизни. Понимая это, Виктор Юлианович попросил Эмилию опекать путешественника.

Бабушке Оше в том году исполнилось одиннадцать лет, и она хорошо запомнила приезд француза и все, что было с ним связано, часто рассказывала о нем моей маме и мне. Эмилия записывала отчет Мартена о путешествии и ухаживала за ним вплоть до его смерти 23 мая 1892 года...

Старшие сыновья Константин и Валериан, закончив обучение, вернулись в родительский дом и стали служить в войсках Ферганской области. Константин после окончания в 1882 году военной прогимназии в Петербурге поступил в Казанское пехотное юнкерское училище, но почему-то учился недолго. Уже в 1883 году его зачисляют в учебную команду 87-го пехотного резервного батальона. Сдав экзамен, Константин получает звание унтер-офицера и направляется на службу в 15-й Туркестанский линейный батальон.

О Валериане почти ничего неизвестно, кроме того, что он служил офицером в войсках Ферганской области. Слишком велика была разница в возрасте между старшими и младшими детьми Мединских, поэтому вырастали они по очереди.

Бабушке было всего восемь лет, когда случилось несчастье. Тот день запомнилась ей навсегда. Наталия Адольфовна, сделав распоряжения по дому, сидела у окна и вышивала. Вдруг с улицы послышались крики: «Разбился! Валериан разбился!». Не помня себя, Наталия Адольфовна выпрыгнула из окна и помчалась по улице.

В памяти бабушки остались похоронные хлопоты, множество цветов и венков, которые все несли, и не было уже места, куда их ставить. Прислуга шепталась, вина разбитое за день до несчастья большое трюмо. Вспоминали другие приметы, боясь поставить очередной венок не так и навлечь новую беду. Только Эмилия не потеряла присутствия духа, отнеслась к предрассудкам с презрением и показала на свою кровать: «Кладите сюда, я не суеверна!».

До наших дней сохранился кусочек старого православного кладбища в Фергане (бывшем Новом Маргелане), где покоятся Валериан и Мартен. Могила француза сохранилась, хотя и в довольно запущенном состоянии. Есть ли возможность найти захоронение Валериана, не знаю – не была.

Николай и Сергей учились в Оренбурге и приезжали только на каникулы. Николай после кадетского училища продолжил образование в Петербурге. Единственный из братьев, кому удалось поступить в Академию, он остался служить в Москве и Петербурге и больше в Туркестан не вернулся.

А вот Сергей Викторович Мединский после окончания того же Неплюевского кадетского корпуса и Павловского военного училища вернулся и служил в Закаспийской области в железнодорожных войсках.

Старшие птенцы разлетелись. В Новом Маргелане оставались дочери и младший сын Саша.

Дом Мединских окружал тенистый сад, огражденный длинным забором. Маленький Саша, ускользнув от «семи нянек», верхом на заборе не раз объезжал сад по периметру, превращая в клочья свои брючки. Виктор Юлианович понял, что его младший сын непременно станет кавалеристом, и купил ишачка, на которого и пересел Саша с забора и с упоением катался по огромному саду.

Моя же бабушка, Оша, в детстве любила огромные качели, но однажды упала и повредила нос. Именно этим обстоятельством она всю жизнь объясняла наличие горбинки на своем носу. Из-за горбинки сестры и братья часто дразнили мою бабушку, называя попугаем. Виктор Юлианович сажал на колени горько плачущую дочь, ласково проводил по ее носу пальцем и приговаривал: «Не плачь, они – дураки, ничего не понимают, у тебя красивый шведский нос!».

Как во многих маргеланских садах, была у Мединских купальня. В ней бабушка, как она рассказывала, в возрасте восьми лет чуть не утонула. Вытащила сестру старшая из дочерей Мединских, Елизавета, девушка находчивая, спортивная и отчаянная. Она прекрасно плавала, но более всего Лиза обожала лошадей и верховую езду.

Разведением лошадей в коммерческих целях Виктор Юлианович после ташкентских неприятностей уже никогда не занимался, но своя конюшня у него была. Тем более что по должности выезд помощнику губернатора оплачивали из казны, но были и собственные верховые.

Между окончанием иногородней гимназии и замужеством Лиза жила у родите-

лей и серьезно занималась верховой ездой. Рассказывали, что она могла выпрыгнуть в седло лошади прямо из окна и ускакать неведомо куда. Новый Маргелан окружала девственная природа, мест для конных прогулок искать было не нужно. Особенно престижно считалось покорять предгорья Памира. Во время прогулок забирались довольно высоко и побивали рекорды.

Об одном таком восхождении Елизаветы в дамском седле, что особенно трудно, писали «Туркестанские Ведомости». Об этой заметке своим детям и внукам рассказывали почти все ее сестры и братья, по крайней мере, до сих пор потомки Ольги и Константина помнят рекорд своей двоюродной бабушки.

Чем еще может быть памятен для моей семьи Новый Маргелан? Пожалуй что замужеством Елизаветы, а также женитьбой Константина Викторовича.

Константин Викторович женился на выпускнице Киевского женского института Анне Кирилловне Пенской, умнице и великой труженице.

Елизавета вышла замуж за шведа Эдуарда Кивекэса, офицера, начальника Памирского поста, и уехала с ним в горы, на Крышу мира – Памир.

Опустел огромный дом Мединских, только летом на каникулы возвращались из Оренбурга Оша и Саша. Правда, оставались незамужними Мария и Елена, но вскоре вышли замуж и они. Но было это уже не в Новом Маргелане, а в Самарканде, куда в 1896 году перевели по службе Виктора Юлиановича.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Узбекистан (далее НА РУз). Ф. 336. Оп. 1. Д. 33. О назначении русских начальников над местным населением.

² НА РУз. Ф. 336. Оп. 1. Д. 8. Л. 584, 140–141, 213. Донесения Начальников укреплений Токмак и Мерке Заведующему левым флангом Туркестанской области Мединскому.

³ *Мананы* (кирг.) – представители киргизской феодально-родовой аристократии, за которыми со стороны членов их рода признавалось право суда и предводительства в военное время.

⁴ Временное Положение об управлении Туркестанской областью от 6 (18) 1865 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Том 40. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1865–1867. Лист 880.

⁵ НА РУз. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 8. Л. 142–143 об. Письмо В.Ю. Мединского М.Г. Черняеву от 12 августа 1865 года.

⁶ НА РУз. Ф. 336. Оп. 1. Д. 9. Рапорт Заведующего левым флангом Туркестанской области артиллерии штабс-капитана Мединского В.Ю. Военному Губернатору Туркестанской области Черняеву М.Г. от 3 сентября 1865 года за № 206, крепость Аулие-Ата.

⁷ НА РУз. Ф. 336. Оп. 1. Д. 8. Л. 103–103 об., 211 об., 212. Донесения Начальников укреплений Токмак и Мерке Заведующему левым флангом Туркестанской области Мединскому.

⁸ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 2. Письмо Главного штаба Военного министерства № 5 от 4 января 1866 года.

⁹ *Терентьев М.А.* Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. № 9. С. 80.

¹⁰ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 33. Д. 311. Л. 25–29 об. Полный послужной список Начальника города Ташкента полковника Мединского В.Ю. 1872 год.

¹¹ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 826. Л. 2–3 об. Наградный лист В.Ю. Мединского и сопроводительная записка.

¹² *Хорошин А.* Байтик-батыр // Туркестанские ведомости. 1872. № 43.

¹³ См.: *Добросмыслов А.* Города Сырдарьинской области (Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент). – Ташкент: Эл.-пар. типолитогр. О.А. Порцева, 1912. С. 165.

¹⁴ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 20, Д. 6928. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 3. О покупке земли для европейской части города Ташкента. 1866 год. Документ подписан Романовским.

¹⁷ НА РУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2197. Л. 10, 10 об, 11, 11 об, 12. Покупка земли для ташкентской обсерватории.

¹⁸ *Добросмыслов А.* Указ. соч. С. 463.

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 20, Д. 103211. О прикосновенности полковника Мединского к делу о захвате Чиякульской земли. 1877 год.

- ²¹ Куропаткин А.Н. 70 лет моей жизни // Из воспоминаний генерала А. Н. Куропаткина. 1867-1882 гг. // Исторический архив. 1994. № 1. С. 191.
- ²² НА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 907. Рапорт А.К. Абрамова К.П. фон Кауфману.
- ²³ Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX – начало XX веков). Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1988. С. 123.
- ²⁴ Брянов А.И. На память о Фергане. 1876–1901 годы. – Новый Маргелан: Типография Ферганского областного Правления, 1901. (Цит. по: Глебов Ю. Фергана – замысел генерала Скобелева // Сайт «Вести.Uz». 18 сентября 2020 г. URL: <https://vesti.uz/fergana-zamysel-general-a-skobeleva/>).
- ²⁵ <Murray Ch. A.,> *The Earl of Dunmore. The Pamirs, being a Narrative of a Year's Expedition on Horseback and on Foot Through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia.* In 2 vols. Vol. 2. – London: J. Murray, 1893. P. 287.
- ²⁶ Там же. P. 284–287.
- ²⁷ Тагеев Б.Л. Ферганская область // Нива. 1898. № 26. С. 514–516.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ НА РУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1011 и 1041. Дело о болезни Императорского комиссара по разграничению с Китаем генерал-майора Мединского В.Ю. 1884 год.
- ³⁰ Российский Государственный Исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1265. Л. 20. Отчет Туркестанской епархии за 1888 год.
-

«Побольше любви... и тогда приблизишься к подвигу»

Военный дневник Ольги Маллицкой, 1914–1917 годы

Подготовка текста к публикации, предисловие и примечания Юрия ФЛЫГИНА

Ольга Николаевна Маллицкая (1876–1943) в свое время была довольно известна среди жителей «русского» Ташкента – в основном благодаря отцу и мужу. Она была дочерью замечательного ташкентского педагога-просветителя, общественного деятеля Николая Петровича Остроумова. Особую известность ему принесли его краеведческие изыскания и работы по исламоведению. Он по праву считается одним из зачинателей туркестановедения, отрасли исторической науки о прошлом Средней Азии. Вместе с получившим впоследствии мировую известность востоковедом Василием Бартольдом Остроумов в 1895 году стал основателем Туркестанского кружка любителей археологии, самого известного общественного научного объединения дореволюционного Туркестана. Остроумов внес заметный вклад в зарождение в Узбекистане археологии, этнографии, языкознания, журналистики.

Не менее известным и даровитым был муж Ольги Николаевны – Николай Гурьевич Маллицкий, педагог, ученый-географ. Он преподавал историю и географию в учебных заведениях Ташкента, был редактором главной газеты Туркестанского края – «Туркестанских ведомостей». В 1907–1917 годах Маллицкий являлся городским головой, руководителем ташкентского городского общественного самоуправления. На этом посту он значительно содействовал благоустройству города, развитию его инфраструктуры. При нем в Ташкенте широко развернулось мощение улиц, появился электрический трамвай, начались подготовительные работы по устройству городского водопровода и канализации. Большое внимание он уделял благоустройству Старого города. Будучи педагогом по основной своей профессии, Маллицкий активно заботился о расширении сети городских учебных заведений. После 1917 года участвовал в организации университета в Ташкенте, многие годы был его профессором.

Ольга Николаевна Маллицкая не вела постоянных дневников. Лишь два этапа на ее жизненном пути, отмеченные особым драматизмом и потребовавшие чрезвычайного напряжения сил, подвигли ее на фиксацию событий тех лет и попытку дать собственное осмысление происходящего. Это, во-первых, ее работа, вместе с дочерью, на фронте в качестве сестры милосердия в 1915–1916 гг., и во-вторых – пребывание в ссылке в Чимкенте в первой половине 30-х годов, когда ее муж, профессор университета в Ташкенте, вместе с группой других востоковедов был обвинен в антисоветской деятельности и выслан на три года в Чимкент (все обвиняемые были высланы в разные города). Обе части дневниковых записей носят самостоятельный характер.

Ниже предлагаются воспоминания О. Маллицкой периода Первой мировой войны.

Когда началась война, европейское население Ташкента охватил патриотический порыв.

Ежедневно происходили митинги и манифестации; исключительный размах приобрела благотворительная работа, сбор средств в пользу армии и пострадавших от войны. В этой работе активно участвовало и коренное население края. Не осталась в стороне и семья Маллицких. Единственный ребенок Ольги и Николая Гурьевича, 16-летняя дочь Елизавета, – Лиля, как звали ее домашние, – со свойственными ее возрасту эмоциональностью и максимализмом изъявила желание стать сестрой милосердия. Этот порыв поддержал ее дедушка, Николай Петрович, авторитет которого в семье был очень высок. Узнав о желании внучки, он заявил: «Все русские женщины должны быть там, на фронте».

Отправить на фронт девушку в таком юном возрасте одну семья не могла, и вместе с ней поехала мать, Ольга Николаевна.

Ольга Маллицкая стала свидетельницей исключительно драматических для Российского государства событий – великого отступления 1915 года. Но, как мы видим из дневника, ее ни на один миг не покидала уверенность в конечной победе. Одновременно в ее ежедневных свидетельствах – протест и возмущение против чудовищных жестокостей войны. Это реакция рядового, глубоко и искренне верующего православного человека, каким была Ольга Николаевна.

Дневник Маллицкой никогда ранее не публиковался. Его оригинал хранится в Национальном архиве Узбекистана (Ф. Р-2231. Оп. 1. Д. 265).

1914 год

14 декабря, воскресенье. Выкинули меня волны жизни на поверхность, и куда принесут, я не стараюсь узнать. Началась война. Всех она захватила и не могла не затронуть Лили* как вообще чуткой ко всякому настроению окружающих. Решено было не препятствовать ее желанию поступить на курсы сестер милосердия, и моя судьба решилась. Понятно было всем, что пускать одну 16-летнюю девочку нельзя, и само собой случилось, что я стала учиться наравне с ней. Сдали экзамен. Началась работа в больнице. Была большая физическая усталость, которая заставляла задумываться над принятым решением. Надеялись, что раненые будут у нас дома – в Ташкенте, но это не сбылось, а война все грозней разыгрывалась и захватывала все больше чувств.

Начали формировать лазареты, и пришлось уже выбирать более для себя удобный «Лазарет Красного Креста», как небольшой, но с большим комплектом сестер и докторов. Я страдаю ревматизмом семь лет и не могу брать на себя большую работу из чисто физической слабости. Начались сборы, шитье сестринской одежды. Был молебен, и наконец мы поехали. Провожали все близкие, и все желали искренне всего хорошего. Многие благословляли образками. В такие минуты начинаешь горячо верить и сознавать, что сама составляешь часть чего-то огромного и что есть сила, которая направляет тебя.

На подвиг! Такими словами провожали нас, и жутко становилось от сознания возложенных на себя обязанностей. Не то что боишься, но как выполнить их? И в то же время какое-то смутное чувство подсказывало, что в нужную минуту и силы найдутся. Сейчас заходил доктор – узнать, как себя чувствую, и порадовать, что в Туркестане** приготовят нам обед. Это приятно, так как уже чувствую, что проголодалась.

* Елизавета Николаевна Маллицкая (1901–1975), дочь Ольги Николаевны и Николая Гурьевича Маллицких.

** Город в Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства, ныне областной центр в Казахстане.

Нас, сестер, 10 человек, 3 доктора, 1 заведующий лазаретом и 25 санитаров. Уезжали мы в 2 часа ночи с 13 на 14 декабря, и в ту минуту, когда поезд начал трогаться, раздался душераздирающий плач, вероятно жены какого-нибудь санитаря. Невольно стало жутко, но сейчас же могучее «ура» заставило вспомнить, куда и на что мы идем.

15 декабря, понедельник. Идем медленно, медленно, но идем. Кругом безмятежная степь, слегка запорошенная снегом. Кое-где видны верблюды и козы – богатство казахов, и тишина, тишина. Ничто не напоминает о том, что где-то идет страшная мировая борьба народов. Наш лазарет начинает понемногу сживаться. Два доктора, один старше, но еще бодрый, а другой юноша-идеалист, энергичный заведующий хозяйством и десять сестер. Все мы разные, но всеми движет одно желание поработать, слиться с общей в данный момент идеей борьбы за существование родины. Ехать нам долго. Говорят, что будем на двенадцатый день в Петрограде, да там еще задержат оборудованием лазарета. И неизвестно еще – куда получим назначение. Мне интересна сейчас самая жизнь сестер как отдельной корпорации, и я с удовольствием подчиняюсь ей.

В нашем вагоне испортилось отопление, и нам грозит пересадка в другой. Наступает вечер. Мороз крепче вчерашнего, так как степь открыта на север. Скоро Казалинск. Все сестры разделились на два кружка и читают.

17 декабря, среда. Пришлось нам довольно туго. В нашем вагоне испортилось отопление, и нас перевели в вагон четвертого класса. Начались прелести походной жизни. Разместились мы довольно просторно, но зато ничего, что требуется для культурного человека, нет. Пока все здоровы. Погода дивная. Мягкий мороз без ветра. Настроение у всех бодрое. Вчера простились на ст<станции> Саксаульной* с Туркестаном. Неприветливо нас встречала Европейская Россия. Навстречу несся буран, и было страшно холодно.

Сестры все забились по своим углам, и каждая по-своему занята. Иногда перекидываются замечаниями о будущей работе, но пока это все кажется таким далеким, потому что ничто не нарушает векового покоя степи. Мы скорее своим видом с крестами на груди и на руке напоминаем встречным о войне.

23 декабря, вторник. Промелькнули города Оренбург, Самара и Москва, и завтра мы в Петрограде. В Оренбурге стояли несколько часов. Были в городе, где уже видели лазареты. В Самаре встретили сибирский полк, который ехал туда, откуда не многие вернутся. В Москве видели санитарные поезда, но раненых встречали уже поправляющихся. Настроение у всех бодрое, хотя война принимает затяжной характер. В Москве провели целый день. Я взяла компанию не выдавших Москвы и повела в Кремль. Были во всех святыхнях, и у меня на душе стало тихо и хорошо. Завтра или даже сегодня в ночь будем в Петрограде.

* Ныне село Саксаульское Кызылординской области Казахстана.

24 декабря, среда. Канун Рождества. Странно проводить его в необыкновенной обстановке. Привезли нас в Петроград и поместили в Елизаветинской общине на Охте. Даль страшная, и даже не могу себе представить, как добираться до своих*. Дали мне с Лилей отдельную комнату. Была в церкви. Чуждо все, но интересно. Хочется мира душе, о котором сегодня возвещают в песнопениях**. Идем мы в Варшаву.

29 декабря, пятница. Сегодня мы должны были уехать в Варшаву или еще дальше, что породило в моей душе страшный разлад. Я не хочу плена ради своей дочери. Германцы утонченные варвары, те, кто попадает к ним, терпят страшные нравственные муки. Я не могу забыть, что у меня есть дочь, которую я везу, и я не имею никакого права подвергать ее душу, а может быть и тело поруганию. Сегодняшнего дня я не забуду никогда. Но оказалось, что наш отъезд отложен и, значит, не требуется немедленного решения. Это облегчение, пока ложусь спать.

1915 год

3 января 1915 года, суббота. Елизаветинская община. Новый год наступил. Кровавый год. Конца войны еще не видно. Сейчас затишье. Вероятно, морозы мешают кровопролитным столкновениям и заставляют глубже зарываться в окопы. Слухов много и самых разнообразных, и где правда? Лева пишет из-под Пшемысля***, что австрийцы еще не разбиты, что с ними трудно справляться, особенно выбивать с позиций. Под Варшавой ведется война сапами, т.е. подземными ходами. При таком способе можно протянуть месяцы на одном месте. Сейчас много больных, простуженных солдат. До сих пор не выяснено, куда мы поедем.

8 января, четверг. Потихоньку доползаем до Вильны****. Теплее, чем в Петрограде. Окна вагона оттаяли, и картинки одна красивее другой встают перед глазами. Местность лесистая. Были березы, а теперь сосна. Так приветливо выглядывают деревянные домики. Иногда они стоят в одиночку, иногда целыми группами, – вероятно, селение.

Живешь общей жизнью сестер. Все подобрались милые, веселые, и хорошо с ними. Вчера устроили елку. Маленькая елочка, скромное угощение и сюрпризы для каждого в пакетике. Старшему доктору подарили плюшевого медвежонка, на которого он очень смахивает, в особенности, когда в костюме из бобрика.

9 января, пятница. Друскинай*****. Здесь уже были немцы. Говорят, прекрасное лечебное местечко – и было сплошь разрушено. Сейчас трудно судить по внешнему виду вокзальных зданий, вокруг все покрыто снегом.

* В Петербурге жила золовка Ольги Николаевны.

** Имеется в виду песнопение «Слава в вышних Богу и на земле мир...», которое звучит на рождественском богослужении.

*** Лев Васильевич Ошанин (1884–1962), врач, антрополог, был женат на сестре Ольги Николаевны. Пшемысль – ныне в Польше.

**** Ныне г. Вильнюс, столица Литвы.

***** Ныне г. Друскининкай в Литве.

Вчера вечером были в Вильно. Воинские поезда, много раненых. Видно уже, что война. Сколько ужаса она несет с собой и в частную жизнь. Сколько трагизма... Вот рассказ женщины, которая на вокзале сидела против меня и разговаривала со своей соседкой. У [неразборчиво] муж ушел на войну. Нервы ее были расстроены до галлюцинации. Очевидно, вся жизнь ее была в нем. Приходит известие, что он убит. Жена не выдерживает и кончает самоубийством, а через две недели от него из плена получают письмо. Он оказался только ранен и взят в плен.

Подъезжаем к Гродно. Красивые места. Лес сосновый молодой. Избушки белорусов, деревянные. Дымок вьется из трубы. Утро. Вероятно, топят печи и готовят себе пищу. Сегодня поезд едет немного быстрее, так что можем приехать в Варшаву и к вечеру. Где там нас расположат? Пока я спокойна.

10 января, суббота. Белосток. Начиная с Гродно нам навстречу попадают и нас обгоняют только военные поезда или санитарные. Изредка промелькнет почтовый, пролетит и скроется. За Гродно видели проволочные заграждения, какие-то непонятные для нас земляные работы, много пушек, и все это окружено солдатами, которые что-то делают, для них, очевидно, понятное.

Долго стояли на ст. Соколка*, вправо <...> тянулся густой сосновый лес, из-за которого ясно доносилась орудийная пальба. Что это? Или отголоски сражения, или только наши маневры? Во всяком случае здесь очень близко от границы. Это последняя железнодорожная линия в пределах нашей родины.

В Белостоке нас поставили куда-то далеко на запасные пути. Вокруг вагоны товарные и против моего окна стоит поезд № 183, красный крест на белом поле и надпись вокруг: Всероссийский земский союз. До Варшавы осталось сто с небольшим верст, а когда нас туда доставят?

11 января, воскресенье. Вчера отвезли нас на одну станцию дальше и опять поставили. Говорят, в Варшаве нас не могут принять, все пути заняты. Будто Вильгельм** приказал ко дню своего ангела или рождения взять Варшаву, т.е. это должно быть на днях. Действительно, говорят, давно здесь не было такого количества войск, какое скопилось и проходит мимо нас. И пехота, и артиллерия. Один поезд прошел с ранеными. Окна освещены электричеством, и видно все внутри. Раненых много, и все тяжело. Все лежат. Много с повязками на головах. Вот она, война. Первое ее дыхание. Но лучше не думать. Буду жить по-прежнему только настоящим днем, не заглядывая вперед.

Солдаты веселы, из вагонов несет пение. При виде нас приветливо кланяются.

В 12 ч. ночи двинули нас на следующую станцию, но остановили где-то далеко, не доезжая, в поле. Кругом ни души. Ни звука человеческого, только ветер гудит о проволоку телеграфную. Говорят, на той станции перестрелка. Там высаживают часть солдат, часть идет в Варшаву, а часть – не доезжая две станции до Варшавы. Жутко... Сестры почти все убежали послушать пальбу. Рядом еще два таких же покинутых товарных поезда, как и мы.

* Ныне г. Сокулка в Польше.

** Вильгельм II – кайзер (император) Германии в 1888–1918 гг.

12 января, понедельник. Ст<анция> Малкин*. Сегодня как будто затишье в передвижении войск. Во всяком случае, не так часто мелькают поезда с войсками. Ночью нас довели до этой станции, за 79 верст от Варшавы, и поставили опять. Послала домой телеграммы с поздравлением (сегодня день нашей свадьбы) и вообще предупредила, что большие задержки в пути. Послала письмо. Уже наша корреспонденция идет без марок, но с печатью Красного Креста.

Сколько сегодня провезут нас? Если действительно где-нибудь идет решительный бой, то нас задержат еще надолго. Госпиталь наш еще должен сформироваться, а там нужна помощь немедленная, т.е. скорее пригодятся санитарные поезда. Около нас стоит такой поезд имени Вел. кн. Анастасии Николаевны**. Идет тоже на Варшаву.

10 ч. вечера. Через 16 верст будет Варшава. Нас доведут еще 12-го.

14 января, среда. Уже сутки, как мы в Варшаве. Вчера над городом реяло несколько аэропланов. Сегодня тоже. Настроение очень подавленное. Приказано потушить все огни с шести часов вечера. Войска шли на позиции – и пехота, и артиллерия. Мы стоим около вокзала Петроградского. Получили приказание ехать на Млавский фронт***.

12 ч. ночи. Город замер. Все огни потушены и ни звука не доносится, точно ждет природа – за кем очередь? И действительно – за кем? Ведь бомбы с высоты очень трудно пустить метко. Говорят, что немцы хотят разрушить мост через Вислу, но сколько ни бросали бомбы, они падали в воду и ни одна не попала на мост. Слухов ходит много, но я не хочу их слушать – только нервы расстраивают, а их еще много пригодится впереди.

Мы живем в вагоне и сжились с ним. В Млаве тоже, вероятно, придется так жить, так как там все разорено. Млава несколько раз переходила от нас к немцам и обратно. Сегодня видела беженцев из этих мест. На телегах со всем своим скарбом и детьми. Офицеры здесь уже другие. Щеголеватости совсем нет. Все или в полушубках, или в солдатских шинелях. Сапоги грубые, и на всем видно следы пребывания в окопах. Лица серьезные, а иногда даже суровые.

15 января, четверг. Ночь прошла спокойно. Посмотрели вчера Варшаву. Город очень нарядный и чистый. Красивые дома, памятники, сады. Население к русским относится предупредительно. Говорят – до войны было не так. Тогда на русскую речь не отвечали, а теперь все стараются растолковать и указать. На трамваях с сестер плату не берут. Говорят, что когда в первый раз Варшаву отстояли, то у солдат целовали руки. Теперь-то уж на солдат смотрят с надеждой.

Вчера мы должны были пропустить массу артиллерии и пехоты на позиции. Трамваи стояли, и все глядели с напряженным вниманием. Раненых подвозят. В Варшаве 100 лазаретов и еще есть 1000 кроватей не занятых.

* Ныне станция Малкиня в Польше.

** Анастасия Николаевна – великая княжна, четвертая дочь императора Николая II (1901–1918); канонизирована Церковью в лике страстотерпцев.

*** В начале Первой мировой войны в районе г. Млавы (ныне в Польше) происходили ожесточенные бои. Млава переходила из рук в руки 14 раз.

Сейчас пришли сказать, что мы назначены на ст<анцию> Яблонна в 18 верстах от Варшавы. Лиля рвется на позиции.

На сестер в Варшаве смотрят тоже с благодарностью. Вчера в толпе одна старушка полька поцеловала мою руку совершенно неожиданно для меня и так смотрела трогательно, что Лиля решила, верно, у нее на войне сын.

Интересно, какая будет у нас работа и как нас распределят. Буду работать с дочерью, чтобы предупредить ее в случае какой-либо с ее стороны неосторожности. Она же хочет быть самостоятельной.

Над Варшавой опять летал аэроплан, бросил бомбу в гостиницу «Бристоль» и в мост. В гостинице есть убитые, а в мост опять не попало. За аэропланом охотились наши два, и произошла воздушная война. Публика наблюдала с горячим интересом, и когда показался огонь и дым, с одной дамой сделалась истерика.

16 января, пятница. Не удалось устроиться в Яблонне, по очень маленькой причине: опоздали занять помещение.

17 января, суббота. Сегодня день, который немцы назначили для взятия Варшавы. Пока этого нет, хотя настроение очень напряженное. Вечерами Варшава тонет во мраке, но это сглаживается луной. Мы забираемся в свой вагон, и кажется, что его стены дают нам и пристанище, и спасение от житейских страхов. Нам не разрешают жечь свечи, хотя шторы и опущены. Немцы нарочно метят в санитарные поезда, и чтобы у них не было отговорок в том, что не разобрали, на крышах вагонов попришивали красных крестов. Едва ли это будет служить спасением, а, пожалуй, <скорее> привлечением. Аэропланы летают и днем, и ночью.

18 января, воскресенье. Только что вернулась из костела. Я в первый раз попала на католическое богослужение, да еще в старинный костел готического стиля. Прекрасный орган и один мужской голос. Благоговейная тишина, все по молитвенникам читают и перебирают четки. Звуки несутся в высоту по сводам готическим, и кажется, поднимаются высоко, высоко, к самому небу. И несется в звуках мольба, полная бесконечной любви и страстного рыдания, в котором сквозит раскаяние в чем-то, что знает каждый про себя. Я стояла ошеломленная. До сих пор я привыкла молиться под наши тихие звуки. У нас тоже мольба, но мольба тихая, с покорностью, без бури; мольба детей к своему Отцу Небесному или матери. Католичество – не чистая религия Христа. Это религия человека с сомнениями, и тут мне стало ясно, что во главе у них стоит апостол Петр. Наше православие скорее вера апостола Иоанна. Тихо люблю, верю и прощу научить творить волю Твою, яко ты еси Бог мой! Меня так это поразило, что я пошла, чтобы проверить себя, в русский собор. Миром и спокойствием повеяло из всей привычной обстановки. Постояла недолго. Говорил батюшка проповедь, и фигура священника, и лики с икон были полны аскетизма. Православие совсем отрицает тело*, а католичество признает. Их

* О. Маллицкая несколько упрощает отношение к телу в Православии: в отличие от гностиков, отцы Церкви не отрицают тела, но учат о том, что тело, как храм Святого Духа, должно быть преображено и освящено. (Прим. ВС.)

мадонна и наша Богоматерь – какая разница! И ближе нам наша тихая, скромная, полная скорби Матерь нашего Христа.

Нам еще долго жить в вагоне. Устроят нас в Яблонне, и будет у нас хирургический лазарет.

23 января, пятница. Наконец, нас увезли из Варшавы в Яблонну, сейчас подъезжаем.

25 января, воскресенье. Наши доктора долго искали квартиру под лазарет, но всё в таком ужасном виде, что два дома, занятые офицерскими квартирами, лучшее, что осталось, – придется чистить и приводить в порядок не меньше недели.

Мы будем далеко от вокзала, но зато в лесу. Должно быть, здесь будет хорошо весной. Раненых много. Вчера привезли 600 человек. Вчера были в Житомирском лазарете. Грязно у них, но наш старший врач говорит, что у нас этого не допустит. Он хочет все привести в порядок и устроить, как в клинике. Сегодня он меня спрашивал, где я хочу работать, я сказала, что мне все равно, но я желала бы быть с дочерью. Я все больше и больше подчиняюсь своей судьбе. Холера, тиф, пальба, но нервы притупились и не реагируют.

27 января, вторник. Сидим, наконец, у себя дома. Но что это за дом? Здание-то прекрасное, но до того загрязнено и выстужено, что трудно даже представить себе, что может настать день, когда будет если не комфорт, то хоть относительное удобство. Сегодня весь день топили печи, но все еще видно дыхание. Как будем спать в таком холоде? Говорят, мы должны будем принять раненых через два дня. Работы еще очень много, и как мы это успеем, трудно сказать. Холодно страшно, ноги мерзнут.

28 января, среда. Вчера, когда ложились спать, было видно <наше> дыхание. Укрылись чем можно. Ночью старались уже не поворачиваться, а то сейчас же откуда-то начинало поддувать и снова надо было согреться. Всю ночь был слышен грохот орудий. Идут бои. Раненых подвозят каждую ночь, и нам был приказ принять ночью 100 раненых, но удалось их разместить, и всё обошлось. У нас еще <размещать их> некуда, т.к. ничего еще не готово. У солдат настроение бодрое. Хотят поправиться, чтобы опять идти бить немца. Пока у поляков замечается трогательное единение с русскими. Даже составился красивый гимн на манер Марсельезы, в котором поляки вместе с русскими приглашаются биться с их коренными врагами – немцами. По адресу немцев отовсюду несутся проклятия. Один старый поляк, с которым мы ехали в одном вагоне из Варшавы, с глубоким вздохом сказал, что теперь Польше не оправиться и через 50 лет. Действительно ужасно, что там творится. Насилия, грабежи везде и всюду. А когда еще удастся сломить немецкое упорство и выгнать их в свои пределы?

29 января, четверг. Работа идет дружно. Ящики распаковываются, инструменты принимаются, палаты для больных почти готовы. Нет керосина и спирта, и из-за

этого мы сегодня, наверное, еще не сможем принять раненых. Говорят, наши перешли Бзуру* и теснят немцев. Дай-то Бог! Опять ночью раздавалась орудийная пальба. Может быть, она и днем слышна, но среди шума окружающего на нее не обращаешь внимания, ну а ночью действительно явственно раздаются орудийные залпы... Холод страшный. Только Бог хранит нас всех – видно, Ему угоден наш труд. Как печи ни натапливаются, все видно дыхание. Спать одно мучение. Вокруг нас холера и тиф. Работать приходится на воздухе. Живем пока по-военному. Питаемся из солдатского котла. Вкусно и сытно. Только перца много. Это от того, что овощи уже заранее приготовлены в надлежащей пропорции.

30 января, пятница. У нас раненые. Утром я встала первая, чтобы дать возможность Лиле поспать, так как это день ее дежурства. Приготовила все к чаю, напоила Николая Константиновича и сестер, и только мы решили, что нужно отслужить молебен перед открытием, как к нам прибежали сказать, что привезли раненых на автомобилях прямо с позиций. Все побежали принимать. С глубокой надеждой на помощь Божью я пошла исполнять свой долг. Николай Константинович взял меня к себе в операционную и перевязочную, где я и провела весь день, совсем забывши, что на свете существует еда, только к вечеру стала ощущать жажду. Всё забывается – и собственная усталость, и свои личные маленькие ощущения – при виде страданий и возможности облегчить их.

Столько благодарности светится в глазах, когда немного почувствуется облегчение. Были ранения очень тяжелые. Один умер, так что его даже не успели записать. С ампутированными руками и ногами, с раздробленными костями, с порванными разрывными пулями тканями – и какая покорность и терпение!

Все ранены под Серповцом при немецком наступлении. Все они говорят, что им у нас очень хорошо: и кормят прекрасно, и доктора хорошие, и сестры все ласковы и приветливы... Тяжело раненых положили в отдельную палату. Один перенес операцию, два подозрительные на перитонит и один с открытым переломом.

1 февраля, воскресенье. Три дня у нас <работает> лазарет, а кажется, что уже несколько месяцев... Я работаю в перевязочной. Это сплошной кошмар. Еще в августе я не могла видеть на рисунках то, что видишь теперь в натуре, да еще во много раз хуже. Какие раны! Какой ужас... Нервы притупились, и остаешься совершенно точно деревянной, даже когда эти несчастные не только кричат и стонут, но и плачут. Ранения ужасные – разрывными пулями, шрапнелью и снарядами. Смотришь на них, и невольно встает вопрос «Зачем и за что?». Из-за каприза одного безумца или это судьба человечества? Сколько существует наш мир, столько времени и борьба существует. Только теперь она дошла до крайнего напряжения и пределов. Война культурного зверя... Как терпеливы страдальцы! Чуть только облегчишь, и уже весел и благодарит. Завтра назначена ампутация ног двоим. Ничего нельзя сделать – началась уже гангрена.

* Левый приток Вислы. Во время Первой мировой войны вдоль Бзуры проходила линия обороны русской армии.

2 февраля. Великий пост... Раздается везде торжественный благовест и читаются полные глубокого значения великопостные молитвы. Везде, но только не здесь. Церковь есть, но она пуста, т.к. это военное местечко, а войска все выведены туда, где как раз, наоборот, забыты заповеди любви и смирения, а есть жесткая борьба злодея за желание первенствовать на земле.

4 февраля, среда. Сажусь писать после тяжелого ночного дежурства. С вечера пришлось присутствовать при кончине одного из несчастных. Сердце не выдержало нечеловеческих страданий, и, несмотря ни на какие меры, он скончался. Пришлось позаботиться о нем, и только что успокоились, начали подвозить раненых. С 11 часов до двух заняты были приемкой. Приняли 57 человек. Утром мы с дежурной сестрой сделали сами две перевязки. Хочется отходить двух больных. Одного спасти от заражения крови, а другому спасти ногу, а потому без отдыха встали на свое место и до обеда подавали инструменты и материалы. Все внимание устремлено на Николая Константиновича, и стараешься предупредить или, по меньшей мере, не задержать его. Шарик со спиртом, сухой <шарик>, перекись или карболовый раствор, пинцеты, тампоны различные, вот на чем сосредоточено все мое внимание. По-видимому, я его не затрудняю, так как он никого<, кроме меня,> не допускает к этим столам. Из новых все ранения чистые, но есть страшно изуродованные. У одного лицо сплошной кровоподтек. Глаза хоть целы. Нижняя челюсть сломана, щеки разорваны, зубы выбиты, и язык раздроблен.

Как-то работаешь без вникания вглубь всего этого ужаса. Нельзя на этом останавливаться, анализировать весь этот ужас – иначе не хватит сил и придется бежать, бежать без оглядки. Некоторые стонут, некоторые кричат, некоторые только молчат. Многие с озлоблением рассказывают – сколько удалось перебить немцев, и опять собираются идти, когда поправятся.

Физическая усталость не замечается. Надолго ли хватит сил и нервов? Только бы сохранить сон и душевное равновесие. Сейчас пришли сказать, что еще один умер. Его привезли с перитонитом. Это уже третий. Первого даже не успели записать. Тоже была рана в живот и разбиты половые органы. Его уложили в чистую постель, и он почувствовал облегчение. «Ну, теперь я засну», – были последние его слова, и заснул навеки. Кто он – неизвестно. Никаких бумаг при нем не было. Имени его не знает никто, и батюшка хоронил его, в молитвах говоря: «Имя же его Ты веши, Господи!» Может быть, есть жена, дети, как они узнают?

6 февраля, пятница. Нервы мои не выдержали, и я сегодня слегла. Вчера у нас было три покойника, а еще сколько кандидатов. Ужасно... ужасно видеть, как гаснет жизнь здоровых, полных сил людей. Сколько горя за собой несет эта смерть, сколько маленьких сирот остается без отцов. А они, сами герои, как они спокойно кончают свои жизненные расчеты, без ропота, без страха. Некоторые просят священника, другие просто затихают. Сейчас у меня опять трагедия: молодой пилот с раздробленной ногой. Пальцы еще шевелятся, но рана не очищается, нужно ее отнять, а он надеется, что сойдет все благополучно. Страдает страшно. День и ночь стонет. Бедняга вызывает своих родителей. Я уже писала письмо, а теперь просит послать телеграмму.

7 февраля, суббота. «На подвиг!» – так начинается моя тетрадь, и вот этот подвиг, и как он прост, прост, как сама жизнь. Не надо эффектных выступлений, ничего сверхъестественного. Нужно обмывать гнойные раны, держать в чистоте палаты, постели, облегчать страдания, кормить, разговаривать, вот и все. Все просто. Побольше сострадания и милосердия. Как просты их отношения ко всему, и как в этом много истинного смысла. В жизни ведь страдания чередуются с радостью, кончается всё смертью, а над всем должна сиять любовь. Вот в любви-то и подвиг. Побольше любви, побольше простоты, и тогда приблизишься к подвигу. Сегодня больше времени провела в палатах. Прибрала, передела белье, поговорила, написала письма, при этом должна была сама сочинить и прочитать им же, а потом немного побаловала изюмом.

Радости было много, особенно когда поднесла по рюмочке вина. Я и сама рада глядеть на них. У одного удалось спасти ногу. Рана затягивается, и перелом срастается. Другой был ранен в живот. Начинался перитонит, но все обошлось или пока обходится благополучно. Третий татарин. У него каловый свищ. С этим хуже обстоит дело, но не безнадежно. Потом четыре офицера. Все симпатичные люди. Палата у них самая сырая, но они терпеливы.

8 февраля, воскресенье. Собираюсь идти на ночное дежурство и вместо ужина села немного пописать. Должны были еще вчера дежурить, но Лиля Геллер, которая должна была дежурить со мной, выглядела очень плохо, и за нас дежурила сестра Осипова, а мы сегодня. Но все равно не пришлось нам всю ночь поспать. Сначала привезли к нам раненых, а после эвакуировали от нас офицеров. Те, что лежали в моей палате, были все замечательно симпатичны, и захотелось их проводить, а так как одежда их собственная представляла из себя только обрывки лохмотьев, то пока составили из нее при помощи английских булавок что-либо подходящее от холода, прошло очень много времени. Потом начали усаживаться на автомобиль на солому. У кого рука, у кого нога, значит одним лежать, а другим сидеть. Один милый поручик сел с шоферами на переднее сиденье. Ему ужасно хочется попасть в Симбирск, к себе домой. Семь месяцев не был ранен, а вот на восьмой шальная пуля раздробила ему кость плеча. Перелом закрытый, но придется извлекать пулю. У него оказался чапан, в который мы его и укутали и дали еще теплую бумазейную рубашку. Другой – штабс-капитан Пашков Дмитрий Константинович. Это тип <настоящего> мужчины. При перевязках он испытывал адские боли, но только мычал или начинал напевать что-то вроде на мотив Марсельезы. Он из Тюмени. У него открытый перелом плеча. Хочет излечиться где-нибудь в столице и, не заезжая домой, опять в строй. Третий – неврастеник. Он совсем не ранен, но идет лечиться. Четвертый ранен в обе ноги и руку, Соколов, тоже милый. Усадили мы их и отправили, а сами вернулись только в час ночи домой.

9 февраля, понедельник. Были мы в Варшаве. Я воспользовалась тем, что у нас с вечера 8-го начали эвакуировать раненых и, значит, дел на сегодня было мало, и решила съездить в Варшаву помыться в бане, где не была уже четыре недели. Голова и тело страшно зудели, блохи одолели, и даже Лиля Геллер нашла у себя

вошь. Приехали к поезду рано. Ждать пришлось часа полтора, но мы все это время любовались «Ильей Муромцем»*. Он кружил над нами. Бросил пробные камни и, наконец, спустился. Опять движение войск. Вымылись в бане очень хорошо и отправились домой. В лазарете мы не были сегодня. Без нас был батюшка Богородицкий**. Жаль, что не виделись.

11 февраля, среда. Опять прибыли раненые. Один контуженый офицер и вследствие этого ненормальный. Сейчас ему немного лучше, он очнулся и рассказывает про это сражение. Оказывается, его полк прошел 100 верст и сразу вступил в бой. Люди были страшно изморены, но дрались ожесточенно. Около него разорвался снаряд, и его контузило. Он упал, а очнулся уже в госпитале, и с ним сделалась истерика.

12 февраля, четверг. Нам скоро придется двигаться на Варшаву ввиду наступления немцев. У меня всегда сердце защежит при таких известиях. Больше всего на меня действует паника толпы. Когда я одна, я не растеряюсь и всегда найду выход из какого угодно положения, но если вокруг меня ужас, то и я теряюсь. У меня две идеи, равные по силе: спасти дочь и спасти больных. Будь я одна, я не оставила бы ни одного больного, а тут дочь... Плена для нее не хочу.

12 февраля, четверг. Вчера вышли погулять, и вдруг я слышу удары колокола. Как грустно и уныло на стороне чужой звучит колокол! Я пошла на звон и вошла в церковь. Военная церковь полна солдат. Батюшка читает Канон Андрея Критского. Слова задушевные, пение простое, кругом лица солдат торжественные. Душа раскрывалась навстречу трогательным словам Канона. Хорошо стало и как-то тише, спокойнее. Точно кто-то внушил: «Верь, и все будет хорошо». И действительно, точно яснее стало в мыслях и не так жутко. Говорят, и Гродно удалось отстоять, и Ковно***. Рассказывают, что среди германских войск есть уже и старики и почти что дети, которые просят пощады. Правда, и у нас тоже среди новобранцев есть почти что дети, но много еще и регулярного войска.

13 февраля, пятница. Мы с Шурой Загумённых решили отговорить и получили на это разрешение. Утром были у обедни преждеосвященной, а сейчас только пришли с вечерни и исповеди. Никогда я не забуду этой исповеди.

Бедный военный храм. Молящиеся – только солдаты, скромный молодой батюшка. Но слова его просились прямо в душу. Вынесли на середину храма Крест и Евангелие, и он вышел и сказал, что исповедь будет общая, чтобы не смущались этим, т.к. важно искреннее раскаяние, а этого можно достигнуть и в данных усло-

* «Илья Муромец» – общее название нескольких серий российских самолетов, выпускавшихся в течение 1914–1918 гг. Впервые самолет данной серии участвовал в боевых действиях Первой мировой войны в феврале 1915 года. Первая эскадра самолетов «Илья Муромец» базировалась на аэродроме у Яблонны, где работала в госпитале О. Маллицкая.

** Протоиерей Константин Богородицкий (1863–1922), настоятель Спасо-Преображенского собора в Ташкенте. В годы Первой мировой войны был на фронте в качестве военного священника. В Ташкенте также был известен и его брат, протоиерей Петр Богородицкий.

*** Ныне г. Каунас в Литве.

виях. Также просил не смущаться и коротким сроком говения – иначе время не позволяет, а на позициях и этого не имеют. Просто говорил о том, что нечего смущаться каяться в своих грехах. Что священник такой же грешный человек, которому понятно все человеческое, что не Бог, а Христос стоит пред тобою, – переводил он слова прекрасной молитвы «Се чадо, Христос стоит пред тобою...» и незаметно перешел к исповеди. Спрашивал, и хор людских голосов отвечал ему: грешен. Чувствовалось, как какое-то умиротворение входило в душу, и хотелось плакать... Нас было только двое среди солдат. Он подошел к нам и предложил отдельно исповедоваться, но что можно было еще сказать, когда все сказано, когда душа раскрыта полному раскаянию... Завтра в 8 часов утра обедня и будем причащаться.

14 февраля, суббота. С утра сегодня солнышко, и радостно стало на душе. Ночью я проснулась, и все одна мысль гвоздила мозг – ну что, как там за лесом? Приобщались, а после обедни встретили своих, то есть туркестанских семиреков*. Говорят, вести хорошие, на 40 верст отовсюду отогнали германцев. Дай Бог! 700 пленных немцев пригнали сюда и разместили по казармам. А часть раненых опять эвакуировали. Жаль с ними расставаться, всегда так привыкаешь к ним.

Война ужасная. Говорят, что в продолжение одного часа было уложено 1500 человек из 20 и 21 полков. Пошли в атаку и попали под пулемет. Когда же конец-то... Видели немецких пленных. Жалкая, оборванная толпа. Есть и молодые лица, но в общем жалкая толпа загнанных человеческих существ.

Хотелось получить каски. Предлагали нам снять, но рука не поднялась, а мне дал начальник станции, и сестры потом выменяли на русские шапки и впридачу дали полтинник. Хочу послать в Ташкент мужу и племянникам.

15 февраля, воскресенье. Наш «Илья Муромец» упал и разбился. На Варшаву было нападение немецких цеппелинов** и брошено 5 бомб, а сейчас летал над нами немецкий аэроплан и по нему стреляли наши войска. С каждым днем делается все страшнее, уехать не позволяет совесть. Значит, немцы где-то недалеко, если летают над нами.

Сегодня было три операции. Одна под хлороформом и две под кокаином. Опять ужас страданий, крики нечеловеческие и стоны. Офицер просил хлороформировать. У него из колен вынули кусок шрапнели, а чашечка коленная раздроблена. Наш хирург натянул надкостницу и сшил ее. Когда его хлороформировали и он начал засыпать, у него, как всегда, начался бред: «Это наши стрелки, наши стрелки никогда не сдаются, братцы, вперед!» У меня сердце защемило, и я боялась, что расплачусь. Он герой – получил золотое оружие. Сегодня ночь я дежурю, а завтра большая операция. Не знаю, как выдержу. Ольга Дав. разговаривала с пленными. Говорят, что им кайзер приказал в течение 15 дней взять Варшаву. Бомбы бросали в наш ангар, который находится в Яблонне. Вреда не причинили, но дорогу нашли. Дела наши под Млавой опять ничего. Пленных много, и, говорят, германцы бегут.

* Семиреченские казаки Туркестанского генерал-губернаторства.

** Цеппелины – германские дирижабли, названные в честь их изобретателя Ф. Цеппелина; производились в 1899–1938 гг.

Уже 4 утра, а я не заснула еще ни на одну минуту. Погода, наверное, повлияла на больных, стоны раздавались всю ночь. То к одному, то к другому подойдешь, а офицер с ногой прострадал все время. С вечера был ураган, сейчас выпал снег. Вот, наверное, и причинил им беспокойство.

17 февраля, вторник. Страшно устала. Была операция в продолжение 3 часов. Напряжение, конечно, громадное, так как ответственная роль в первый раз в жизни. За обедом отдохнула немного, а потом еще 20 перевязок. Сейчас только что вернулась домой и поужинала, как говорят, что привезли раненых. Говорят, взят Осовец*. Опять для меня начинаются терзания.

Осовец не был взят, и как-то сразу стало веселее на душе и лучше пошла работа. На этот раз раненые оказались прямо ужасными по своим ранениям. Много с параличами и перитонитом. Один был с такой ужасной гангреной, что, право, едва ли когда-нибудь доведется увидеть еще что-нибудь подобное. У него изранен весь левый бок. На первой перевязке у него извлекли три осколка шрапнели из разных ранений. Из одной раны выходит газ. Голова тоже была ранена, но ее оставили в покое. На следующий день, когда сняли повязку, то бок темно-синего цвета, точно громадный кровоподтек, и совершенно не чувствительный. Из раны выходил газ. Через два часа он скончался. Из этой партии умерло уже четыре человека. Вообще, за три недели нашей работы умерло 15 человек. Один из раненых попал в плен и был опять отбит русскими. Рассказывает, что когда его ранили, то он упал. В это время к нему подбежал немец и хотел его заколоть. Он стал показывать на рану. По счастью, германский солдат оказался поляком. Он сжалился над несчастным и помог ему перейти к ним. В сарае его уложили, накормили и укрыли соломой. Но через несколько времени начали наступать русские. Начался обстрел. Пули летели, по его рассказам, через стены сарая. Он еще глубже зарылся в соломе и остался жив. А по взятии русскими этого места раненых подобрали и эвакуировали. Офицеры же рассказывают, что он был подобран и устроен в передвижном лазарете. Но русские отступали и всех раненых забрать не имели возможности. Оставшимся выдали немного провизии и уехали. Четыре дня прошло до тех пор, пока опять русские наступили и забрали всех раненых. У него открытый перелом, и рана загрязнена.

Но кто нас мучает, так это наш герой. Положительно ни минуты не дает отдыха. То его поверни, то одень, то напои и так далее. Сегодня ночью опять ждем партию раненых.

21 февраля, суббота. Вот и утро. Все больные еще спят, но уже светает, хотя только шесть часов. День заметно прибывает. Сегодня будет солнце, так как ночь была ясная, морозная и сейчас еще остатки месяца на небе. Если перевязки кончатся скоро, пойду погулять по дороге к лесу. Говорят, есть какая-то речка. Для нас мороз приятен, а каково раненым на полях сражений? Наверное, много будет отмо-

* Русская опорная крепость в 50 км от г. Белосток (ныне – Польша). В 1914–1915 гг. германские войска трижды штурмовали крепость; речь идет о втором штурме, предпринятом в феврале-марте 1915 г. Несмотря на большие потери в результате обстрела артиллерией, который был наиболее интенсивным 14–16 февраля и 25 февраля – 5 марта 1915 года и привел к многочисленным пожарам внутри крепости, русские укрепления выстояли.

роженных рук и ног. Все же, по рассказам, наши опять добираются до Млавы и из Восточной Пруссии вышли. Сколько раз эта Млава переходила из рук в руки. Уже начинается четвертая неделя поста. Я рада, что отговела.

8 час^{ов} вечера. Пришла из церкви, где была на выносе Креста. Кажется, никогда моя душа не была так полна религиозного чувства, как в этом храме. И есть отчего. Ведь все эти воины, которые с таким усердием ставят перед образами свечи, действительно молят о жизни. Многие ли из них вернутся опять когда-нибудь в храмы, и, может быть, это последняя их молитва. Пели хорошо. Хотелось бы и завтра попасть, но это вряд ли удастся, так как утром у нас перевязки. Сегодня во время перевязки на столе у нас умер один больной. А ночью он был ничего и только просил дать ему что-нибудь, чтобы заснуть. Я дала ему порошок veronal, но это не помогло. Пил он ночью чай и ничего не было заметно, а утром вдруг упал и ничто не могло быть полезным. Сколько таких! Несчастные страдальцы.

26 февраля, четверг. Вчера эвакуировали раненых. Возили всю ночь на автомобиле. Пока у нас затишье. Хочется воспользоваться этим и съездить в Варшаву, чтобы вымыться и что-нибудь купить. Наш «Илья Муромец» летал в Нюрнберг и бросил 15 бомб. Над нами германцы не появлялись несколько дней, после обстрела их аэроплана.

12 ночи. На дежурстве. Привезли раненых. Устроили их, уложили и пока все тихо, только вдруг начинаются крики: это приснилось что-нибудь, страшное. Бедные! Долго им не расстаться с кошмарами. Один татарин казанский каждую ночь видит, что за ним приходят двое из-за речки. Постелют солому рядом с кроватью и положат его и начинают душить или отведут к речке и топят. Соседи смеются, когда он рассказывает, а он пресерьезно уверяет, что они никому больше не показываются, кроме него, и только спасает его приход сестры.

2 ночи. Сейчас один из прибывших вечером умер. Просто и тихо. У него перитонит был. Взгляд его уже отсутствовал, и только он просил пить. Герой... Только рассказать не мог, где получил Георгия... Сейчас пойду раздевать его и распорядиться вынести из палаты.

1 марта, воскресенье. 9 ч^{асов} вечера. Вернулась из лазарета, где была вместо своей Лили и сестры Загумённых. Обе очень устали и на вечер уже не могли пойти к своим обязанностям. Работы так много, что делаешь самое главное, то есть даешь чисто внешний уход, а уже о нравственной поддержке нечего и думать. Недавно Лиля сказала, что да, дедушка* прав, здесь должны быть все русские женщины. Это в идее так, а на самом деле это невыполнимо. Сейчас же начинаются мелкие интриги и оттирание одной другую. Даже в нашем маленьком кружке и то уже раздоры со всех сторон. Тяжело работать, если бы не сознание невозможности бросить начатое дело и уехать. А бедные раненые страдают от этого. Один ждет дольше, чем следует, перевязки, другой оставлен без помощи, потому что он не «мой» больной, а чей-нибудь.

* «Дедушкой» Маллицкая в дневниковых записях называет отца – Н.П. Остроумова.

14 марта, Вербное воскресенье. Не писала давно. Много тяжелого пришлось пережить за эти 10 дней, что я не писала. Умер Стасюк... Это тот, что под хлороформом командовал своими стрелками. Умер еще один офицер от крупозного воспаления легких, и хотя утешаешь себя, что значит так суждено было, но все же не можешь не упрекнуть себя в глубине души. Рана его была очень легкой, а температура все время высокая, но лечить стали только в последние дни, когда спасения уже не было. Умер он в мое дежурство. Тяжела была кончина. Еще две смерти на нашей совести: привезли раненых вечером. У двоих из них в шинах ноги. Таких, собственно, лучше реже перевязывать, так и поступил Николай Константинович, а когда через день принесли их в перевязочную, то ноги их были уже черного у одного, а у другого зеленого цвета. Ампутировали в перевязочной. Один пока еще жив, а другой уже кончился. Каждый такой случай – трагедия человеческой жизни, а сколько их сейчас. Люди погибают иногда от недостатка какого-нибудь прибора или аппарата. Говорят, что в военных госпиталях нет камеры и прибора для солевого вливания. Значит, гибелью грозит тем, кто потерял много крови.

Я опять дежурю, но у нас сейчас мало раненых, так как на нашем фронте затишье. Слышна орудийная пальба. Зато взят нами Перемышль. Как это отразится на германском фронте – увидим.

½ второго ночи. Санитар пришел сказать, что недалеко от нас пожар – горит казарма. Распорядились разбудить заведующего, а сами старались соблюсти тишину, чтобы не напугать раненых. Не дай Бог, если подберется к ним. Из окна видно, как пылает. Говорят, загорелось от взрыва бензина в автомобильной роте. Может, это умышленный поджог.

19 марта, четверг. Вернулись со стояния. Штаб еще здесь, и служба есть. У нас больных осталось всего 16 человек. На позициях тихо, а потому раненых нет. Говорят, немцы в четырех верстах всего.

20 марта, Великая Пятница. Пробежала ночь вместе с Лизой. Вымылись в ванне с вечера и провели ночь спокойно, так как больных мало. Вчера над нами опять летал германский аэроплан и опять его обстреливали. Всё старается уничтожить ангары «Ильи Муромца», так как у них такого типа аэропланов нет, а бед он приносит много. Может поднять груза 50 пудов. Имеет пушку и пулемет и бомбы разбрасывает в пять пудов весом. Говорят, устройство замечательное: в нужный момент нажимается кнопка, открывается люк и по блоку спускается бомба. В это же время действует фотографический аппарат, так что есть снимки с изображением тех опустошений, какие он производит. Поднимается он на 3 ½ тысячи метров, то есть почти не достигаем для обстрела. Говорят, немцы так его ненавидят, что стреляют вообще по аэропланам и недавно расстреляли своих же. Все они в Яблонне, но один недавно разбили. Обыкновенно дежурный аэроплан вылетает в 4 часа утра на немецкие позиции и в семь уже возвращается обратно, разбросав бомбы. Говорят, недавно в Ново-Георгиевске** показывался германский аэроплан. Один

* Русская крепость близ Варшавы, в населенном пункте Модлин. В ходе Первой мировой войны, в августе 1915 г., германские войска захватили крепость.

бомбардир попросил разрешения выстрелить первым, ему разрешили. Он выбрал подходящий с его точки момент и выпустил снаряд. Аэроплан был разбит вдребезги, а герой представлен к Георгию.

21 марта, Страстная Суббота. Совсем особое настроение. Была на Погребении, и действительно погребали Христа – так много скорби кругом. Сейчас идем к Светлой Заутрене. Дай Бог, чтобы ночь эта прошла без боя, чтобы защитники Отечества могли спокойно возносить свою молитву и хотя бы друг другу сказать: «Христос Воскресе!».

Тоскливо на душе. Ждешь праздника... Одна мысль у всех: скорей бы конец войне...

22 марта, воскресенье. Вот и Пасха. И здесь звонят колокола, и радость просится в душу. Тихо. Если бы этот день прошел без кровопролития!

Вчера собралась вся наша семья лазаретная дружно разговеться. Хорошо было, но все же пусть это будет единственная <такая> Пасха в моей жизни.

Схожу сегодня на кладбище на могилы наших воинов. Христос Воскресе! Все православное воинство, так дружно вставшее на защиту своей Родины.

23 марта, понедельник. Было бы интересно, если бы с самого начала записывать все, что слышишь о войне, но раньше как-то не интересовалась этим, а больше жила собственными ощущениями и переживаниями. На днях подстрелили два аэроплана. Один <летчик> опустился около Ново-Георгиевска и сдался. Мы его видели, и его монтера. Другой опустился и начал жечь свой аппарат. Когда ему хотели помешать, он застрелил трех солдат, но один казак зарубил его.

Явился парламентаром немецкий офицер, но его задержали. И наконец, прибежал из плена наш разведчик. Его пытали германцы, по частям отрезая ухо и нос, но он молчал, а ночью бежал. Он отправлен в штаб Главнокомандующего.

Был у нас сегодня командующий первой армией. Раздавал раненым награды. Держался просто. Мне понравился.

30 марта, понедельник. Боев на нашем фронте нет, и раненых эвакуировали. Дела абсолютно никакого. Если не будет боев долго, то хочу поехать в Ташкент – тогда вызовут телеграммой. Раскрылся страшный заговор и шпионаж. Гибель под Гродно 20 корпуса 12-й армии была делом чьих-то злодейских рук. Повешено 60 человек. Адъютант командующего армией, Мясоедов, был во главе и продал за 2000000 руб. Россию. Шпионов масса. У нас вчера поймали одного немецкого офицера, который вез планы Варшавы и расположения войск. Говорят, у германцев нет хлеба. Когда наши разъезды встречаются с немецкими – наши дают им хлеба и получают коньяк.

Пасхальная ночь прошла тихо. У наших в окопах пели «Христос Воскресе», а у германцев тоже слышалось пение. Потом поздравляли друг друга, высываясь из окопов. На Пасху была дивная погода, сейчас холодно и идет дождь.

2 апреля, четверг. Привезли 22 человека раненых, но не в боях, а бомбами, брошенными с аэропланов. Есть и тяжелые ранения. Опять стоны, опять вид страданий.

Говорят, что пока боев не будет. Я хочу съездить в Ташкент, хоть на месяц, чтобы немного отдохнуть от всего виденного.

15 апреля, среда. Завтра уезжаем на полтора месяца в Ташкент. Отпуск получили беспрепятственно, так как дела пока никакого нет.

В воскресенье, 12 апреля, в нас бросали с аэропланов бомбы. Убитых нет, но страшно было, в особенности, когда во время церковной службы начали бросать недалеко. Здание всё дрожало, и окна звенели.

16 апреля, четверг, 6 часов утра. Через два часа уезжаю. Хочу вернуться, но не знаю, как это будет. Сегодня опять ждут налет германских аэропланов.

Говорят, скоро начнется общее наступление по всему фронту. Вчера привезли раненых из-под Остроленки**. Там немцы прорвались в количестве 17000, но мы успели сомкнуться и окружить их. Весь день была слышна стрельба. Недалеко от нас вчера взорвалась бомба. Все здания задрожали...

21 апреля. Мы уже в дороге. Ранняя, ранняя весна. Изумрудная зелень полей, но кое-где еще в прогалинах лежит снег. Цветочки доверчиво тянут свои головки к лучам солнца, которое уже греет. Из открытого окна пахнет вскопанной землей и свежей зеленью. Природа пробуждается от зимней спячки, и должно быть радостно на душе человека, а он устроил для себя бойню.

Когда решится этот поединок? Может быть, протянется еще год? Мы отдохнем и вернемся к своим обязанностям. Теперь уже поворота нет. Чувствуешь, что должна быть там, где можешь быть полезной. Немного отдохнем и опять туда.

23 апреля. Туркестан нас встретил пышной весной. Природа в полном расцвете, солнце так ярко сияет, а сейчас, ночью, небо темное, темное, усеянное мириадами ярких звезд. Птички радостно чирикают, цветы цветут, и ничто не напоминает о тех ужасах, которые приходилось переживать еще так недавно.

26 апреля. Взята Либава**. Но вокруг природа так ликует, что не хочется верить в конечное торжество зла.

30 мая. Послезавтра уезжаем обратно. Этот месяц не был счастлив для нас в войне: далеко отступили в Галиции и отдали Перемышль... Что ждет впереди? Для меня лично месяц пролетел как день.

10 июня, среда. Опять сижу в Яблонне на ночном дежурстве. Раненых немного, но исключительно тяжелые. Яблонна изменилась: уезжали мы – стоял у нас штаб 1

* Ныне город в Польше.

** Ныне г. Лиепая в Латвии. До 1917 г. – военно-морская база русского флота на Балтике.

армии и дружинники, а теперь 10000 регулярного войска. Куда ни кинешь взгляд – всюду солдаты. То маршируют, то поют, то просто отдыхают. В Галиции наши войска все время отступают. Уже подошли к Львову и говорят – его отдают. Варшаву тоже, по-видимому, очистят. Сначала уйдет штаб, а потом войска. Лазареты не останутся, их тоже эвакуируют. Но когда это будет – неизвестно.

11 июня, утро. Уже третий «Илья Муромец» вылетает на позиции. Говорят, Вильгельм опять приказал взять Варшаву к 15 июня. Исполнится ли это и что станется после и с Польшей, и с Россией? Грозные события, и несчастные для нас...

13 июня, суббота. Львов эвакуирован. Говорят, очередь за Варшавой. Ходят самые разнообразные и самые ужасные, тревожные слухи. Что будет с нами? Все готовятся к отъезду, а у нас нет перевязочных средств. Говорят, нас вывезут на автомобилях или же с поездом, в котором поедут штабные. Тревога видна всюду. Хорошо одно, что пришлось выселять отсюда семьи офицеров, которых понабралось очень много. Раненых уже всех эвакуировали, и наш лазарет пустой. Под Проснышем* опять бои. К нам изредка доносится стрельба, но откуда – не знаю. Солдаты спешно обучаются, чтобы отправиться на позиции. Хочу записать песни, с которыми они маршируют. Есть веселые, а есть и полные грусти. Мои чувства как-то все припустились. Будь что будет!

14 июня, воскресенье. Проснулись от орудийной пальбы, вероятно, в германский аэроплан. Теперь это как-то еще громче. Гулко по лесу разносился грохот, и долго раскатывалось эхо. Нет сомнения, что мы уйдем отсюда. Все вокруг говорят об этом, и все уверены, что уйдем тихо, без паники и вовремя. На вокзале громадное движение. После нас там выстроили еще три колеи, и теперь постоянно снуют поезда. Часть войск стягивают к Ивангороду, а на фронт к Цеханову** ставят, кажется, только что обученных.

Вчера мы с Ев. Дм. Галкиной (председательницей общины) были у начальника штаба Одишелидзе***. Ходили просить вывезти вовремя лазареты. Генерал непроходим. Все обещал, но успокоил: все хорошо и спокойно, они (т.е. штаб) никуда не собираются. А мои нервы, кажется, не вынесут второго такого испытания.

14 июня, вечер. Раненых привезли и увезли. Сегодня им давали концерт свои же солдатики под управлением помощника коменданта. Пели прекрасно и с большим чувством. Особенно выдались своим исполнением «Вечерний звон» и «Однозвучно звучит колокольчик». Один раненый встал и поблагодарил оригинально: «Вчера (их привезли только вчера), когда забили часы, нам уже стало хорошо на душе, потому что 4 месяца мы ничего этого не слышали, кроме грохота пушек и свиста пуль, а уж за пение – и слов нет, как благодарить вас». Эти слова отразили настроение всех. Вечером, во время чая, опять летал германец и опять его обстре-

* Ныне г. Пшасныш в Польше.

** Ныне г. Цехановец в Польше.

*** *Илья Зурабович Одишелидзе* (1865 – после 1924) – генерал-лейтенант. С 23 декабря 1914 г. – начальник штаба 1-й армии генерала А.И. Литвинова, которая во время летнего, 1915 года, отступления прикрывала отход главных сил русской армии из Польши.

ливали. О Варшаве говорят много, но ничего определенного: отдадут или нет? Для меня это кошмар. Днем мы гуляли и зашли в один фольварк*. Старик спокойно ждет прихода немцев, думая, что они пройдут в города и оставят фольварки. Но вряд ли это будет так, потому что германцам нужен хлеб, и его много в окрестностях.

17 июня, среда. И 15-го, и 16-го просыпалась от пальбы в аэропланы. Тревога растет. Варшава пустеет, и пропало в обороте серебро. Говорят, нас вывезут своевременно. Уже укладываемся.

Отдача Варшавы – что это? Измена или необходимость? Кругом патрули и днем, и ночью. За черту Яблонны не выпускают. Раненых взяли, и теперь провозят без остановки прямо в Варшаву. Когда нас вывезут и как? Жутко и за дочь, и за себя, а бросить лазареты не позволяет долг. Живешь изо дня в день, из часа в час... Что же будет?

19 июня, пятница. Время самое ужасное переживается всеми. Боев у нас нет, и работы нет, а ожидаешь, чем кончится наступление <вражеских> фаланг, полная тревога и все же надежды... Галиция нами очищена. Если эта громада в количестве 700 тысяч человек продвинется с юга, то мы можем быть отрезаны. Успеют ли нас вывезти? Вчера проскользнуло известие, что где-то по пути нашими фугасами взорван у них корпус. Появилась надежда задержать. Варшаву очищают. Уехали все лазареты, вывезено имущество, выехало 700 тысяч человек. Мы, говорят, тронемся со штабом. А жизнь кругом идет. Вчера я крестила девчурку. Люди и рождаются, и умирают, и любят, и страдают. У нас дела нет абсолютно никакого. Три больных и ни одного раненого.

20 июня, суббота. Больных и раненых нет. Если нас окружат и не успеют вывезти, то мы будем в плену. В душе все замерло. Я, кажется, даже молиться не могу... Судьба...

Вчера мы были на аэродроме. Осматривали «Илью Муромца» и познакомились с Сикорским**. Со страшным интересом я смотрела на этого скромного человека. От нескольких пар глаз, устремленных на него, ему было, видимо, неловко, и он покраснел. Хотелось мне его повидать, и вот сбылось. Были в блиндаже у летчиков. Землянка внутри обложена толстыми бревнами. На крыше тоже и бревна и два аршина земли. Не страшно, если разорвется снаряд вблизи. Офицеры все очень любезны, угощали малиной и земляникой. Предлагали полетать, но не для меня это.

23 июня, вторник. Приказано собраться в 2 дня и быть готовыми к выезду в Вышков***, что недалеко отсюда, всего верст 40. Не понимаем, почему так близко, – казалось бы, не имеет никакого смысла, но говорят, что нас потом передвинут еще куда-то. Вчера же слышала разговоры за окном, будто бы германские разьезды

* Так в Польше называли хутор или усадьбу, принадлежащую одному владельцу.

** *Игорь Иванович Сикорский* (1889–1972), русский авиаконструктор, изобретатель; создатель «Ильи Муромца». После 1917 г. в эмиграции, жил в США.

*** Ныне г. Вышков в Польше.

были встречены около Юзефова*, а это от нас всего две версты. Сегодня утром от нас увозят раненых, и мы должны уложить весь лазарет.

Вчера вечером опять летал германский аэроплан и в него стреляли. Мы были на станции, и над нами рвались шрапнели. Всё страшно волнует. Боюсь, что мои нервы не выдержат, и я уеду и увезу Лилию с собой куда-нибудь вглубь России. Ясно, что Варшаву отдадут. Бедная Варшава. Я уже полюбила ее за ее спокойную, выдержанную, красивую внешность.

24 июня, среда. Все было уложено и готово к отъезду, как пришло распоряжение остаться здесь. Наша попечительница и старший врач ездили в Вышков, но там не оказалось ни одного подходящего помещения. Кроме того, там сыпной тиф и раненых вообще нет. Здесь же пока явной опасности якобы нет. Наши войска страдали от недостатка снарядов и из-за этого принуждены бывали отступать пред немцами. Теперь, после больших перемен в правящих кругах, изготовление снарядов передано в руки общественных организаций и будто бы уже части войск снабжены в достаточном количестве.

Не знаю, подтвердится ли, но слух такой, что под Люблиным немцы опять разбиты и прогнаны на 30 верст... Дай Бог, чтобы всё была правда.

27 июня, суббота. Живем пока в Яблонне. Подвезли раненых, и пришлось часть вещей распаковать. Оторванные пальцы, переломанные кости, есть одна-две раны от разрывных пуль. Говорят, днем немцы не стреляют разрывными пулями, а ночью то и дело видишь взрывы. Эти пули разрываются при малейшем прикосновении к какому-нибудь предмету. Очень нужно быть осторожными теперь, при массе мух и жаре, с ранеными. Например, одного открыли – и оказалась вся рана полна червей. Его не перевязывали 5 дней. Чувствовалась боль и зуд во всей ноге.

Вчера в Варшаву было доставлено 6 тысяч человек, отравленных газами. Картина тяжелая. Неужели предохранители** не помогли? Вчера уехали в Холм*** 64 прапорщика отсюда. Совсем дети. Есть по 17 лет. Значит, там офицерский состав выбит.

28 июня, воскресенье. Ночью дежурила. Дежурная комната с очень примитивной обстановкой. Рядом палата с ранеными. Вчера еще был полон лазарет, а сегодня эвакуировали и осталось только пять человек. Один с пулей в легком, один с ампутированными пальцами, один с раздробленным коленом. Стонет и просит морфия, а доктора не позволяют, так как боятся, что впрыскивание морфия войдет в привычку. Требуется настойчиво, и не знаешь, где правда, где каприз. Один лежит раненый бомбой рабочий-поляк. Был он на работе по мощению улиц, а с аэроплана бросили бомбы. Его ранило. После будто бы германцы кинули записку с извинением, говоря, что в мирных жителей они не стреляют, а это случайность – толпу и телеги они приняли за обоз.

* Ныне г. Юзефув в Польше.

** Вероятно, имеются в виду противогазы.

*** Ныне г. Хелм в Польше.

29 июня, понедельник. Вчера вечером еще один прапорщик пришел к нам сказать, что вызван в Ригу, где, конечно, не задержится, а получит назначение на позиции. Он кончил юридический факультет уже года два и поступил в военное Алексеевское училище. Человек вполне интеллигентный. Видимо волновался. Сидел с сестрами, а потом пошел гулять, а часов в 12 ночи он зашел ко мне в дежурную комнату. Ночь. Лазаретная обстановка, сестры, все это повлияло на его откровенность, и он начал рассказывать, что сильно боится сойти с ума. Что он не может отделаться от анализирования окружающих явлений и это так сильно, что многие не выдерживают. Счастлив тот, кто полагается на волю Божию, и он всегда читает «Отче наш» и верит, что это спасло его в предыдущих боях. Только бы скорее освоиться с боевой обстановкой – вот его желание.

1 июля, среда. Вчера несмолкаемый гул от орудий, а сегодня полный лазарет раненых, приняли 124. Пришлось положить рядами на полу. Раны все свежие. Перевязки были сделаны только на перевязочных пунктах. Германцы выставили 90 батарей против маленького фронта. Все сравнено с землей. В блиндажах схоронены целые взводы. Говорят, 40 вагонов с нашими снарядами взорвали в пути. Что будет дальше? Войска везут все время, так что пассажирское движение приостановлено. Сегодня не слышно пальбы.

2 июля, четверг. Германцев остановили. Хотя, может быть, это была только демонстрация, чтобы отвлечь часть войск с другой стороны. Во всяком случае, подвоз им орудий прекратился. И дождь пошел, который переполнил все болота и дороги сделал непроходимыми. Ужасное наступление временно приостановлено, но ведь только временно! Опять где-нибудь прорвутся, и опять ужас. Говорят, жида в Цеханове знали и заранее скупили весь хлеб и забрали серебро и медь. Они знают всё и передают германцам, которые платят громадные деньги за шпионаж*. Еще лазареты здесь развертываются, да иначе и нельзя. В Варшаве все уже свернулись и ушли, и у нас осталось только шесть, а раненых мало.

3 июля, пятница. Наступление германцев идет по всему фронту. Опять прервано всякое частное движение – всё только войска, войска и войска. Провозят артиллерию, а снаряды везут на грузовых автомобилях. Всё как будто напряглось в ожидании – что-то будет? Хватит ли у нас снарядов и орудий? Храбрости-то у людей хватит. Конечно, и у нас есть трусы, но, к счастью, таких мало. В войсках уверенность в победе. Погода сырая, и это уменьшает опасность быть отравленными удушливыми газами. Говорят, немцы хотели их применить, но ветер подул на них, и им пришлось самим спасаться. Сейчас затишье – не слышно орудий, а все утро был грохот. Может быть, пошли в атаку? Там, на позициях, сейчас, наверно, ад? Раненых вчера взяли от нас, а провозят их прямо в Варшаву.

* Отступление русской армии из Галиции, Польши и Литвы летом-осенью 1915 года, вошедшее в историю как «Великое отступление 1915 года», породило в значительной части российского общества небывалую волну шпиономании. Военные неудачи России при этом объяснялись шпионажем в пользу Германии не только со стороны отдельных шпионов (что имело место), но также и со стороны некоторых народов – российских немцев и евреев. (Прим. ВС.)

6 часов вечера. Очевидно отступление наших, потому что тянутся мимо нас обозы второго разряда. Говорят, что этой ночью можем очутиться в руках германцев. Несмолкаемый грохот орудий, и больше нет звуков. Точно всё притаилось в ожидании ужаса. Сейчас пальба как будто стихла. Что бы это могло значить? Победа или поражение? Лиле прислал письмо один из ее товарищей. Были два дня в бою под Болимовым. Такой ужас пережил, что желание было или быть раненым, или уж убитым. О личной храбрости не может быть речи с таким ужасным противником. Особенно страшны газы. Сам он чуть не задохнулся, но жив остался и еще, значит, будет переживать ряд ужасов.

4 июля, суббота. Вчера как смолкла канонада в 5 часов дня, так и не было ее всю ночь, и сейчас тишина, но Яблонну эвакуируют. Вчера уехала искровая рота* и ушел обоз второго разряда. Наступил ясный день, а вчера весь день шел дождь и даже ночью была гроза.

В стороне Цеханова было зарево. Говорят, его подожгли сами русские, а может, он загорелся от снарядов. Войска в сторону Цеханова все еще подвозят. В 12 часов дня приказано укладываться и к вечеру выступить. Боятся обстрела. Сейчас стреляют в аэроплан германский. Успеем ли выбраться?

8 часов вечера. Все уже уложено, а говорят, уехать сегодня не удастся, так как нет вагонов. Сидят у нас командир штаба и его помощники. Они со штабом выступают сегодня в ночь. Говорят, что наступление германцев немного задержано, что два их полка совершенно уничтожены, но все же отступаем, выравниваем фронт. Цеханов еще в наших руках, страшно за тех, которые должны будут заснуть в Ново-Георгиевске.

Вернулись опять казаки-кубанцы, которые стояли здесь в апреле. Они будут обслуживать тыл ближний. Много беженцев. Бегут все, кто может. Жутко за тех, кто принужден здесь оставаться безвыездно. Опять пальба в аэроплан.

5 июля, воскресенье, 5 часов утра. Последние вещи вынесли. Прощай, Яблонна, что-то ждет впереди. Сестры на дверях своей комнаты написали: «Сестры Туркестанского лазарета. Не говорите с тоскою – их нет, но с благодарностью – были»**.

Отступление в порядке.

6 июля, понедельник. Ехали, ехали как будто целых два дня, а доехали только до станции. Вещи сложили быстро. Ночью их перевезли автомобилисты из штаба и сложили на санитарной платформе. Сами мы пришли туда же утром еще, а уехать не удалось и по сей час. Пути загромождены воинскими поездами. Через каждые ¼ часа идет поезд туда, в Ново-Георгиевск, с артиллерией и с пехотой. Наступление идет с Цеханова и [неразб.] ... Толпы военных постоянно сменялись, и в маленьком буфете была положительно давка. Подошла ночь, а мы еще и не двинулись с места, т.к. не было вагонов. Начался дождь, и мы должны были лечь спать под той же

* Часть инженерных войск для обслуживания полевого беспроводного («искрового») телеграфа.

** Измененная строка из известного стихотворения В. Жуковского «Воспоминание»: «О милых спутниках, которые наш свет / Своим сопутствием для нас животворили, / Не говори с тоскою: их нет; / Но с благодарностию: были».

платформой, на которой лежали наши вещи. Сырость, холод, ветер. Грохот несмолкаемый орудий из Ново-Георгиевска. Так было до рассвета. Со светом пальба прекратилась. Сейчас 2 ч. дня. Мы погрузили вещи в поданные вагоны, и нас, наверно, прицепят к поездам с грузом аэропланов. Штаб ушел еще вчера ночью. Автомобили все уехали, мотоциклисты тоже. Кругом масса беженцев, да и мы можем отнести себя к их числу. Когда-то выберемся из Яблонны? Вчера к вечеру летал аэроплан, но бомбы не бросал. Не дай Бог, если сегодня опять полетит. Взамен этапных лазаретов, для обслуживания нужд армии пришли сюда передвижные. В наше здание поместился дивизионный госпиталь.

Опять и опять эшелоны. Говорят, что Варшаву даром не отдадут германцам, а постоят со всей силой. Идет артиллерия.

6 час. вечера. Из Яблонны уехали. Нас прицепили к грузу аэродрома и увозят.

Первая остановка... Кругом мирные картины жизни. Только по шоссе вдаль тянутся обозы обратно. Дети веселятся беззаветно, а немного дней пройдет, и их дома будут сожжены. Говорят, окопы, на которые было истрачено 100000 рублей при отступлении наших войск, были заняты только на два часа. Везде или измена, или нераспорядительность... В Варшаве будем только вечером.

Интересная встреча. К нам в вагон сел молодой человек, и, как водится, разговорились. Оказался он уполномоченным Красного Креста. И он же заведует питательным пунктом и складом Красного Креста. Уходит он отовсюду последним с поездом, на обязанности которого взрывать железные пути и мосты.

8 июля, среда. Стоим в Малкине. Обстановка почти та же, что и в Яблонне. Идут и туда и сюда военные поезда. Прошел один санитарный поезд с больными, отравленными газами, из-под Вышкова, куда мы были назначены. Варшава еще держится. Ново-Георгиевск обстреливает своей тяжелой батареей.

6 часов вечера. Летал германский аэроплан и бросал бомбы. Одна бомба разорвалась в 20 шагах от меня. Что пришлось пережить – не выразить словами. Когда комья земли взлетели вверх, мы бросились бежать, и я не помню, как очутилась в домике сторожа. Бедные детишки забрались под кровать. Говорят, аэропланы прилетают каждый день утром и вечером. Были случаи смерти от ранений.

9 июля, четверг. Утром опять явился германский аэроплан. Наши санитары начали его обстреливать из германских винтовок, и он успел бросить только одну бомбу, а потом покружился и улетел. Днем было тихо, а вечером посмотрим – прилетит ли? Наши ушли купаться на Буг, а я сижу одна. Назначения нам еще нет.

10 июля, пятница. 6 ч. утра. Мы живы чудом. Ночью прилетал цеппелин и разбросал вокруг массу бомб ужасной силы. Это было в 1 час ночи. Проснулись в ужасе и столпились все сестры вместе – умирать, так всем. Больше переживать у меня нет сил, и сегодня я еду в Петроград или Москву. Главное бессмыслица, что стоим в вагонах без дела.

Масса разрушений и масса жертв. Одна бомба попала в домик путевого сторо-

жа. Погибла вся его семья. Ужасно – раздроблены на части две дочери, два сына, а жены и совсем нет.

11 июля, суббота, 6 часов вечера. Все дальше и дальше от того ужаса, который нас преследовал все последнее время. Здесь совсем не чувствуется войны. Даже санитарных поездов не видно. Чудное лето. Сенокосы на лугах, а дальше лес и лес. Глаз радуется зелени. Солнце сияет и даже жарко. Сегодня Ольгин день, день моего ангела. Немного отдохнем, а там опять туда.

Скоро Петроград.

12 июля, воскресенье. Утром вчера приехали в Петроград, но наши все были на даче. Швейцар пустил нас переночевать в пустой квартире, чем мы с восторгом и воспользовались, а сейчас собираемся ехать в Куоккалу*. Не знаю, долго ли придется там отдохнуть.

8 августа, суббота. Опять Петроград. Почти целый месяц мы прожили в Куоккале и напрасно ждали известий из лазарета. Одно письмо пришло из Чижева, где должны были развернуться, но вскоре пришло и другое известие из газет, что Варшава взята, Малкин и Чижев тоже. Скулец, Лупов, Соколов. Это прорыв к Бресту, где оперируют 7 армий, а севернее напирают на Двинск. Ковно, который считался оплотом, вчера пал и оставлен нашими войсками. Грозит опасность Петрограду. Ясно, что пока идет наступление германцев, наш лазарет будет бездействовать, т.к. мы не имеем средств на передвижение, и поэтому связаны с линией железной дороги. Подвигаемся по Северо-Западной железной дороге, а на нее по всему фронту рвутся германцы.

Ново-Георгиевск падет не сегодня-завтра. Яблонна наша давно занята. Я, как и все русские люди, верю в победу, но когда это будет... Трудное время мы переживаем. Только бы Бог дал силы перенести это испытание.

Сегодня была у Скорбящей и на могиле дяди Антония**.

Из Петрограда начался отъезд. Не знаю, как скоро достану билеты. Пережду это время в Ташкенте.

27 августа, четверг. Ташкент. Удалось уговорить с большим трудом Лилю уехать из Петрограда на том основании, что и Петрограду грозит опасность быть эвакуированным. Поступила она на курсы при гимназии, где сдают на аттестат зрелости. Учится пока и не рвется в лазарет. Лазарет без нас почти не работал за исключением двух-трех дней под <нрзб>, но и оттуда был спешно эвакуирован. Терялись они, отставали друг от друга, словом, пережили походную обстановку со всеми причключениями. Был персонал долгое время в Волковысске***, а вагоны с имуществом

* Ныне поселок Репино в составе С.-Петербурга.

** Антоний (Вадковский) (1846–1912) – земляк и родственник (свояк) отца О.Н. Маллицкой, Н.П. Остроумова. Вадковский и Остроумов были женаты на сестрах Пеньковских. В 1879 году Александр Вадковский овдовел, через три года умерли его дети. После этого Вадковский постригся в монашество с именем Антоний. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский.

*** Ныне г. Волковыск в Белоруссии.

путешествовали неизвестно где. Теперь их поставили в Вязьму. Россия переживает ужасное время. Враг занимает все больше и больше пространства. Сотни тысяч беженцев заполняют центральные и восточные губернии. Их надо прокормить. Исчезает разменная монета, и курс рубля падает.

13 ноября, пятница. Узел, кажется, затягивается больше и больше. Втянута еще Болгария*.

1916 год

7 апреля 1916 г. Великий Четверг. Как не похож этот день на день прошлого года. Дома и занята мирным приготовлением к празднику. Всех отпустила в церковь, а сама села за эту тетрадь. Колокол ударил... Сейчас поют «Разбойника благоразумного»**. И опять на позициях, так же, как и в прошлом году, звучат эти слова и им внимают с умилением те, которых, может быть, завтра уже не будет.

Война ужасна. С тех пор, как я писала, перестала существовать Сербия и Черногория. Болгария втянута в войну, и у нас на этом фронте есть успехи. Наши доблестные войска заняли Армению с Эрзерумом, а сегодня пришло известие, что взяли Трапезунд***. Мобилизация идет за мобилизацией, а сколько из призванных вернется домой? С экономической стороны жизнь тоже стала труднее. Рубль упал до 60 коп., и потому кажется, что всё дорого. Прожила зиму дома и работала опять в Елизаветинском комитете. Лиля готовится на аттестат зрелости. Мы за свою работу на фронте получили золотые медали. Увижу ли я вас, мои сырые герои, или мое пребывание на войне было делом случая и я больше не попаду туда?

1917 год

2 марта 1917. Много воды утекло с тех пор, как в последний раз писала я на этих страницах. Не существует почти Румыния. У нас в Туркестане была пролита кровь – восстали сарты и киргизы и напали на беззащитное население в поселках и отдельных хуторах****. Ужас сплошной пришлось пережить отдаленным семиреченцам... Многие до сих пор не вернулись из плена, а еще больше погибло...

* Болгария вступила в Первую мировую войну 14 октября 1915 г. на стороне Германии, Австро-Венгрии и Турции.

** Песнопение на Утрени Великой Пятницы (совершается накануне вечером в четверг): «Разбойника благоразумнаго во едином часе раеви сподобил еси, Господи, и мене древом крестным просвети и спаси мя».

*** Турецкие города Эрзерум и Трапезунд были взяты русскими войсками под командованием генерала Н.Н. Юденича зимой и весной 1916 г. В результате этих побед был установлен полный контроль русской армии над территорией Западной Армении.

**** Имеется в виду восстание в Семиречье летом 1916 г.

О Кресте. О грехе пьянства

О Кресте

Познавший таинство Креста и Гроба познает и цель, ради которой Бог первоначально привел всё в бытие.

Прп. Максим Исповедник (580–662)

...Первая тайна Креста заключается в бегстве от мира и удалении от близких по плоти, если они препятствуют благочестию и отвечающему этому образу жизни, и в телесном аскетизме... Согласно этой первой тайне Креста, для нас мир и грех распяты, когда мы бежим от сего. Вторая же тайна Креста заключается в распятии себя для мира и страстей, когда они бегут от нас.

Но не смогут, конечно, ни они убежать от нас, ни мы – разумно действовать, если только не будем пребывать в созерцании Бога. <...> Посему это созерцание, распинающее удостоенных его для мира, является <третьей> тайной Креста.

Свт. Григорий Палама (1296–1359)

Нести кресты не есть удел или участь одних только христиан: нет! их несет и христианин, и нехристианин, верующий и неверующий; но только та разность между ними, что одному кресты служат врачевством и средством к наследию Царства небесного, а другому они делаются наказанием, карою и казнью. Для одних время от времени становятся легче, сладостнее и наконец превратятся в венцы вечной славы, а для других становятся тяжелее и горестнее – и наконец все кресты мира сольются в одно величайшее адское бремя... Но отчего же такая разность? Оттого, что один несет их с верою и преданностью к Богу, а другой – с ропотом и хулами.

Свт. Иннокентий Московский (1797–1879)

Нет иного ключа, который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме Креста Христова.

Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

...Хорошо быть у Креста Спасителя, но еще много лучше пострадать за Него на этом Кресте.

Прп. Амвросий Оптинский (1812–1891)

Крест всяко есть скорбь, теснота, уничтожение.... Крестов много, но видов их три: первый вид – кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед и вообще из горькой участи земного пребывания; второй – кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотями ради добродетели; третий – кресты духовно-благодатные, возлагаемые совершенною преданностью в волю Божию.

Свт. Феофан Затворник (1815–1894)

<Крест,> встречая наше вступление в мир, сопровождает нас потом всюду во всё время нашего странствования на земле – до нашего смиренного ложа в земной утробе, над которым в последний раз водружается он во свидетельство веры и надежды усопшего.

Прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1908)

Крест есть символ жизни Божественной – во Святой Троице в небесах, и на земле – в Боговоплощении и распятии. Крест знаменует поэтому не только отдельные состояния, связанные с событиями на путях Боговоплощения, но и само Божественное бытие как вечное жертвоприношение.

Прот. Сергей Булгаков (1871–1944)

...Всякий духовный труд в нас связан (неисследимо для нашего сознания) с крестом. У каждого человека есть свой крест, т.е. свой путь восхождения к Богу, к Царству Божию. Крест не означает непременно страдания, но он неизбежно включает их в себя – эти страдания создаются той коренной расстроенностью всего нашего существа, которая именуется *первородным грехом*, т.е. грехом не индивидуальным, даже не создаваемым условиями физической и социальной наследственности, а вытекающим из свойства природы нашей.

Протопресв. Василий Зеньковский (1881–1962)

...Всякое высшее проявление человеческой природы – в крестообразном простертии. Как скомканный бутон, сжавшись, сидит человек в чреве матери. Растет – и расправляется, как бутон, – распускается. Цветение человеческого вида – прекраснейшее, что есть в человеке, человеческое в человеке, – когда он крестообразно простерт. Это даже внешне-зрительно. Но еще более это таинственно-духовно. Воздеяние рук горе и крестообразное простертие ниц – вот два вида наиболее глубокой молитвы – раскрытия перед Господом и по Господу себя, а посему и богоуподобления. <...> Но более того. Крест – тип не только человека, но и всей вселенной, созерцаемой как единое Целое.

Иерей Павел Флоренский (1882–1937)

Ничего, кроме Креста, мы не проповедуем, и если зовем кого-либо идти с нами, то только на Крест, полагая в этом для себя величайшую несравненную славу. Ког-

да Господь посещает душу, то Крест становится легким, а иногда и неизреченно сладким; когда же благоволит оставить ее на труды и болезни, тогда должны мы быть блаженны упованием на еще большую славу.

Архим. Софроний (Сахаров, 1896–1993)

Сила любви равна способности к крестоношению.

Еп. Иоанн Сан-Францисский (1902–1989)

Крест – это призыв до конца быть собой, осуществить в себе то высокое, абсолютное, что заложено в нас и что мы так часто заглушаем и предаем в себе, из-за страха, лени, половинчатости. И принять Крест – это значит внутренне согласиться на жизнь как на трудное восхождение, как на постоянную борьбу.

Прот. Александр Шлеман (1921–1983)

...Наше время <...> особенно стремится к тому, чтобы искоренить даже и у людей верующих чувство Креста. Если человек болен, значит, еще недостаточно хороша медицина, надо найти врача лучше, еще лучше. Если в нашей стране нет хороших врачей – это причина для гнева и обиды, но в других странах есть. А если еще какие-то болезни сегодня неизлечимы, они будут излечимы завтра. Прогресс обещает как будто устранить Крест из человеческой жизни.

Крест, конечно, устранен не будет. Люди страдают и будут продолжать страдать. То, что нам угрожает, – это потерять правильное расположение сердца по отношению к Кресту: воспринимать тяготу как обиду со стороны других людей, недуги – как ошибки и дурную работу врачей, самую смерть – как медицинскую ошибку. Да не будет с нами этого. Да не согласится человек отдать самое высокое достоинство, ему предоставленное, самую светлую возможность причастности к царственному Кресту Христову.

Сергей Аверинцев (1937–2004)

Мы говорим о слове самого Креста, а слово Креста высказано, когда Он испускает дух и умирает. Это <...> и есть самое красноречивое из всего когда-либо высказанного. Самое красноречивое из всех слов сказано в молчании, когда ты зришь на Него, висящего там, ибо ты ничего произнести не можешь.

Протопресв. Фома Хопко (1939–2015)

О грехе пьянства

Вино – это поджог остывшей страсти; а всякое подложенное в огонь вещество усиливает пламень.

Свт. Григорий Богослов (ок. 325–390)

Пост да уврачует пьянство; псалом – непристойные песни; слезы да будут лекарством от смеха.

Свт. Василий Великий (330–379)

Вино дано для того, чтобы восстанавливать силы слабого тела, а не для того, чтобы разрушать силу души.

Не презирай вина, но презирай пьянство.

Нельзя пьянице видеть Царствия Небесного... И что я говорю: Царствия Небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов. Пьянство дни превращает для нас в ночи, свет во тьму. Пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Пей вина как можно меньше; на сколько убавляется его мера, на столько же оно и благотельно пьющим.

Нил Синайский (ум. в 450 г.)

Бесноватый страдает поневоле и может удостоиться жизни вечной, а пьяный страдает по собственной воле и предан на вечную муку.

Прп. Феодосий Печерский (1009–1074)

Дым отгоняет пчел, а пьянство отгонит и Святого Духа.

Еп. Григорий Белгородский (до сер. XIII в.)

О водка, водка! Сколько зла творится из-за тебя на Руси-матушке! Сколько добра гибнет по твоей милости!

Прав. Иоанн Кронштадтский

Если часто пьешь за чужое здоровье, потеряешь свое.

Свт. Николай Сербский (1880–1956)

Совершенно несерьезны соображения в защиту пьянства с точки зрения «здоровья». ...Скажите по правде, какой работник трудоспособнее – трезвый или пьяный? Опьянение создает иллюзию силы и «тепла». Действительно, пьяному море по колению. Ему кажется, что он стал сильнее. И «согрелся» на холоде. Но пьяный замерзнет скорее трезвого. А устанет – и подавно. <...>

<Но> запрещение <широкой продажи алкоголя> должно иметь в виду не только «здоровье». Оно должно бороться и с самой основой пьянства. С теми внутренними причинами, которые его обуславливают. Пьянство не есть потребность «желудка», это потребность психики.

Прот. Валентин Свенцицкий (1881–1931)

Как люди духовные, борющиеся с грехом и побеждающие грехи, делаются постепенно способными чувствовать сначала духовный мир, а затем видеть Ангелов, точно так же преданные грубым страстям, особенно пьянству и разврату, если не покаются, будут видеть бесов и сделаются их рабами.

Игумен Никон (Воробьев, 1894–1963)

Протоиерей Андрей ТКАЧЁВ

«Что мы можем делать? Преломлять хлеб на корабле»

18 ноября, в рамках проходившей в Ташкенте выставки-форума «Радость слова» (17–22 ноября 2022 года), в конференц-зале Ташкентской епархии прошла встреча с известным богословом и проповедником, протоиереем Андреем Ткачёвым. Ниже мы публикуем отрывок из выступления о. Андрея, касающийся Божественной Литургии и ее истолкования.

Эта беседа первоначально планировалась только со священнослужителями, но то, что здесь присутствуют и прихожане, даже лучше. Нет у нас никаких тайных дисциплин, нет у нас ничего такого, что бы знали священники, но не должны были бы знать обычные верующие, поэтому мне нетрудно будет перестроиться.

Ведь все те святые, которых мы почитаем, это чрезвычайно интересные, и широкие, и глубокие люди, – но ни о ком из них мы не можем сказать, что у него было свое тайное «пятое евангелие» или какой-то свой скрытый, тайный требник, или какие-то свои заклинания и молитвы, о которых не знают все остальные. У Иоанна Кронштадтского было всё, что и у остальных священников: точно такие же молитвенники-служебники, в общем – всё то же самое. Или, скажем, святитель Иоанн Шанхайский, архиерей, который совместил в себе и юродство, и свидетельство, и чудотворство. Никаких тайных служб он не служил, а служил то, что и остальные.

Так что нет у нас ничего тайного, что было бы открыто одним и закрыто от других. У священника есть то же самое, что и у мирянина, только добавляются священническая благодать и особенные обязанности; остальное всё то же. Поэтому то, что ты говоришь священнику, ты можешь говорить и мирянам, и наоборот.

Скажем, преподобный Ефрем Сирийский очень любил побеседовать о Священном Писании и не находил себе собеседника. И от печали об этом шел он, скажем, в Эдессу, и ему навстречу вышла женщина, которая смотрела на него, не отводя глаз, что на Востоке является неприличным, по крайней мере по тем временам. И он спросил ее: «Что смотришь на меня, да еще так нагло, не опуская глаз?». А она говорит: «Я – жена, от мужа взята, на мужа смотрю, а ты муж от земли взят, в землю смотри». Ну вот и получил он собеседника, с кем можно было поговорить о Священном Писании... Одним предложением она дала ему якорь понимания того, что

вроде и так всем известно. Все знают, что жена взята от мужа, а муж взят из земли, но сделать из этого практические выводы может далеко не каждый. Поэтому у каждого можно учиться. Ефрем мог учиться у той женщины, и мы можем учиться друг у друга.

Я хотел бы сегодня поговорить о Евхаристии, о самом вообще-то главном, о том, чем мы живы, чем мы держимся, и даже когда те из нас, кто не с детства верит, не знали о Боге, не искали Его и как-то без Него обходились, что сегодня уже совершенно непонятно... Думаешь иногда, как вообще люди живут без молитвы, без веры, утешения евангельского? Зачем они живут? За что они цепляются, чем утешаются? Ну чем?

Это огромный вопрос, это загадка для сердца верующих людей, хотя, повторюсь, далеко не все веровали с детства. И когда-то они в детстве чем-то жили, чем-то утешались, к чему-то стремились, на что-то надеялись, и Господь Бог вообще отсутствовал в нашей жизни, мы с ним никак не соразмеряли свои жизненные цели. Так вот, и в то время мы тоже жили благодаря Евхаристии, благодаря тому, что где-то, кто-то, *за всех и за вся*, приносил Богу бескровную жертву. И Господь мир хранит благодаря этой вертикальной связи между землей и небом.

Вспомним предпоследнюю главу «Деяний святых апостолов», где описывается путешествие апостола Павла в Рим. Римская держава была авторитарная, но правовая; всё очень жестко, но по закону. И Павел, как римский гражданин, потребовал для себя суда кесаря. И его повезли из этих далей, из Палестины, к кесарю, с серьезной охраной на торговом корабле. Около трехсот душ, огромное судно. Последние главы «Деяний» – это такой судовой журнал, где описывается погода, куда они поплыли, куда приплыли, какие на них налетели ветра, где их носило этими ветрами. Они ведь попали в серьезный переплет, четырнадцать дней корабль, спустив паруса, носился по воле волн в полной тьме, и они отчаялись уже. И вот по истечении четырнадцати дней Павлу было открыто, что на корабле никто не погибнет – ради него, что ему суждено предстать перед кесарем и что ради него все души будут спасены, поэтому пусть никто не тревожится. И он на этом качающемся корабле среди бушующего моря сказал им: мы давно не ели, и вам нужно ободриться и вкусить пищи. При этом он преломил хлеб, вкусил сам и дал тем, кто там был, чтобы они тоже ели и как бы утешились; человек вообще всегда, когда ест, утешается.

Это преломление хлеба Павлом является евхаристической аллюзией – если расшифровать это как метафорическую картину, то Церковь в ней представляется в образе корабля. Центральная мачта корабля – это крест; она крестообразна, и во главе этого корабля мы видим великого капитана Господа Иисуса Христа. И сами церкви строились как бы в виде корабля: центральная часть называется нефом, это *нафтис*, то есть корабль, ну а море – это общепринятая метафора, житейское море, как мы поем, шестая песня шестого гласа, *житейское море воздвигаемое зря напастю бурю, к тихому пристанищу Твоему притек...* В этом море бушующем корабль плывет, и Павел преломляет хлеб.

Через преломление хлеба происходит, как мы помним, и узнавание Христа. Когда в Евангелии от Луки говорится про двух спутников на узкой дороге, Луку и

Клеопу, то там как раз прямым текстом сказано, что Христос познался ими в преломлении хлеба. Они разговаривали с Ним, они слышали голос Его, Он толковал им писание, рассказывал о всем том, что содержится о Нем в книгах Старого Завета. Но они узнали Его только после того, как он с ними преломил хлеб.

Евреи, когда преломляют хлеб, произносят специальную молитву; она небольшая и звучит в переводе так: «Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь вселенной, произрастивший хлеб из земли». Затем старший мужчина преломляет хлеб, и после этого считается, что вся пища на столе освященная. То есть там могут быть и овощи, и рыба, и мясо, и напитки, и то, и то... И всё это благословляется после произнесения молитвы: разломлен хлеб, царь всей пищи. Павел тоже наверняка что-то такое произнес, когда ломал хлеб; фарисейское воспитание никуда от него не делось. И вот, то, что мы плывем, волны бьют о борта, а Павел преломляет хлеб, – это образ того, чем мы должны заниматься.

Ну как иначе мы можем влиять на окружающую нас жизнь? Мы понимаем ограниченность наших средств, что это крайне сложно, каждому человеку втолковывать, что будет Страшный суд и что после смерти жизнь продолжается, и что надо бояться греха... А что мы можем сделать? Преломлять хлеб на корабле. Церковь живет, море бушует, а мы совершаем Евхаристию. Да, пока мы с вами здесь сидим, время близится к полудню, а где-то уже ранее утро и кто-то готовится к ранней литургии... Литургия на нашем крутящемся шарике совершается постоянно. Одна часть планеты засыпает, другая просыпается; на одной части Земли читаются вечерние молитвы, на другой читают утренние... Потому что Церковь совершает свои молитвенные служения по мере разворачивания этого «шарика» к Солнцу или от Солнца. Если бы царь Давид летал на самолете, он сочинил бы совершенно уникальный псалом, ведь его картина мироздания была бы дополнена зрелищем, которое он не видел. А если бы он слетал в космос или увидел фотографию Земли из космоса, то, думаю, этот наш дом во Вселенной был бы воспет еще какими-нибудь прекрасными пророческими стихами.

Значит, нам надо совершать Литургию друг за друга, один за другого, *за всех и за вся*. Это, кстати, очень важно, когда православные христиане живут в иноязычной и инокультурной среде. Когда ты совершаешь Литургию, например, в Рязани или Смоленске и говоришь слова *за всех и за вся*, то подразумеваешь всех этих смолян и рязанцев, в основном православных, которые вокруг тебя. А когда ты находишься в Бангкоке или в Пекине, или в Ташкенте, или в Душанбе, то в это *за всех и за вся* попадают и все те, кто, в общем-то, и не в храме и не молятся. А за них тоже совершается Евхаристия, поскольку она буквально – *за всех и за вся*.

И чтобы любить ее горячим сердцем, среди всего прочего, нужно, конечно, еще читать Библию. Алексей Степанович Хомяков говорил, что христианство понимает тот, кто понимает Литургию*. То есть без понимания Литургии человек не понимает, кто Христос, зачем Он пришел, что Он нам оставил и что будет потом. Литургия постепенно снимает перед человеком все пелены, одну за другой.

Один батюшка, имя которого я не помню, сказал, что для того, чтобы пони-

* Мысль из трактата «Церковь одна» русского философа и богослова А.С. Хомякова (1804–1860): «Только тот понимает Церковь, кто понимает Литургию». (Здесь и ниже все прим. – ВС.)

мать Литургию, нужно читать Священное писание. Потому что хвала, благодарение, хлеб, вино – всё это есть и в Ветхом Завете. Но нашим общим, я бы сказал, историческим минусом является слабое внимание к книгам Ветхого Завета. А оно совершенно необходимо, особенно священнослужителям.

Например, облачаясь, мы все читаем молитвы. Надеваем стихарь, читаем: *Возрадуется душа моя о Господе, облечё бо мя в ризу спасения...* Это вы все знаете. Но вот откуда это? Это 61-я глава Книги пророка Исаии, которая знаменательна, по крайней мере, тем, что именно эту главу Христос раскрыл, когда произнес свою первую проповедь в назаретской синагоге. Ему дали книгу, он как чтец раскрыл книгу и нашел там главу и прочел: *Дух Господень на мне...** И в этой же главе – вот эти слова, которые мы читаем перед надеванием стихаря: *Возрадуется душа моя о Господе...* Если к этому отнестись сознательно, это совершенно ошеломительный текст. Который впервые прозвучал как проповедь в устах Господа Иисуса Христа, это была Его первая реальная общественная проповедь.

И далее, допустим, надевая поручи, говорим: *Десница твоя, Господи, прославися в крепости...* Если поинтересоваться, откуда это, ты попадаешь на песню Моисея** и погружаешься в те события, когда евреи только вышли из Чермного моря, а обернувшись, ужаснулись зрелищем погибшего фараонова войска, и Мариам запела, и родилась первая общебиблейская песнь; до этого песней так таковых в библейском каноне не было. И мы, надевая на правую руку эту часть служебного облачения, по сути, связываемся с тем временем, когда Господь совершал через Моисея совершенно ошеломительные вещи. Тогда как левая рука у нас связана с Давидом: *Руце Твои сотвориште мя...****

И если находиться в понимании того, что читаешь и что надеваешь, то за эти пять минут ты как бы включаешься в самые огненные тексты Священного писания. Если ты не знаешь, где они находятся и о чем они говорят, ты себя обедняешь. Потому что именно это и есть подготовка к причастию, это уже есть желание взойти к алтарю. Эти слова уже одевают тебя в броню силы, облачают тебя в благодать. Ты должен желать благодати в служении, и облачение содержит видимые знаки ее: стихарь, поручи и епитрахиль как некое священное ярмо. И в этом моменте приближения, еще *только* приближения к алтарю, мы уже погружаемся в Священное писание. И от того, насколько мы его знаем и любим, зависит мера нашей сердечности в отношении ко всему происходящему на Литургии.

Или возьмем такие, казалось бы, простейшие продукты, как хлеб и вино. Хотя это у нас они простейшие, а где-нибудь в Якутии, где хлеб не растет и виноград не выращивается и его не дают, с этим не так всё просто... Что же такое хлеб и вино? Это жертва Мелхиседека; это Мелхиседек первый, кто взял вино и хлеб вместе и вынес их как жертву, когда он встречал Авраама после битвы с содомскими князьями****. Мелхиседек всего два раза появляется в Священном писании. Первый раз, так сказать, фактически, а второй раз – теологически: вышел, благословил, причем Авраам принял благословение, и это означает, как пишется в Послании к

* Лк. 4, 18.

** Исх. 15, 6.

*** Пс. 118, 73.

**** Быт. 14, 18.

Евреям, что Мелхиседек выше Авраама. А кто выше Авраама? Только Бог Авраама. Значит, Он благословил его, и Авраам смирился перед ним. И поскольку в чреслах Авраама были все – все дети Иакова и все колена Израиля, и Давид, и Соломон – все они были в нем, то и все они поклонились Мелхиседеку*.

А кто же он такой? А он, без отца и матери, без числа лет, появился из ниоткуда и ушел в никуда. Подобно Сыну Божию, он пребывает священником вовеки. И если я буду помнить, приступая к алтарю, что – вот хлеб, вот вино – это еще и Мелхиседековы дары, то это даст мне углубление отношения к службе, и я буду ощущать себя в этом библейском потоке... Потом, вы помните, Мелхиседек упоминается еще в 109-м псалме: *Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека*. Это такой мессианский псалом, очень короткий, про будущего Мессию. Это нужно помнить, это «заквашивает» нас такими «длинными», вечными смыслами.

Или слова «Твоя от твоих»... Что значит этот возглас на Святом Возношении: *Твоя от твоих Тебе приносяще о всех и за вся?* Это удивительно трогательная история патриарха Иакова, который на старости лет пришел в Египет, а там был Иосиф, которого он уже давно оплакал как мертвого. Оказалось, что Иосиф жив!..

Вообще, все, что касается Иосифа, это вообще как будто про Христа. У Иосифа было двенадцать братьев, которые, по сути, убили его... Да, они оставили его в живых, но за деньги продали в рабство. И, по сути, убили отца – принесли старику измазанную кровью одежду и сказали: сын твой умер... Ведь старик, взяв окровавленную одежду любимого сына, мог тут же умереть. То есть то, что они сделали с Иосифом, как бы предвещает то, что потом народ богоизбранный сделает с Сыном Божиим...

Наверняка ведь у вас возникает вопрос, почему евреи в общей своей массе до сих пор не уверовали во Христа, почему они такие «упертые»? Почему Мессия приходит, но они его не признают, почему ждут другого? Это ведь самая «нервная» нить всей истории. Это главная тема, тема будущего. Того, кого они ждут и кому поклонятся. Это тема «другого», тема двойника. Это ведь главная тема и русской истории: «царь не настоящий!». Все бунты в истории России проходили под этим лозунгом. Лжедмитрий Первый, Лжедмитрий Второй, Лжепётр Третий – Емельян Пугачёв... Эта тема «ложного царя» – тема мессианская. То же и у евреев. Почему не признали Христа? Они ведь умнее всех, древнее всех в своих, так сказать, личных отношениях с Создателем... Откуда эта упертость, это ожидание другого? Это – самая жгучая тайна истории, в которой мы все живем.

И вот, в Книге Бытия говорится о том, как Иосиф их, своих братьев, узнает. Иосиф уже во славе, второй человек после фараона... А они его не узнают. Как потом это будет и со Христом. Он их видит, он их знает. А они со страхом просят у него хлеба – и не узнают его. Он их любит, он их простил. Он еле сдерживается, чтобы не разрыдаться прямо при них, и убегает в тайные комнаты для того, чтобы наплакаться там наедине... Потом переодевается, крашивается – они все крашенные были, эти вельможи, – и выходит к ним. Они снова не узнают его, и тогда он говорит: «Я Иосиф, брат ваш!». И тогда уже они с рыданием бросаются к нему на плечи, на грудь...

* Евр. 7, 1–9.

И когда Иаков видит своего сына, и Иосиф приводит к нему своих сыновей, рожденных в земле египетской, Ефрема и Манассию, Иаков говорит: я и тебя не чаял увидеть, думал, что со скорбью сойду в преисподнюю, а Бог дал мне видеть твоих сыновей... И он «зачисляет» Ефрема и Манассию себе в сыновья, в колена Израилевы. И Иосиф подводит их под благословение. Под правую руку – старшего, Манассию, под левую – Ефрема. Чтобы Иаков, возложив на них руки, помолился за них. А Иаков, наоборот, кладет левую руку на Манассию, а правую – на Ефрема. Иосиф говорит ему: нет, папа, вот – старший, а вот – младший... А Иаков говорит: я знаю... И опять скрещивает руки. Потому что младший будет больше старшего. И он благословляет их скрещенными руками – так же, как и мы на Литургии берем, скрестив руки, дискос и потир.

И, конечно, это еще и крест, ибо *приидет Крестом радость всему миру*. Мы ведь и к причастию тоже так идем. И в гробу будем лежать так же, с крестообразно сложенными руками. Руки будут раскрыты... Потому что, в отличие от новорожденного младенца, у которого руки зажаты в кулачки (мол, сейчас я вам всем покажу, вы еще не знаете, кто родился!), когда человек умирает, он умирает в бессилии. В бессилии перед планами Божиими. Это последнее крестное знамение – это перекрещивание Иаковлевых рук.

Этот порядок облачения; эта проскомидия, которая возвращает нас к пещере Рождества, к Вифлеемской звезде... Эти Мелхиседековы дары, Иаковлевы руки, эти херувимские и серафимские славословия: *Свят, свят, свят, Господь Саваоф!* из видения Исаии*... Так, служа Божественную литургию, мы как бы занываем в Библию – но не как в Книгу, а как в море. И, как рыбы, начинаем плавать в этом море, и без него, по сути, не можем больше и жить.

* Ис. 6, 3.

Мужчины в храме – где они?

*И*так желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.

Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим 2:8-15).

Слова апостола Павла четко распределяют роли, расставляют приоритеты, определяют цели и задачи семейного служения Богу. Мужчина должен выступать в роли священника в домашней церкви, жена же выполняет роль ее хранительницы. Все понятно. Остается только действовать.

Только в действительности мы видим совершенно противоположную картину, к которой, однако, как-то даже привыкли. Женщины в Церкви представляют собой абсолютное большинство прихожан. Ввиду отсутствия учащих мужчин, женщины в Церкви берут на себя задачи учительства: преподают в воскресных школах, консультируют в свечных лавках, профессионально занимаются катехизацией на приходах. Да и в семейных отношениях чаще «за Церковь» отвечает именно жена...

Именно по этому поводу хотелось бы порассуждать – причем не столько с богословских позиций, сколько с доводов материалистичных. Не думаю, что погрешу с таким подходом, поскольку Господь создал человека в том числе и как существо материальное, что стало отличать его от бесплотных ангелов (см. Евр. 1). И материя, собственно, появилась исключительно по воле Божией и была благословлена Всевышним: *И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой* (Быт. 1,31).

Если б не война?

Почему мужчин в храмах гораздо меньше, чем женщин, я начал задумываться еще в начале своего церковного «стажа». Сам я был свидетелем появления, возрастания и угасания моды на религиозность еще с начала 90-х годов. Довелось мне видеть битком набитые храмы, когда всю Литургию можно было простоять на одной ноге, ибо толпа вокруг не давала тебе упасть. Видел, как в храмах появлялось больше свободного места на воскресных службах. Вступил я в служение в священном сане тогда, когда установилось относительное динамическое равновесие: число уходящих из храма приблизительно равнялось числу только входящих в Церковь. И на всех этих этапах мужчин на богослужениях стояло не более 20 процентов от общего числа прихожан.

Заслуженный алтарник Ташкентской и Среднеазиатской епархии, впоследствии – иеромонах Варфоломей, а тогда еще просто – Алексей Петрович Гречушкин, наставник практически всех новопоставленных священнослужителей епархии 90-х, нулевых и начала 10-х годов, объяснял это следующим образом. Он говорил, что его родители видели равное число женщин и мужчин в церкви еще в тридцатые годы. Позже началась война, унесшая десятки миллионов жизней. Именно во время войны и уже после нее в храмах стал отчетливо чувствоваться «гендерный» перекосяк.

Но война давно уже прошла, а перекосяк остался. Значит, что-то еще не позволяет зайти православному крещеному мужчине в храм. На мой взгляд, отталкивают его чисто психологические причины.

Статичность богослужения?

Эту причину я бы отнес к перечню значительных причин. Люди должны стоять в течение нескольких часов практически в одной позе и на одном месте, что мало соответствует подвижной мужской натуре. Мужчина, как правило, имеет более деятельное активное начало. Для женщины отстоять в храме, даже с ребенком на руках, несколько часов и при этом не закиснуть от скуки, не составляет особой проблемы. Для мужчины – это мука. И если мужчине в Церкви дают проявить активность, он ее проявляет во всей полноте. С какой охотой мужчины идут алтарничать – ведь в алтаре можно двигаться! Как плодотворно трудятся мужчины в храмовом хозяйстве! С каким рвением обеспечивают безопасность богослужения и с какой готовностью участвуют в крестных ходах!

Вспоминается занимательный разговор в одном из храмов Киргизстана. Начало нулевых годов, воскресное утро. Храм в Прииссыккулье, где с конца позапрошлого века селились семиреченские казаки. Идет Литургия. Казаки в форме стоят около храма, мирно ведут разговоры, грызут семечки, грозно поглядывают, высматривая нарушителей порядка. Кто-то уже с утра приложился к бутылке с самогонкой и с веселым блеском в глазах растолковывает товарищам «за жизнь». Священник подходит к казачьей братии и спрашивает, православные ли они. Казаки с недоумением и обидой отвечают, что они самые что ни на есть православ-

ные. Далее батюшка задает вопрос: если они православные, то почему не стоят на службе?

Тут же взоры стыдливо отводятся... Тот, кто под хмельком, а потому более раскован, высказывает мысль, которая, может быть, неосознанно, сидит в головах всей форменной братии:

– Бать, ты знаешь, нам легче сто раз умереть за Церковь, чем один раз зайти в нее...

Немая сцена. Колыхание рясы уходящего в алтарь священника, махнувшего на все это рукой. Занавес.

Не к осуждению, а к рассуждению.

Недоступность смыслов?

Второе препятствие к выравниванию «гендерного баланса» в храме зиждется на неясности читаемого и поемого в нем. Понятно, что человек сам должен потрудиться для уяснения тех смыслов. Но для начала он должен быть хотя бы мотивирован к этому. Бесплезно осуждать захожанина, заглянувшего в храм, что он, дескать, не хочет потрудиться для собственного спасения. Он просто не знает, от чего ему нужно спасаться, для чего трудиться и почему ну никак нельзя молиться на понятном языке. Обвинитель скорее добьется того, что мужичок покрутит пальцем у виска и больше никогда не придет «в эту богадельню». А в это время его встречают сектанты, которые доступно рассказывают о Христе и предлагают помолиться на обычном, пусть и не высокопарно-красивом, но понятном языке.

Мужское сознание более линейно: окружающие явления и события должны быть разложены по смысловым полочкам, чтобы их опознать, понять, классифицировать и, наконец, приспособить к своим нуждам. Когда же не просто неясен смысл происходящего, но еще и присутствует табу на такое привычное разложение всего по полочкам, сознание среднестатистического мужчины протестует, что выливается иногда в конфликты, а чаще – в потерю интереса к богослужениям.

Те из мужчин, у кого не так развиты эти особенности или кто научился сопротивляться внутреннему протесту, и составляют сегодня мужскую часть православных приходов.

Для женщин же в храме более важны чувства, настрой, атмосфера. Все это с избытком дает православное богослужение с его монотонным, умиротворяющим чтением и душевными напевами. И попытки иных мужчин «опошлить» эту красоту требованием осмысления встречают волну негодования женского большинства. Со временем такое положение вещей формализуется, входя в статус священной традиции, где церковнославянский язык становится «неприкосновенным» и единственно возможным для молитвы.

А мужчин в храме так и остается: раз, два – и обчелся.

По собственному опыту знаю, что можно немного улучшить эту пропорцию, если богослужение более интенсивно «разбавлять» понятными, не затянутыми проповедями, затрагивающими текущие потребности жизни. Тем более что богос-

лужебный Устав позволяет вставлять проповеди на вечерних богослужениях до шести раз, на Литургии – до трех раз.

Нехватка «конструктивной агрессии»?

Третьей причиной отторжения мужчин от храмового пространства является одна природная черта, присущая больше животному началу в мужской природе: агрессивность и стремление выплеснуть свою агрессию. Как бы ни хотелось дистанцироваться от этой «обезьяньей», порожденной грехопадением прародителей черты мужского естества, она в той или иной степени присутствует в нашей жизни. Почти каждый мужчина в душе боец. И этому бойцу обязательно нужно поле боя. Иначе жизнь становится блеклой, скучной, потерявшей краски.

Агрессия может носить как деструктивный, разрушительный характер, так и вполне конструктивный, созидательный. Все зависит от того, как сначала родители в воспитании ребенка, а потом и он сам, во взрослом возрасте, определит для себя вектор этой агрессии. Любому разумному родителю известно, что если ребенок гиперактивный и агрессивный, то его излишнюю энергию можно направить в спорт, где он может достичь больших результатов. Так же и с мужчинами – потоки природной агрессии должны быть направлены в правильное русло.

До революции Церковь, учитывая реалии того времени, с практически непрерывными военными действиями России, благословляла мужчин на ратный подвиг. Православные капелланы всегда присутствовали на передовой. Значительная часть богослужений была посвящена молебствиям о победе нашего оружия. После революции Церковь была вытеснена из общественной и политической жизни, и военная риторика, за редким исключением (например, во время Великой Отечественной войны), запрещалась.

Изучение катехизаторского опыта Церкви показывает: там, где на приходах обустроены спортивные площадки, действуют военно-патриотические клубы, секции единоборств, где священник ведет проповедь о борьбе с врагами, причем неважно какими – видимыми или невидимыми, там количество мужчин резко возрастает.

Давайте вспомним личность с неоднозначной репутацией – бывшего схиигумена Сергия (Романова). Его выступления порой носили совершенно бредовый характер. Вспомним хотя бы его проповеди, где он вещал о «мировом заговоре» и тайных действиях «мирового правительства» в России... И тем не менее, его призывы «всюду – враги!» и «будь готов к бою!» привлекли к нему массу почитателей-мужчин. Постоянная агрессивная «накачка» без реальных боев и стычек стала привлекательным фактором, позволившим пополнить едва ли не большую часть паствы Среднеуральского монастыря мужчинами. При захвате монастыря ОМОНом все «бойцы» в одночасье «слились». Но как нравилось им до этого чувствовать свою силу, сплоченность, ощущать себя защитниками справедливости под жестким взором Романова.

Недавно в соцсетях прошел ролик, где прозвучало интервью с пленным бойцом-«азовцем» из Западной Украины. Он не скрывал, что вошел в полк «Азов»,

став язычником-родновером. Признался, что ранее был православным и рос в православной семье. На вопрос, почему перешел в язычество, честно ответил, что христианство – слишком мягкая религия, где нет места проявлению силы (передаю в вольном пересказе).

Думается, Церковь должна учитывать и этот естественный фактор в психологии мужчины, когда нерастраченная агрессия может быть направлена по созидательному пути. Например, на социальную работу, в активную миссию и катехизацию, что уже можно будет назвать полноценным служением Богу.

Влияние феминизации?

Впрочем, не обязательно смотреть на язычество. Обратимся к исламу: сами мусульманские мечети изначально предназначены исключительно для мужчин. Сегодня лишь в особых случаях в мечетях выделяют специальные женские места или же строят для женщин отдельные молельные комнаты. Не удивительно, что верующие-мужчины традиционно преобладают: мечеть – их законная территория.

В православных же храмах любые попытки расставить мужчин и женщин «по канону» чаще всего заканчиваются провалом. Полупустующая «мужская» – правая сторона храма – очень быстро заполняется нашими сестрами с переполненной левой, «женской» стороны. Природа не терпит пустоты.

В эпоху «старинной глубокой» в семье за воспитание подростков детей, особенно мальчиков, отвечал отец. Семьи были многодетными, и мать охотно уступала ему эту роль, поскольку ей надо было заниматься очередным грудничком, а на старших уже не хватало сил.

Сегодня же весь «воспитательный цикл» чаще всего – забота женщин. И не только в семьях. В школах также редко можно найти больше двух-трех сотрудников-мужчин: спившихся военрука и трудовика, ну еще, может быть, физрука (возможно, даже трезвого).

Каков вывод?

Гендерный перекос в системе воспитания и образования должен быть устранен. И да поможет нам Господь, чтобы все мы, *во Христа крестившиеся, во Христа облеклись*. Чтобы наполнились полновесным содержанием слова апостола Павла о жизни в Христовой Церкви, где *нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 27-28).

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

«Одиноким голос человека».

Я сейчас совсем не про фильм** – просто мне название нравится.

Я вслушиваюсь в одинокий голос человека – того, того, того, вон того.

Одиноким, звучащим не в хоре (пусть даже и сочувствующий тем или иным, – но как-то так звучащий, что в «хор» его никак не впишешь, потому ему изрядно и достаётся укоризн, как с той стороны, так и с другой)...

Этот голос – не из тех голосов, которые непременно хотят звучать «не как все», выёживаются, из кожи вон лезут, – нет, не то, как раз эти-то голоса «одинокими» никак не назовешь... Фальшь ведь все равно слышно, ее узнаешь, особенно ту, которую говорящий сам искренне не осознает, глубинную.

И одинокий голос человека – тоже узнаешь. Он подлинный, какими бы словами ни говорил, красивыми, корявыми, горькими, утешающими, язвочными (всегда – есть в них и вера, и болючая совесть, и нередко потоптанная и покоренная, но надежда, и слезы и сострадание, но и милосердие, глубинное нежелание убивать и добивать, и честный ум). Не нарочито подлинный этот голос, а – так получилось, такой человек получился. Спасибо, что ты есть, ты, и ты, и еще ты и ты, *такой* человек. Без тебя мне лично было бы вовсе хреноватенько.

В последнее время я постоянно слышу – там, там, сям, даже вон там – такие одинокие голоса человеков. Да в том же даже хоть и Фейсбуке. Просто вертя ленту. Этих голосов много. Христос воскрес.

Вот и Светлая к концу подошла.

Просыпаюсь рано.

Слушаю птичку за окном – каждое утро она тоненько и мелодично повторяет важное: «Пи... Тер-пи, тер-пи, тер-пи...».

Господи, будь также и со всеми теми, кто просыпается не от птички, а от взры-

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–4 (LV–LVIII), 2021; 1–3 (LIX–LX), 2022. (Примечания ВС.)

** Имеется в виду фильм режиссера Александра Сокурова (1978, вышел на экраны в 1987 году).

вов и сирен, от болей, от тревоги и тоски, кто вообще не спит и встречает утро в мороке бессонницы...

Будь со всеми нами, Ты можешь.

«Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть»*. – «Да-да, Господи, мы смотрим по телевизору и не ужасаемся, у нас мозоль, да и надлежит тому быть, так их!..» – И тут ужасается уже Господь: да разве Я про это говорил?! Но нет, дальше Его слушать не хотят..

Где-то у Вен. Ерофеева в записных книжках есть фраза (цитирую не дословно): «На мужчину, собирающего цветы, в деревне смотрят с подозрением».

Примерно такие же мысли бывают иногда: на священника, напоминающего про Евангелие и Христовы заповеди, на приходе смотрят с подозрением.

Альберт Шпеер, «Шпандау: тайный дневник»**.

Вот он пишет, как в камере перечитывает Гёте:

«Приветливое, до странности «буржуазное» звучание гексаметра, уют, скромность и удивительное тепло этого мира трогают меня, отчасти потому что это мой мир – но еще и потому, что он являет собой полную противоположность чрезмерному, бесчеловечно грандиозному миру Гитлера, в котором я сбился с пути. Или все-таки я не до конца потерял себя?».

Отношения Шпеера с Гитлером – конечно, на них обращаешь внимание как бы в первую очередь; приходят на ум отношения к токсичным бывшим после развода и о том, что муж и жена – одна сатана и остаются ими и после разрыва...

Но потом отодвигаю этого пресловутого Гитлера, и приходит мне в голову и другое, пострашнее. Насколько все эти дневники на самом деле «тайные» – сами знаете, это вековечный вопрос. Сидел бы я этак-то 20 лет и имел бы возможность писать – хотел бы, чтобы написанное прочли? Еще как бы хотел. Сочинял бы вовсю, играл виртуозный спектакль на бумаге, благо талантом к сему не обижен... Но – перед КЕМ? Перед судьями? Перед победителями, вытащившими за ушко да на солнышко? Перед тенью Гитлера? Перед так наз. «потомками» или, как там оно говорится, «историей»?..

Нет.

Перед самим собой.

Всё это, искреннее, психологически достоверное, отчаянное – и признание вины, и про «коллективную ответственность», и про якобы роковое «неслышание» и «непонимание» про геноцид евреев, про всякую там клишированную «зачарованность злом» и «горькие прозрения» – всё играю я перед самим собой для самого себя, искренне сам себя уверяю во всем этом и искренне верю сам себе.

Как в пелевинском «СНАФФе»***, точненьком портрете нашей с вами современ-

* Мт. 24. 6.

** Альберт Шпеер (Speer; 1905–1981) – личный архитектор Гитлера, рейхсминистр вооружения и военного производства (1942–1945), был приговорен в 1946 г. к 20 годам тюремного заключения, которое отбыл в западно-берлинской тюрьме Шпандау; в 1975 году опубликовал книгу «Шпандау: Тайный дневник».

*** «S.N.U.F.F.» – роман Виктора Пелевина, опубликованный в 2011 г.

ности, Кая говорит Дамилоле: я ведь просто кукла, а все, что между нами происходит – это ты сам, ты устраиваешь страсть, ненависть, ревность, мечты, умопомрачительную игру – в пустоте с самым любимым собой...

Страшная пустота одиночества. Не ситуативного или там поэтического, – метафизического, бытийного. Страшная попытка во что бы то ни стало спасти «свой мир», то, что любишь, от которой все, что любишь, превращается в яд. Спасение только в одном – отпустить хлеб твой по водам, не просто для того, чтобы, как сказано, «по прошествии дней снова обрести его», но для того, чтобы этот «хлеб» не убил тебя и тех, кто вокруг тебя.

Чтобы выйти из этого смертельного одиночества, нужен – *другой*. И такой другой, который посильнее меня.

А такого еще пойдя найди.

Нужен – Другой.

То есть без Христа мне – никак, только смерть.

Собственно, Герхард Терстеген* не сообщает ничего необычайного, сенсационно неслыханного. Те, кто воспитан в православной традиции, тоже читали и слышали про всё это. Например, о трех рождениях чад Божиих (то есть христиан): первое – от матери в сей мир, второе – от Духа, третье – смертью в дальнейшую жизнь со Христом.

Только в воскресных школах мы наизусть учили, что вот это «второе рождение от Духа» и есть таинство крещения, над нами чинопоследованно совершенное. А ведь на деле это бывает совсем не так, само по себе крещение вовсе не всегда рождает христианина, увы. И ох как бывает неохота это признавать.

Дьявол – лжец искони. Отравляет людей симулякрами, отвлекает от Бога, от Христа. Сколько таких симулякров им создано: КПСС вместо Церкви, коллективизм вместо *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе***, и так далее, и тому подобное.

Сейчас отравляет – страхом, который в нас перед лицом войны, потерь, болезней, одиночества, неудач... Измотанные всем этим, люди кричат: «Мы устали бояться!» – и даже думать не хотят о том, почему «страх Божий» – нечто совсем, совсем иное, и про страх Господень сказано, что он – начало премудрости... Любое прикосновение к израненному, истерзанному, хотя бы и прикосновение Врача – очень болезненно, вызывает протест и муку, и вот как Врачу подступиться.

Что в Библии всякий вычитывает свое, и так оно и должно быть, ведь все люди разные, – про то давно известно. Потому, собственно, двое, спорящие насчет значения тех или иных мест в Писании, спорят не столько о Духе, сколько о себе самих. Ну, это понятно. Как и то, что Дух, принимая и не обесценивая их различия, тем временем молчком меж ними действует, пытаясь дать им и еще что-то важное, поверх этого их «своего», и невероятным образом преуспевает в этом.

Ну, или не преуспевает.

* Герхард Терстеген (Tersteegen, 1697–1769) – немецкий протестантский мистик, проповедник и поэт. Главным в его богословии было учение о живом опыте присутствия Бога в душе (Gottes Gegenwart).

** Пс. 132, 1.

«Мэри Поппинс достала из сумки большую бутылку с ярлыком: “Принимать по чайной ложке перед сном!”

– Это ваше лекарство? – спросил Майкл встревоженно.

– Нет, твое, – сказала Мэри Поппинс, сунув ему ложку под самый нос.

Майкл, как он ни был ошеломлен, сморщился и начал протестовать:

– Я не хочу! Мне не нужно! Я не буду!

Но Мэри Поппинс не сводила с него взгляда, и вдруг Майкл почувствовал, что невозможно смотреть на Мэри Поппинс и не слушаться. Было в ней что-то странное и необыкновенное, от чего делалось и страшно, и весело!

Ложка придвинулась еще ближе. Майкл сделал глубокий вздох, закрыл глаза и глотнул.

Блаженная улыбка расплылась по всей его мордашке. Восхитительно! Он проглотил лекарство и чмокнул языком.

– Клубничное мороженое! – сказал он в восторге. – Вот это да! Еще, еще, еще!

Но Мэри Поппинс все с тем же строгим выражением уже наливала новую порцию – для Джейн. Серебристая желтовато-зеленая жидкость наполнила ложку.

Джейн снадобье тоже понравилось.

– Лимонный сок с сахаром, – сказала она и облизала губы. Но, увидев, что Мэри Поппинс направляется с бутылкой к Близнецам, она попыталась ее остановить: – Пожалуйста, не надо! Они еще маленькие! Им это вредно!

Однако на Мэри Поппинс это не произвело ни малейшего впечатления. Бросив предостерегающий, свирепый взгляд на Джейн, она поднесла ложку к губам Джона.

Он с жадностью проглотил питье, пролив несколько капель на свой нагрудник, и Джейн и Майкл увидели, что на этот раз в ложке было молоко. Потом получила свою порцию Барбара; она почмокала губами и облизала ложку два раза.

А затем Мэри Поппинс налила новую дозу и торжественно приняла ее сама.

– Пунш с ромом, – сказала она, причмокнув, и заткнула бутылку пробкой.

Ну, а Терстеген пишет про все это проще, но тоже верно:

«Кого Дух Божий хочет обличить, тот во всех изречениях Писания увидит обличение. Кого Он хочет утешить, тот на каждой странице Библии найдет утешение. Кто кается, тому всё в Писании проповедует покаяние. Кто не вышел из-под Закона, тому и Евангелие является законом; и кто под благодатью Нового Завета, тот и у Моисея обрящет Евангелие»*.

Дальше он сравнивает Писание, слово, данное верующему Духом, с дарованием манны в пустыне; в связи с этим думаю о запрете на собирание и консервирование манны: завтра ты будешь другим, и то, что законсервировал, присвоил «навсегда» сегодня, завтра – тебе уже не подойдет, а надо будет – новое; не останавливаться, выше и дальше.

Подумалось мимолётом.

Ахматова констатирует достаточно известный факт:

* Из трактата Г. Терстегена «Руководство к истинному разумению и душеполезному применению Священного Писания».

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Что в них, в этих стихах? Из века в век говорят, в первую очередь, сами стихописцы: больному, может, дадут на две минуты отвлечься от боли, но болезни не вылечат. Войну остановить не могут. Голодного ими не накормишь. Умершего сына матери не вернешь. И так далее. Но болезнь, война, голод, смерть – так или сяк, но закончатся и не раз заканчивались, а эти одуванчики, смотри, вот они. Они живы. Они – живые. Вот в чем их сила, не спасающая сиюминутно ни от чего, но составляющая саму жизнь. Вот и ничто нечистое в Царство Божие не войдет, а жизнь – войдет, уже вошла.

Вполне христианское стихотворение.

Вот это всё, болезнь, война, голод, смерть – это и есть «сор», из которого – не «растут» стихи, то есть не имеют сор своим питанием и почвой, можно ведь и так прочесть, а – среди которого растут, сквозь который, вопреки. Когда б вы знали, сквозь какой сор, смертельный, тяжелый, весомый, давящий своей необходимостью и неотменимостью, выросли, проросли стихи. Мы живы, живы мы.

Когда умирает человек, который, так или иначе, занимал какое-то место в моей жизни и в моей картине мира, то чувствую как бы дыру, сквозь которую – сквозняк, нездешний ветер; и сразу начинаю вспоминать о нем, а если не был знаком лично – то вспоминать то, что он оставил (если писал стихи – то его стихи), словно бы стараясь лихорадочно эту дыру всем этим залепить, как-то спасти эту свою картину мира от напоров ветра.

Но ветер все равно проникает, он есть.

Нередко мне (и, знаю, многим священникам) делают замечания, что «разве можно молиться о» – далее из списка (упомяну пока что только усопших): атеисте, некрещёном, инославном, неотпетом, грешнике такого страшного вида, этакое ужасного вида, и так далее.

Думается, надо мне тут уточнить кое-что, конкретно о себе самом.

Поминая в молитве кого-то, то есть таким или иным образом значимого для меня человека (если меня кто-то попросил помянуть незнакомого для меня человека – это тоже для меня значимо, ведь просто так таких вещей не бывает, значит, Господь так устроил), я – а) произношу не магическую сакральноформулу, которая сама по себе воздействует на механизмы жизни и смерти, б) не диктую Богу, как именно надо поступить с этим человеком, и в) нисколько не надеюсь на эту свою молитву, на свои усилия (знаете, есть такое выражение «сильный молитвенник» – это точно не про меня), свои пожелания, результат молитвы и проч., а просто – передаю поминаемого человека Богу в руки и верю, что у Бога с этим человеком и без моего напоминания есть свои отношения и что Бог найдет, как с этим человеком обойтись самым лучшим из образов.

Вопрос тогда бывает: «Если Бог и так все про человека знает и с ним наилучше и наиболее правильно поступит – зачем молитесь-то тогда?». Вот это хороший вопрос. На который точного, как в катехизисе или в инструкции по применению, ответа у меня лично, наверное, и нет. А примерный ответ таков: что-то внутри побуждает меня это делать, что-то правильное и хорошее, далеко не всегда приятное-легкоисполнимое, но очень нужное. Нужное и мне, и Богу, и тому человеку. Словом, важное в молитве о человеке, какой бы она ни была, – даже не результат ее («хочешь насмешить Бога» – есть такая поговорка...), а сам факт моего контакта с Богом о человеке. Как бы нашего пребывания вместе, втроём, в непреходящем моменте жизни вечной (ну и выраженьице завернул!.. но изящнее не могу подобрать слов, простите).

Примечание: откуда у людей вышеозначенные вопросы и претензии к священникам? Само выражение «молиться о ком-то» для современного человека, как церковного, так и нецерковного, нагружено целым грузом коннотаций (тут и «нельзя ни о ком молиться, его грехи на себя берешь», и пресловутое «вымаливать кого-то», то есть с кровавыми муками и невероятными трудами выперстить из цепких перстов Божиих и спасти от казни и пекла, сюда же – заручение помощью многочисленных «заступников», «ходатаев» и «предстателей» перед недоступным и немолимым Богом, тут и представление о молитве за кого-то только как об особом храмовом чине*, священноритуале с долгим пением и произнесением разного рода священнотекстов и громогласным возгласием пред народом «вечной памяти», которая – только для достойных и особо проверенных, и всякие просто природные глубинные вещи в человеке, например, исконное деление в картине мира всех на своих-чужих, которое человек переносит и в свою церковность, ну и т.д.). И вот человек путается в этом во всем, ищет ответ, ищет путь... И хорошо, что ищет и пристаёт к священнику с вопросами. Священник сам толком мало что понимает, но, отвечая на нужду вопрошающего (когда тебя спрашивают – надо сплясывать, то есть тот факт, что «не сам напросился», избавляет священника от многих искушений гордыни и тщеславия), глядишь, и сам батюшка что-то важное тут поймет и возрастет над собой, а то так бы – когда еще почесался.

Как говаривали христиане когда-то: «Да придет благодать, да пройдет мир сей!»**.

А мы притом, сказали нам, – останемся живы.

В это веруем, этого и ждем. Маранафа!***

Лишь бы, когда останемся живы, опять не начать создавать то же самое.

Как в старом анекдоте прошлых времен, когда мужик, не могучи украсть с завода холодильников целый холодильник, прилежно таскал по запчастям, наконец таки натаскал, но, как дома ни собирал, а всё получалась ракетная установка...

* Особый храмовый чин: особый о нем и разговор. Не думайте, что я над ним самим иронизирую – нисколько, я ж священник и его же и совершаю в храме. Этот чин нужен. Но здесь я о репрезентации сего чина и о том, какие представления о нем есть, в том числе и законнические, и прямо суеверные. (Прим. авт.).

** Из «Учения Господа через двенадцать апостолов язычникам» (сокращенно «Дидахи») – наиболее раннего памятника христианской письменности катехизического характера.

*** Господь идет! (др.-евр.)

Завтра праздник – Преполование Пятидесятницы, который большинству местных верующих известен, ну, как такой день посреди календаря между Пасхой и Троицей, когда водосвятие, а мы его весьма любим, особенно в жаркое время дня. Опять надо будет завтра людям с амвона рассказывать, что за праздник – Суккот*, почему он достоин быть почитаемым и нами, христианами, хоть мы и не иудеи, почему там тоже воду святили, почему Христос не пришел к началу праздника вместе со всеми, а втихую пришел один спустя несколько дней, почему там была напряженная обстановка и что именно Он там, согласно свидетельству Иоанна, сказал народу насчет святой воды...** Сам себя при этом – при пояснениях, рекомых с амвона, – чаще всего чувствую не очень. Былого молодого упоения от того, что открываю малым сим недавно прочитанное и узнанное мною самим, давно нет. А привкус поганенький, как будто это я людям говорю: «Народ сей невежда в законе, проклят он»***, – бывает... Или это просто у меня от самомнения помыслы, вертижи воображения, искушения, так сказать?.. Скорее всего. Да и говорить ведь все равно надо хоть что-то, так что уж лучше – скажу как есть и по делу. Господи, помилуй.

Удаление от мира ко Христу и любовь и сострадание к миру, в котором Христос, условно говоря, – пустынники с Терстегеном – и мать Мария Скобцова****, нутрь – и наружа, воскресшее – и распятое: совмещается ли? Нет, не совмещается, если разуместь «совмещение» как ладное и неконфликтное органичное совместное бытование. Но – явно сосуществует, в страдании, в боли. И невозможно исключить ни то, ни другое: «десное» и «шнее» – емкие и почтенные символы, но, тем не менее, в реальной жизни отрубить руку, исходя из этих символических соображений, даже если она левая, – нельзя, она часть единого тела. Мучаются люди в муках родов, мучается мир в муках родов, мучается Бог вместе с людьми.

- Ну и что, стал ты хоть немного более свят и близок ко Христу?
- Ну, вот видишь, всякие гадости переместил в папку «Срам».
- Понятно... И что, удалил их оттуда?
- Да нет, пока сохраняются в папке.

Сегодня – память убиенного в Угличе царевича Димитрия.

И как рядом с ним не вспомнить и повешенного Ивана Воренка. И всех детей, которых «во имя» – убили физически, растлили или использовали идеологически...

Детей, заложников «взрослых» хтонических страстей, властолюбия и прочих похотей мира сего, – жалко.

Но вот тех взрослых, кто убивает, калечит, насилует детей, – жалко ли бывает их?

* Суккот, или Праздник кущей – один из ветхозаветных праздников.

** Ин. 7, 37–39.

*** Слова фарисеев в Ин. 7, 49.

**** Мария (Скобцова) (1891–1945) – православная монахиня, участница Французского Сопротивления, погибла в газовой печи концлагеря Равенсбрюк.

Бывает, но какой-то особой жалью, несентиментальной ни на грамм. Не их самих даже жалко – жалко исковерканную в них природу, человеческую и Божью...

Вышел сегодня с Чашей причащать людей, говорил вслух молитвы перед причащением («Верую, Господи, и исповедую...»), и вот – слова: «...но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во царствии Твоем».

И вдруг ударила в голове и утвердилась мысль вот такая: конечно, благоразумного разбойника все любят. Кому же православному не близок его образ: трудную жизнь вел, грешил, убивал («А кто не пьет?! Скажи! Нет, я жду!..»), а потом в последнюю минуту рраз – и покаялся («Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил»). Это есть такая песня, песню эту тоже в народе все любят, а там всего-то три или четыре строфы от первоисточника-стихотворения; а дочитайте его до конца – чем, предполагается, добыл себе Кудеяр «искупление»!.. жуть. Это что угодно, но не христианство), и – спасся. Все разбойника любят, и ты любишь (говорю себе). И так же хочешь: всю жизнь чтоб рассеянно жить, грешить, а потом в последнюю минуту рраз – и... что? покаяться? ой ли?.. покаяние – трудное дело... а вот что ты на самом деле хочешь: быть спасенным. Утешил себя тем, что, мол, Бог даром дает благодать, и все такое – и совсем перестал хоть как-то бороться с грязью в себе, расслабился. Не смирение означают вот эти твои слова «яко разбойник исповедаю Тя», произнесенные тобой словом хорошей, но не тобой выстраданной, не твоим сердцем и совестью рожденной молитвы, не осознание и принятие своей немощи, не отвержение самости и утверждение во Христе, – а обыкновенную иллюзию, надежду на волшебную халяву. Ты что, думаешь, если при жизни тебе Христос был не нужен – ты в момент смерти про Него вспомнишь?.. Ой, не дурачь хоть себя-то самого!..

И так стало жутко – от этой реальности, от самого себя, вот такого.

Господи! без Тебя, честное слово, вообще не знаю, как быть и что делать.

Был такой рекламный слоган: «Утро начинается не с кофе». И он прав, потому что сегодня утро началось с похода в лес, есть тут небольшой сосновый борок близ Минусинска.

Сидя там и слушая птиц, в который раз понимал: вот кого надо слушать, а не ерунду всякую.

Видел издали силуэт: женщина в развевающемся платье, с лабрадором на поводке. Процитировалось: «Неужели и жизнь отшумела, отшумела, как платье твое?». Но нет – при ближайшем рассмотрении это оказался толстый мужчина в огромных шортах.

Затем, проходя лесом, увидел кружок природоверов, человек пятнадцать разных возрастов. Бодрая дама-коуч говорила: «А если сосна находится действительно в нас...». Дальше ушел и не расслышал.

Выйдя из леса, увидел в поле приехавший цирк шапито. С детства терпеть не могу ни цирков, ни зоопарков. В них ни звери, ни люди не хранят своего Богоданного естества.

Пел песни.

В катастрофические времена, как известно, возрастает ценность – «малых ценностей», вежества, порядка, уюта, дружества, режима дня, своего огородика, «туфельки ставь ровно», словом, всего такого, о чем знаменитое розановское «летом варить варенье, зимой пить с ним чай», и поддержание всего этого среди бури и натиска считается высокой добродетелью.

Есть и другая точка зрения, озвученная, например, Себастьяном Хафнером* в 1939 году в применении к Германии и к тому, почему немцы не сопротивлялись Гитлеру: «Против спонтанного, естественного сопротивления работал неостановленный механизм повседневной, рутинной жизни». Тоже не поспоришь: если бы ученики противились повелению Иисуса перестать любить «мир и то, что в мире» и следовать за ним в неизвестность, то были бы вообще и Голгофа, и воскресение, и Пятидесятница? (с нами, во всяком случае, – сомнительно...)

Вряд ли два этих взгляда на вещи противоречат друг другу. Жизнь неоднородна и сложна, для ее поддержания требуется не что-то одно, не только хлеб или только вода, не только терапия или только хирургия. Не одно из многого, не одно и из малого: самый первый наперсточник придумал свою игру, вероятно, еще давным-давно и тренировался разводить лохов тогда, когда сами будущие лохи были еще красной глиной и до трех считать не умели.

В одном христианском чате, в разговорах про умное делание, монашество и проч., прочитал фразу: «Лествица учит: мирянин – это христианин, у которого связаны руки», а также предложение издавать книги для монашествующих отдельно, в строгих обложках, которые бы не привлекали мирян, особенно новоначальных.

- А покажите книги.
- Вот, «Добротолюбие для мирян», «Лествица для мирян» с картинками...
- А вон там что? Вон то, в самом низу.
- Сейчас вытащу... А!.. Это «Евангелие для мирян».

Как действует в человечестве тяга к войне? Примерно так же, как тяга к алкоголю – в алкоголике. Вот он вышел из тяжелейшего запоя, напрягся, но выполз, с помощью Божией и врачей, оставил там куски поджелудочной, печени, мозгов, психики, смысла, отношений с ближними, вернулся из ада к жизни, уж казалось бы, такой страшный опыт должен его раз и навсегда отучить от этого греха, от этого самоубийства... Ан нет, проходит время, от ж... отлегает, все плохое забывается, затягивается мнемоническим туманом, страсть начинает снова понемногу зудеть... Казалось бы, никогда более! Но вот оно – опять и опять и опять. Вот: пришел фронтовик, покалеченный, поседевший, оставивший на войне куски тела и души, потерявший на фронте друзей, насмотревшийся на бессмысленность смерти. Его поколение потрясено, оно не любит фильмов и книг о войне, оно молчит и страдает молча, – но книги эти пишут и фильмы снимают, в войнушку играют, вводят в моду стиль милитари, заболевают победобесием уже молодые. И новую войну начинает поколение внуков, примеряющих дедушкину каску. Со старой отцовской буденовки, так сказать, что в детстве в шкафу мы нашли. У Себастьяна Хафнера в

* Себастьян Хафнер, или Хаффнер (Haffner; 1907–1999) – немецко-британский публицист, журналист, историк.

«Истории одного немца» – упоминание о том, как в детстве их поколение воспринимало Первую мировую войну: «Сложившееся в детстве, а затем в течение четырех лет вколачивающееся в мозги совершенно фантастическое представление о войне может спустя два десятилетия превратиться в смертельно опасное мировоззрение большой политики». Словом, про механизм действия запойной военной страсти в человечестве – спросите человека, алкоголика, он расскажет.

О тишине. То есть о том, что тоже можно расценить как «эскапизм», но на деле эта тишина – место встречи человека с Богом и самим собой, тихий ветер в пустыне, ночь в Гефсимании, пустота отверстого гроба «утру глубоко».

Четверть века назад (как щас помним!), 26 июня 1997 года, издательство Bloomsbury рискнуло выпустить в свет книгу «Гарри Поттер и философский камень» (до этого 12 издательств отказали никому не известной Джоан Роулинг, ну и так далее, это известная история). Такой вот юбилей.

По его поводу – мелькнуло две мысли: первая – воспоминание, что когда-то в сети, на сайте какой-то воскресной школы, встречалась православная пиэса про то, как Гарри Поттер крестился («если враг не сдастся – его воцерковляют»), и вторая: в моей ленте я не встречал стёбного сравнения известной буквы со шрамом на лбу Гарри Поттера, и сие отрадно и говорит о том, что у народа осталось хоть что-то святое.

С Гарри Поттером связано еще одно воспоминание...

20 лет назад (точнее, уж 21 год назад) родился на свет наш Воскресенский храмик (и приход) при Минусинском доме-интернате для престарелых и инвалидов (сейчас – психоневрологический интернат). Занимает он часть хозблока, за стеной у нас прачечная, там был ранее какой-то пустующий то ли склад, то ли еще что, и создан храм был при одобрении, внимании и немалой помощи тогдашнего директора дома инвалидов Виталия Александровича Бродникова (упокой его, Господи, он скончался не так давно...).

Так вот, спустя некоторое недолгое время после открытия храма узнали мы, что директор нашего дома инвалидов попал в больницу, не помню с чем. Наши доминвалидские прихожане стали молиться о его здравии и решили, как положено православным христианам, навестить болящего благодетеля в больнице. Когда (вспоминают участники деяния) делегация милосердия достигла его палаты, он лежал и запоем читал один из романов про Гарри Поттера, а рядом на тумбочке возвышалась стопка прочей поттерианы, ждущей своей очереди (в самом деле, где и почитать спокойно солидному руководителю, человеку в годах, как не в больнице, сами понимаете). Стройными рядами взойдя в палату, милосердные сестры огласили ее кафисмами и бодрыми возгласами, типа: «Мир вам!», «Исцели, Господи, страждущаго раба Твоего!» и проч., а перепуганный Виталий Александрович закрылся от них книжкой с нарисованным Гарри Поттером на обложке, как бы ожидая, что волшебный мальчик оградит его от атаки Тех-Кого-Нельзя-Называть (как позже выяснилось, такого посещения он не ожидал и в первые минуты подумал, что по больнице ходят с пропагандой какие-то религиозные мракобесы и

вот они ворвались в палату, чтобы охмурять его в свою изуверскую подпольную организацию).

Когда-то, лет 15 назад, у нас в соборе в воскресенье вечером служился молебен с каким-нибудь акафистом, часто – Иисусу Сладчайшему. Там, по чину этого молебна, читается Евангелие. И вот помню, лето какое-то, вечер воскресенья, народу немного, служу я этот молебен, готовлюсь читать Евангелие. Говорю «Мир всем!», поворачиваясь к людям, стоящим у меня за спиной, чтоб благословить. В этот момент двери открываются, из притвора в храм входят две девчонки, им примерно на вид по 15-17 лет, в джинсиках такие, совсем обычные. И моментально одна из них, увидев меня и «мир всем», упала на четвереньки, зашипела и, пятясь задом, быстро выползла из храма. А вторая, разинув рот, на нее смотрела... Потом тоже выбежала. Такое бывает.

Вспоминаю, как в Питере – это было в 2008 году – мы зашли в Казанский собор, мой друг-священник о. К. хотел показать место, где когда-то крестился. Я сразу сунулся к тетеньке у свечного ящика, мол, можно ли сфотать, получил строгий отказ, при том, что как раз в это время в храме шло венчание с видеокамерами... Нас спас наш товарищ, питерский писатель А.И., который сказал: «Давайте я сфотоаю, я ведь разрешения не спрашивал». И сфотал.

Апостол Павел вовсе не отменял/не отрицал Закон.

Закон – онтология, как ты его отрицнёшь. Он про другое говорил (и тоже – про онтологию): *Уже не я живу, а живет во мне Христос**.

На основе свидетельства о своем собственном опыте – говорил: кто во Христе – тот новая тварь (и еще раз подчеркну: не превозносясь над той тварью, которая пока еще не новая! просто – констатируя положение вещей). То есть тот, кто «во благодати» и кто самость отставил, а живет благодатью, – тот *совсем* в какой-то другой плоскости бытия.

А тот, кто еще не во Христе и не в новой плоскости бытия – тот тоже хороший, праведный, весь религиозный и Богочтец и – уж простите, терциум нон датур** – под законом (а куда ты от закона денешься!..), и закон – дело хорошее, потому что Божье. Только вот – *делами закона не оправдается никакая плоть...****

Но! еще и еще раз напомню: никто да не унижает того братосестру, кто всё это вроде бы и понимает, но пока вот никак не может «со Христом быть» и во всем жить Им, а не собой, и пока еще во многом – ветхая религиозная тварь (от них же, кстати, первый есмь аз, опытно изучил).

Две мысли у меня при сем.

Первая: если кто из христиан неосторожно усвоил себе знаменитую дихотомию «закон-благодать», которая язык намозолила за века разным менторам воскресных школ и их недорослям/перерослям ученикам, и через губу говорит про

* Гал. 2, 20.

** Tertium non datur (лат.) – третьего не дано.

*** Гал. 2, 16.

Закон, и думает, что свобода – это такая вольница и беспредел, тот жестоко ошибается. Очень жестоко. И того шибко-шибко жалко.

Вторая, для меня лично очень важная: но простите, а если не «уже не я живу, а живет во мне Христос», если цель всего – не быть всецело со Христом, а тыщи всяких иных целей (ну то есть типа того, кратко рещи, о чем говорили пустынные, Арндт*, Терстеген и пр.), то на кой вообще-то Церковь с ее «вековой культурой» и «богатством Предания»?.. На кой тогда всё, что в ней ни на есть? Чем тогда христианство отличается от любой другой религии или там этической системы, и какой смысл напрягаться было его создавать?..

Когда меня упрекают, что я «обесцениваю» и «не уважаю» ту или иную религию, я вынужден не соглашаться: вовсе нет, вполне уважаю.

Просто мне там неинтересно и бессмысленно – там нету Христа.

Чем вы меня таким хотите прельстить, если Христа нету? Красотой картины мира, открываемой религией? Да, согласен, – но она в моих глазах никак не красивее Христа.

Чем еще?.. Этикой, что ли? Да вы смеетесь.

Павел Евдокимов**, из книги «Этапы духовного пути»:

«Аскетика не имеет ничего общего с морализмом. Греху противопоставляется не добродетель, но вера святых. Морализм развивает природные силы, присущий ему волюнтаризм подчиняет человека нравственным императивам. Однако известно, до какой степени хрупка и малоэффективна всякая автономная и имманентная этическая система, не содержащая никакой животворящей силы. Можно уважать закон, но его невозможно любить как личность, как Иисуса Христа, например. Христос – не принцип блага, но воплощенное Благо. Вот почему в трагических экзистенциальных конфликтах, на пределе глубочайшего страдания или одиночества, нравственные и социологические «принципы» оказываются бессильны. У них нет власти сказать расслабленному: «Встань и ходи!» Они не могут ничего простить или отпустить грехи, сделать преступление небывшим или воскресить мертвого. Возведенный в систему суровый облик безличного и всеобщего скрывает фарисейство «гордыни смиренных», и эта ее разновидность опаснее всего, ибо «гордыня, принятая однажды за смирение, становится болезнью неизлечимой».

Когда читаю воспоминания людей минувших эпох, всегда пытаюсь – нет, не искать «афоризмов» и не сравнивать «было-стало», но как-то почувствовать, что ли, этих пишущих, почувствовать, как они сами видят и чувствуют мир, время и людей...

Записки Анны Федоровны Тютчевой; читая, поневоле цепляешься вниманием то за одно место, то за другое. Например:

«Интересно было бы разрешить вопрос, почему самые талантливые натуры в нашей русской жизни не дают того, что они наверное бы дали во всякой другой

* Иоганн Арндт (Arndt, 1555–1621) – немецкий лютеранский богослов и религиозный писатель.

** Павел Николаевич Евдокимов (1901–1970) – православный богослов и общественный деятель русской эмиграции.

стране в Европе. Вероятно, причина заключается в низком уровне общего интеллектуального развития; успех слишком легок, нет достаточно стимулов, достаточно точек опоры, нет пищи для сравнения, нет ничего, что бы поощряло развитие умов и характеров; вот почему самые одаренные натуры долго остаются детьми, подающими блестящие надежды, чтоб затем сразу, без перехода, стать стариками, ворчливыми и выжившими из ума».

Среди святых, чей нынче день – преподобный Памва Пустынный. Перед смертью, рассказывая братии, стоявшей у его смертного одра, о том, к каким добродетелям он стремился в своей жизни, святой Памва сказал: «Однако я отхожу ко Господу так, как будто и не начинал богоугодно и по-иночески жить».

Я его хорошо понимаю... Это – море пространное, никакой человеческой ложкой его не вычерпать, никакими человеческими брассами и кролями не переплыть; а плыть, тем не менее, надо.

Stabat Mater dolorosa

Обсуждение романа Руслана Козлова «Stabat Mater: Роман о милосердии»

От редакции. Ярких и глубоких романов на христианские темы в современной русской литературе не так много – и к числу их можно отнести и роман «Stabat Mater» Руслана Козлова*, вошедший в короткий список национальной премии «Большая книга» 2022 года. Роман был замечен критикой**, однако, на наш взгляд, не вызвал той дискуссии, которой явно заслуживает – и по поднятым в нем острым проблемам, и по своим незаурядным художественным достоинствам, и – не в последнюю очередь – по авторской позиции. Особого внимания, безусловно, заслуживает христианская проблематика романа. К обсуждению за заочным «круглым столом» романа Руслана Козлова мы пригласили литературных критиков Елену САФРОНОВУ (Рязань) и Василия КОСТЫРКО (Москва–Ташкент), поэта и эссеиста Михаила КАЛИНИНА (Тула) и литературоведа, диакона Сергия ГАЛИЕВА (Ташкент).

Василий КОСТЫРКО:

Зачастую неопит стремится к Богу с просьбой о поддержке, исчерпав все свои силы, и вдруг узнает, что от него в этой ситуации требуются свершения, на которые он по большому счету никогда не был способен ранее. Собственных сил точно не хватит. Понятно, что Тот, с Чьей помощью можно пройти это испытание, только Один.

Нечто похожее происходит в романе Руслана Козлова «Stabat Mater». Эксцентричный полиглот Иван Николаевич должен перевести раннехристианскую рукопись с практически исчезнувшего ликийского языка. Значение ее огромно, ведь автор, глава раннехристианской общины геронда (старец) Кирион – практически современник евангелистов. Загвоздка в том, что заказчик, иеромонах Глеб, служит в церкви при одном из московских детских хосписов (бывшая усадьба алхимика Баркова-Бельского), где, собственно, и был найден этот древний пергамент. Для Ивана, страдающего алгофобией, боязнью боли, страшнее места просто нет. Приняв новую порцию переводов отцу Глебу, он вынужден каждый раз проходить по коридорам хосписа, повторяя про себя пушкинских «Бесов», чтобы предотвратить припадок.

* Козлов Р. Stabat Mater: Роман о милосердии. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.

** См., например, рецензии Ольги Балла («Дружба народов», 2022, № 11), Татьяны Веретеновой («Знамя», 2022, № 12), Дарьи Леденева («Звезда», 2022, № 12) и др.

При всем желании, однако, остаться в стороне от того, что происходит за дверями палат, невозможно. Оказавшись свидетелем странной стычки между врачом-анестезиологом и сотрудницей хосписа, Иван понемногу втягивается в происходящее, начинает помогать сначала персоналу, а потом и детям. Масштаб событий, о которых повествует Козлов, постепенно укрупняется. Всё отчетливее проявляется в происходящем его моральный и религиозный смысл, всё больше оно напоминает события древности, с которыми связан переводимый Иваном манускрипт.

Схожие испытания ниспосланы геронде Кириону и отцу Глебу, причем оставляют отпечаток они не только в душах, но и на их телах. Ситуации, в которой оказываются ранние христиане со своими семьями и сотрудники хосписа со своими подопечными, в чем-то подобны. Сама собой, в частности, напрашивается параллель между матерью одного из пациентов хосписа и женой римского императора Адриана Вибией Сабиной. Последний персонаж, кстати, оказывается «мостиком» между римской добродетелью и христианством, а также отсылкой к довольно острым дискуссиям о происхождении и сути христианства, развернувшимся во второй половине XIX – начале XX века.

Конечно, мир, в котором разворачиваются события, не вполне наш. Есть два существенных отличия. В-первых, дети и подростки в романе Козлова во всё больших и больших количествах поражаются некой новой неизлечимой болезнью. Во-вторых, на момент начала описываемых событий есть только один человек, способный даже не исцелять эту болезнь, а хотя бы временно облегчать страдания: работающая в том самом хосписе медсестра Вероника, атеистка с психиатрическим образованием. Откуда у нее эта способность, Вероника не знает сама.

Вряд ли можно отнести роман Руслана Козлова к реалистическому жанру, особенно в той части, которая повествует о нашем времени. Рядовому читателю, конечно, всё равно, была бы книга хорошая. А «Stabat mater» и впрямь предлагает чтение увлекательное, хотя назвать роман фантастикой или фэнтези, то есть чтением по преимуществу развлекательным, не повернется язык.

Власти намерены закрыть и московский детский хоспис в усадьбе Баркова-Бельского, и все остальные подобные ему, хотя денег хватит еще на несколько лет работы в прежнем объеме. И Иван, отец Глеб, Вероника и их сподвижники оказываются в ситуации, когда обыденная, повседневная человеческая слабость и конформизм оказываются совершенно неприемлемыми. Чтобы ее переломить, даже полагаясь на Бога, герои романа должны отдать все силы и отбросить всякий страх, привычный и непривычный. От защитников хосписа в усадьбе Баркова-Бельского требуется твердость, но всё дело в том, что она, по мысли автора, должна быть твердостью христианской: как говорит отец Глеб, тьму тьмою победить нельзя.

Художественный вымысел может отвлекать, убаюкивать, примирять читателя с самим собой, убеждая его, что он и так хорош, как есть... А может ставить человека перед крайне болезненными вопросами, лицом к лицу с концентрированной, сгущенной реальностью, окончательно срывая с нее все маски и покровы; сталкивать человека с истинным собой, что в романе «Stabat mater» и происходит. В этом, собственно, и заключается его реализм. Автор помещает своих героев в довольно-

таки фантастические обстоятельства и исследует их реакции, которые выглядят в высшей степени правдоподобно.

Есть в «Stabat Mater» и другой не менее принципиальный момент. Не все положительные персонажи этого романа верующие, и не все верующие и даже клирики безупречны. Тем не менее, каждый из них находится в напряженном диалоге с Богом. Невоцерковленные находят свой путь к Нему, воцерковленные же проходят испытания и преодолевают собственные соблазны. Кстати, готовность уступить страху за собственную жизнь, за свое положение в условиях жесткого противостояния – один из них.

Иными словами, у каждого из героев не только свой ответ перед Богом, но и своя дорога к нему. Не зря каждая глава книги (обычно повествование ведется как бы с позиции одного из героев) приурочена к определенному дню Пасхального цикла, вне зависимости от того, крещен данный персонаж или же пока нет.

Нам остается лишь благодарить автора за то, как он умело и точно ставит вопросы, как непредсказуемы и вместе с тем логичны до самых последних страниц его книги повороты сюжета и поступки героев. В конечном счете, каждому из них, а заодно, возможно, и нам с вами он может помочь найти свой путь.

Михаил КАЛИНИН:

Первое впечатление, которое начало формироваться по мере чтения, – автор крут! Помню, читая «Поиск предназначения» Бориса Стругацкого, отметил для себя, что основная сложность у прозаика – не писать, а организовывать написанное. Композиция вещи – не менее вызывающая задача, чем извлечение из себя материала для нее. Козлов уверенно владеет композицией. Ему не нужно объяснять, что такое полифония. Он мастер повествования. Ощущения монотонности ни разу не возникло.

Это всё «цеховые» похвалы. Но в тексте, что поэтическом, что прозаическом, для меня главное – личность автора. И вот тут, наряду с удовольствием от технического мастерства, во мне, по мере чтения, нарастало странное беспокойство и неудовлетворение. Сформулировать его я смог, лишь закончив первую часть. «Иван Карамазов» – неожиданно сам себе сказал я. Что-то подобное мог бы написать он, если бы – гипотетически – дожил до нашего времени. Очень много у них схожего. И прежде всего – страдания детей как основная, «ударная» тема. «У меня много собрано про деток, Алеша...». Свои заметки о бессмысленно-страшных страданиях детей, собранные им в качестве журналиста, Иван соединяет с сочиненной им средневековой поэмой об Инквизиторе. Руслан Козлов вполне реальную тему детского хосписа, где выдумки – лишь некоторый элемент (болезнь СГД), перекладывает сочиненной им историей о первых христианах. И то, и другое – составные части того же вопроса-обвинения, который у Ивана был к Господу, – *зачем?*

Иван Карамазов – литературный персонаж. Но за ним – бунт самого Достоевского. Он передоверяет ему часть своих выношенных мыслей и чувств. Именно часть – но всё же реальную часть себя самого. И он отвечает себе самому – через

других своих персонажей. Победоносцев был потрясен силой этого бунта и говорил Достоевскому, что ожидал, когда же прозвучат столь же сильные и убедительные возражения и отпор, – а они (по его мнению) не прозвучали! Но они и не могли прозвучать на том же уровне. Как Христос мог не ответить на то, что Ему говорили, или ответить совсем не то, чего от Него ожидали, – так Достоевский, хорошо понимавший это (что ответ невозможно дать на уровне слов), – отвечал своему персонажу самой драматургией того, что совершалось в его романе (и с самим Иваном в том числе). И конец «Карамазовых» далеко не идилличен. Но свет всё равно там светит. И это чувствуют все, кто читает.

Томас Клейтон Вулф, «Паутина и скала»*:

«В конце “Братьев Карамазовых”, где Алеша разговаривает с мальчиками на кладбище, опасность впасть в сентиментальность и фальшь просто ошеломляющая. Во-первых, сцена эта происходит у могилы мальчика, на которую Алеша и дети принесли цветы. Потом в этой же опасности находится и Алеша с его проповедью братской любви, его доктриной искупления через жертву, спасения через смирение. Он произносит перед детьми речь, сбивчивую, бессвязную, которую фраза за фразой мог бы произнести секретарь Христианской ассоциации молодых людей или учитель воскресной школы. В таком случае, почему же в ней нет ничего отвратительного, тошнотворного, как было бы в разглагольствовании этих людей? Потому что мы понимаем с самого начала, что слова эти честные, искренние, потому что верим в искренность, правдивость, честность персонажа, который произносит эти слова, и человека, который написал эти слова и создал персонажа».

Вулф схватил в русском романисте самое главное: тот может показать мрак и закончить мраком, потому что он верит, что *свет во тьме светит, и тьма не объяла его*. И может передать эту свою веру – и через подтекст, и даже в виде прямой проповеди, и это не будет фальшью!

Руслан Козлов поднял тему страдания: это серьезный вызов себе как автору. Он блестяще выстроил композицию романа, постепенно повышая напряжение сюжета до максимальных пределов. Но в конце оказался лишь умело выписанный хэппи-энд. С *допустимыми* (армейский термин) потерями среди персонажей. Причем хэппи-энд в обеих линиях повествования, и современной, и исторической.

С замыслом автора всё понятно – после мрака нужно было закончить на светлой ноте. Потому что он, взяв ту же обжигающую, как вулканическая лава, тему, не мог просветить этот мрак, дать свой ответ на вопрос «зачем?», не имея за спиной своего эшафота и своей каторги (думаю, понятно, что и то и другое в данном случае – символы внутреннего опыта). А без этого внутреннего откровения, начав как Достоевский, вынужден будешь закончить тургеневским «Баден-Баденом» (опять же понимаемым символически).

Скажут – ты придираешься. Нормальная концовка, сильная вещь. Что тут еще говорить? Да, конечно. И роман получит свою (безусловно, заслуженную) известность и признание. И – уверен – будет переведен (если уже не переводится) на другие языки. Жаль, что я так и не нашел в книге самого автора. И не потому, что он

* Роман выдающегося американского писателя Т.К. Вулфа (Wolfe, 1900–1938), изданный посмертно в 1939 году.

прячется. Всё время, пока я читал, я ожидал некоего откровения, которое для меня было бы оправданием книги и тем, что заставило ее появиться на свет. И не дождался его.

Елена САФРОНОВА:

Я читала роман Руслана Козлова в журнальном варианте («Знамя», № 11, 2021). В данном случае это имеет значение. Автор уведомил во вступительном слове: «К сожалению, журнальный вариант может вместить едва ли четвертую часть романа, так что заранее прошу прощения за прерванное чтение. И всё же, надеюсь, эти начальные главы смогут дать некоторое представление о том, какой напряженной жизнью живут герои, как болезненны их душевные и физические терзания, из какого источника они черпают силы для любви и сострадания».

Полная же версия книги, как и предупредил Козлов, вышла в «Редакции Елены Шубиной» (АСТ) весной 2022 года. Но я не стала с ней знакомиться. Во-первых, потому, что и впрямь получила представление о том, о чем говорится в книге. Во-вторых, по причине, о которой скажу ниже.

Прекрасно понимаю, что, прочитав только четверть романа, невозможно написать на него полноценную рецензию. Определю жанр своего высказывания как краткий отзыв или реплику в диалоге.

«От автора» Козлов написал еще: «Много лет я работаю в благотворительном фонде, помогающем больным детям – тем, которым отказывается помочь наше богатое и пафосное государство. Каждый день передо мной – примеры абсолютного равнодушия к чужому горю и примеры абсолютной самоотверженности родителей, готовых отдать всё для спасения своих детей. И между этими полюсами – мы и наше отношение к ближним и дальним, наше понимание или непонимание того, что чужого горя не бывает...»

Тем самым он сразу обозначил и «горячую» и болезненную для российского общества тему, и свою посвященность в нее, и идейное начало труда. О детских социальных учреждениях (впрочем, как и о взрослых) пишется мало книг – не только сейчас, но всегда. Не углубляясь в историю вопроса в литературе, я попыталась вспомнить читанные мной современные книги «про это». Нашла «Дом, в котором...» Мариам Петросян, «Доктор Х. и его дети» Марии Ануфриевой и нон-фикшн «Доктор Лиза» (и да, я осознаю, насколько все эти книги «из разных опер»). С некоторой натяжкой можно назвать еще «F20» Анны Козловой, где «психбольницей» оказывается весь наш мир, поскольку в силу этого хода получается явственная фантазмагория. Казалось бы, кому, как не человеку, находящемуся внутри ситуации с помощью больным детям, написать о ней художественную правду?.. Но, к сожалению, художественность в тексте Козлова есть, а вот с правдой всё сложнее.

Журнальных глав хватило на то, чтобы поставить проблему и обозначить основные локации и действующих лиц. Это лечебное заведение под бездушной аббревиатурой «МЗ РФ ДЗ г. Москвы ЛМУУПП “СГД-хоспис № 84”», расположенное в особняке а-ля средневековый замок, выстроенном свихнувшимся богачом, впоследствии самоубийцей. Разумеется, такая дислокация не может не сказываться

на происходящем в хосписе – и в романе, так как «нехороший дом» – известный, если не избитый художественный прием. Это вымышленная болезнь СГД, Синдром Гувера-Джонса, поражающая только детей до пятнадцати лет и убивающая их: «Синдром Гувера-Джонса не лечится потому, что, строго говоря, это не болезнь. СГД не поражает никакие органы, не нарушает процессы в организме. Предполагают, что это генетический сбой, из-за которого начинаются приступы беспричинной боли. Врачи называют ее нейропатической».

И это основная интрига сюжета: СГД принял масштабы пандемии, и государство в скором времени намерено закрыть медучреждения, борющиеся с ним, ввиду их полного бессилия перед лицом заболевания.

Успевают появиться перед читателем и опорные персонажи романа. Настоятель церкви хосписа отец Глеб (в монашеском чине, в миру был Константином). Медсестра Вероника, способная забирать у детей боль («Я могу брать их боль себе. Как будто раскрываюсь, и боль переливается в меня. Иногда часть, иногда вся...»). Старший анестезиолог доктор Зорин по прозвищу «завболь», додумавшийся «продавать» безутешным родителям помощь Вероники для их детей, не делясь с нею деньгами (она бы их и не приняла). Рефлексирующий интеллигент Иван, тридцати семи лет, неопределенного рода занятий, делающий по просьбе о. Глеба переводы раннехристианских рукописей, полученных из Греции. Несколько сотрудников хосписа. И, конечно же, страдающие дети, среди которых выделяется ангелоподобный мальчик Алеша восьми лет – сын вице-премьера Марии Акимовны. Она осыпает хоспис благодеяниями, но не находит времени или желания навестить ребенка, а он ее безнадежно ждет. Это «обитатели» временного пласта, похожего на наши дни (ключевое слово – *похожего*).

Но в романе есть и другая реальность: времена императора Адриана, 125 год нашей эры, когда гонимый за христианскую веру Кирион ожидает мученической показательной казни (растерзания львами) вместе со своей семьей и единоверцами и пишет манускрипт, начиная его словами: «Зачем Богу нужны наши страдания». Эту рукопись переводит и обсуждает с отцом Глебом Иван. Нетрудно догадаться, что события из манускрипта и из «настоящего» отражают или продолжают друг друга, а действующие лица в обеих эпохах решают для себя тот же вопрос. В общем-то, событийная канва романа продумана и построена...

Вот именно: продумана и построена. Это не отражение реальности и ее подлинных проблем, чего мы вправе были ожидать от сотрудника благотворительного фонда. Всё, что «хочет сказать автор», подано в виде метафор. Да еще – в виде долгих бесед всех участников событий об основном (у Козлова) вопросе богословия: «Зачем Богу нужны наши страдания». Подозреваю, что именно эти диалоги являются в глазах автора основным содержанием романа. Увы, но долгие многословные споры – не лучшая форма литературной выразительности. А облечение трагедии в некие конструкты – не лучшая форма воззвания к умам и сердцам.

Вскоре после выхода книги «Stabat Mater» на нее написала рецензию Мария Башмакова*. Коллега выразила свое отношение к тексту с первых строк: «...вышел

* Башмакова М. Милосердие штурмом // Медиапроект «Стол». 24 мая 2022 г. (URL: <https://s-t-o-l.com/material/28771-miloserdie-shturmom/>)

роман о милосердии, пандемии, первохристианских мучениках, силовиках и слезинке ребенка с говорящим для верующего человека названием... Но что с ним не так?». У Башмаковой много претензий к роману Козлова, и, пожалуй, главная – к изложению: «Язык – мозоль романа. Диалоги кажутся мелодраматичными и детскими». Она уделяет много внимания несоответствию языка книги происходящему в ней; в том числе пеняет писателю, что прямая речь всех персонажей, и античных, и сегодняшних, одинакова. И сообщает важные для тех, кто, подобно мне, не прочитал весь роман, элементы: вскоре в Москве появится Мессия, которого не пустят в Храм Христа Спасителя, а хоспис будут брать штурмом. Благодаря этой «подсказке» я понимаю, что далее повествование полностью перейдет в русло литературного вымысла с аллюзиями к Священному Писанию. То есть в нем так и не появится жизненной правды из-за того, что автор хотел создать правду идейную. Вот поэтому я и не хочу дочитывать...

Не соглашусь с Башмаковой в отношении языка: не считаю его основной бедой романа, язык как язык. И слава Богу!.. Боюсь, что если бы автор стал «сочинять» какую-то специальную речь для первоначальных христиан и их римских гонителей, вышло бы просто невыносимо фальшиво. А вся книга и так несет несмыслимый отпечаток сочиненности. И я, зачастую не принимающая автофикшн как раз за отсутствие оной, в данном случае вижу в ней слабость.

Уверена: детский хоспис, обездоленные дети, муки их родителей – тема, которая не требует домыслов. Это нам с успехом доказала несколько лет назад книга «Доктор Лиза Глинка: “Я всегда на стороне слабого”» (АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018). Книга составлена и вышла в свет уже после гибели Доктора Лизы, но сделана так, словно Елизавета Глинка написала ее сама – в основу положен ее ЖЖ-дневник с 2005 по 2014 годы, как раз о работе в хосписах, и добавлены кое-какие интервью, а также послесловие вдовца Глеба Глинки. Так что описания будней хосписов и бездомных принадлежат перу Доктора Лизы. Их и читать порой невыносимо – а человек писал на протяжении девяти лет, варясь в этом «котле»!.. Но, при всей надрывности схваченных ситуаций, зарисовки Елизаветы Глинки литературно мастерски сделаны, они передают главное, выражают конфликт или драму несколькими штрихами. Позволю себе процитировать несколько самых кратких зарисовок:

«Андрей. Ухудшился сегодня утром. Резко. Болей нет. Полная апатия. Бедный мальчик. Он так трогательно пригласил меня на кофе – попросил санитарку купить пакетик для меня за одну гривну, заварил в две чашечки. Рассказал о своей семье, о слепой маме, несчастном, замотанном жизнью папе, потерянном после распада СССР, о спивающемся брате. Перед моим отъездом сел в коляску и тихонько подкатил к ординаторской. Я вышла – он улыбается. – Вас проводить пришел (он до сих пор говорит приишел)».

«Вечернее материнское. Укладываю спать младшего. Под подушкой нашла написанный от руки плакат. Кривыми такими буквами. “ХОСПИС ОТНИМАЕТ РОДИТЕЛЕЙ”. К моему отъезду в Москву приготовил. Он прав».

«Отличие. Один бродяга сегодня нагрубил мне. Злобно, раздраженно, вылив всю свою накопившуюся за жизнь обиду. Поев, подошел и попросил прощения. В

этом они отличаются от нас, благополучных. Мы часто обижаем и редко просим прощения».

«За что нам говорят спасибо? Не понимаю. Ведь обыденные вещи делаем. ...Почему больные и их родственники благодарят так, как будто мы спасаем их? ...вывесила объявление около ординаторской: “УБЕДИТЕЛЬНАЯ просьба не приносить персоналу тортов, конфет и денег”. ...А старушка из Нежина, чей сын лежал в хосписе, поглядев, долго топталась у моей двери и сказала: – Доча, я тебе ни тортов, ни конфет не принесла, как ты и написала. Вот тебе сало, яйца и молоко утреннее. P.S. Конечно, я взяла ее молоко, и яйца, и сало. Она от всего сердца. Это я понимаю. Но я о другом... О том, что очень хочется, чтобы больные и близкие их были свободны».

Не могу абсолютизировать свое мнение, – но эти бесхитростные зарисовки с натуры трогают меня гораздо больше «двухвременного» повествования Руслана Козлова о страданиях. И, сдаётся мне, в них и христианского начала больше...

Диакон Сергей ГАЛИЕВ:

На фоне традиционного житийного жанра начинают проявляться настоящие художественные тексты. К таким относится и роман Руслана Козлова, название которого отсылает к известному христианскому гимну XIII века «Stabat Mater dolorosa» о страданиях Богородицы во время распятия Христа. Этим названием задается тематика книги, посвященной человеческому страданию.

На первый взгляд может показаться, что роман разрабатывает классическую проблему теодицеи (как Бог допускает наличие страданий на земле и вообще Зла?). Однако споры о теодицее являются скорее фоном романа, основные же события наталкивают читателя на другие вопросы, такие как: может ли христианин терпеть зло и до какой степени, имеет ли он право сопротивляться властям духовным и светским, когда они творят очевидное зло? Иными словами, автор пытается на богословском поле рассуждать о вопросах политических.

И в конце романа писатель дает довольно однозначный ответ о том, что да, христианин может и обязан сопротивляться светской либо духовной власти, которая совершает очевидное зло. Главные герои романа в своей борьбе с властями весьма преуспели и организовали нечто вроде всемирной международной сети сопротивления. Отец Глеб так и остался в запрете, и это запрещение в служении подается как особое бесчувствие и душевная черствость владыки. То есть за скобками как бы остается ощущение, что уж лучше быть в запрете, чем поддерживать решения таких вот забронзовевших и потерявших всякую способность к эмпатии «владык». Финал у книги открытый, и озвучен он вполне определенным лозунгом: «Борьба продолжается!».

Вопрос о теодицее существует в диалогах героев, но является не более чем декорацией. Потому и решение его также дается на уровне фона и в классическом ключе: «Пути Господни неисповедимы». История главных героев книги и грека Кириона заканчивается хорошо, потому что их терзания и страдания привели к тому, что правда, истина всё же восторжествовала, то есть Господь неве-

домыми путями всё управил, несмотря на, казалось бы, безнадежное положение.

Таким образом преподается мысль о том, что бороться с несправедливой властью можно и нужно, Господь на стороне борющихся. Причем сопротивление власти поднимается автором на очень высокий уровень: если запрещает, то, уж конечно, Патриарх, если решают закрыть хосписы, то, конечно же, по воле не названного в книге президента, который в конце повествования вынужден уйти из-за всенародного резонанса, вызванного сопротивлением со стороны главных героев. Именно этот высокий уровень и вынуждает писателя к введению в книгу фантастических допущений, таких как неожиданное появление эпидемии тяжелой болезни (синдрома Гувера-Джонса), поражающей детей, или особых людей, которые могут брать чужую боль на себя. Всё это придает ситуации особый глобальный масштаб.

С одной стороны, христианство как раз стоит на позиции непротивления светским и уж тем более духовным властям. И эту позицию Православие не раз доказывало на деле и в античные времена, когда христиане безропотно гибли на аренах римского Колизея, и в советские, когда преследуемые и всеми ненавидимые христиане продолжали помогать своей стране, поддерживая таким образом режим безбожников, во время тяжелых испытаний середины XX столетия. О том же, насколько опасен путь сопротивления духовной власти, часто доводящий до раскольниковства, можно и не упоминать.

Вместе с тем, в истории Православия были моменты, когда сопротивление властям светским и духовным поощрялось даже святыми людьми. Достаточно вспомнить об ополчении Минина и Пожарского, которые не могли мириться с новой польской властью в Кремле, и о том, что это сопротивление благословил преподобный Иринарх затворник. Получение русской церковью автокефалии стало возможно благодаря косвенному сопротивлению воле греческого Патриарха. И совсем открытое сопротивление в Русской Православной Церкви вызвало подписание в XIV веке Флорентийской унии: когда действующий на тот момент митрополит Исидор вернулся в Россию, его с позором выгнали и поставили на его место другого. Хотя по всем канонам паства должна была подчиниться решению верховной церковной власти в лице действующего митрополита.

Поэтому вопрос отношения христианства к власти является не таким простым и требует по-настоящему серьезного подхода и глубокого исследования. Роман, который дает довольно простой рецепт решения проблем отношений христиан с властями, не отличается особенной глубиной изучения данного вопроса. Эмоций в книге много, а вот размышлений явно не хватает.

Подбор персонажей и героев, сражающихся на «светлой стороне», несколько перекошен: здесь и психически нездоровый историк, и священник, и какой-то нелепый фриг, испытывающий проблемы с половой ориентацией, и другие «протестующие». Как будто писатель хотел набрать в команду как можно больше странных людей, вызывающих у общества обычно непонимание и отторжение, и показать: вот они тоже могут быть на стороне света и добра. Понятно, что осуждать не следует никого и уж тем более не стоит судить человека по его внешности, но мысль эту автор проводит очень уж топорно.

Повествование в романе ведется в настоящем времени и каждый раз от первого лица очередного героя или персонажа. Вероятно, сделано это было с целью более глубокого погружения читателя во внутренний мир героев. Однако сам по себе роман насыщен действием, в нем очень мало размышлений, которые бы раскрывали перед нами глубины человеческой психологии, он совсем не про внутренний мир.

Многие герои не раскрыты, они имеют только некий грубый абрис, и весь роман ждешь, когда проявится живое лицо, но оно так и не проявляется. К таким нераскрытым характерам можно отнести и Сашу-Пашу, чьи мотивы во всей этой истории так и остаются для нас загадкой. Сюда же можно отнести и Алешу, который показан как ребенок, очень скучающий по маме, – однако герой не может состоять из одного чувства, из одной цели. Постепенно к концу книги вроде Алеша начинает обретать какие-то самостоятельные черты характера, но в этот самый момент роман обрывается, образ остается незавершенным. Но при этом автор на протяжении нескольких глав показывает развитие действия глазами Алеши. Возникает ощущение механического перемещения камеры, переходящей от одного безжизненного манекена к другому. Используемый прием повествования от лица попеременно множества героев подошел бы для жанра романа-эпопеи, где ввиду масштабности и сложности произведения до конца раскрывается характер каждого персонажа. Здесь же автору явно не хватило времени, чтобы совместить столь динамичное действие с раскрытием внутреннего мира каждого героя, которое не может исчерпываться короткой биографической справкой. Удались образы Вероники, Ивана и отца Глеба, именно ими можно было бы и ограничиться.

«Stabat Mater» читается легко, внимание читателя постоянно удерживается в напряжении, и это, пожалуй, одно из немногих достоинств книги. В целом же текст напоминает немного несуразного, сшитого на скорую руку кадавра. Хотя, может, в этом тоже была задумка автора – показать, что под несуразной внешностью может скрываться свет и добро?

Книга получилась довольно странной, впечатления от нее неоднозначные, но она точно не скучная. Здесь и постоянная богословская полемика со стороны автора, и смелые художественные эксперименты, и затягивающее действие. Так что для своего направления роман можно назвать удавшимся.

«Все видят – свет!»

Вспоминая Анатолия Наймана

От редакции. Почти год, как ушел Анатолий Генрихович Найман (1936–2022) – поэт, прозаик, переводчик. Литературный секретарь и друг Анны Ахматовой («В его отношении к стихам есть что-то суровое и сдержанно-целомудренное», – писала о нем Анна Андреевна); друг Иосифа Бродского... А также человек, нитями своей судьбы связанный с Ташкентом.

Воспоминаниями о поэте делятся *Вадим Муратханов, Санджар Янышев и Евгений Абдуллаев.*

Вадим МУРАТХАНОВ:

Впервые в гостях у Анатолия Генриховича я побывал в 2001 году. Санджар Янышев, уже общавшийся тогда с Найманом, договорился о нашем визите.

Не помню сейчас в точности, о чем шла беседа. Помню только, что Анатолий Генрихович не столько рассказывал, сколько расспрашивал. И интерес его к нам, малоизвестным в Москве ташкентцам, был живой и искренний.

Вскоре после этого в журнале «Октябрь» вышла коллективная подборка со стихами Сухбата Афлатуни, Санджара Янышева и моими, предваренная вступительным словом Наймана.

«Это удивительное состояние, – писал он об участниках “Ташкентской поэтической школы”, – дышать языком вне его стихии в стране и обществе, где этот язык лишь пронизывает атмосферу сквознячком и флюидами. Ловить их трепещущими губами и сгущать до концентрации поэзии. И быть объединенными этим состоянием».

И еще: «То, что молодые поэты могут называть для себя дружбой или компанией, по прошествии времени оказывается принадлежащей истории литературы группой. Лицеем. Цехом поэтов. Такой-то, такой-то и такой-то школами. Для этого не обязательны манифесты, для этого нужно иметь (помимо таланта, естественно) на некоторый период времени охоту видеть друг друга и читать друг другу стихи. Что бы ни случилось потом, их судьба и творчество навсегда будут ориентированы относительно этого периода».

Сейчас мне кажется, что эти слова относились не только и не столько к нам, сколько к самому Найману и другим поэтам «волшебного хора». Возможно, в нашем ташкентском содружестве ему виделись контуры компании, сложившейся некогда вокруг Ахматовой.

Анатолий Генрихович поддерживал нас и впоследствии – предисловиями к книгам, выступлениями на наших вечерах, советами. (Последний раз публично – в 2019 году на презентации книги Афлатуни «Русский язык» и моей – «Цветы и зола» в зале фонда «Новый мир».) Именно Найман научил меня не делать дарственные надписи на книгах наискосок, объяснив, что это дурной тон.

Помню, в трудный период, когда нам с Аллой едва удавалось наскрести денег на очередной платеж по ипотеке, Найман предложил: «Посмотрите на ситуацию с другой стороны. В молодости я однажды занял крупную сумму, не особенно представляя, как буду ее отдавать. Никогда прежде я не чувствовал себя таким богатым человеком». Как ни странно, это помогло. Анатолий Генрихович обладал способностью взглянуть на вещи под таким парадоксальным углом, что это возвращало вкус к жизни.

В общении с ним никогда не складывалось ощущения, что говоришь с живой легендой. Но возникало чувство, что перед тобой в кресле – или на другом конце провода – представитель другой эры, другого вида. В разговоре с ним я всегда ощущал себя немного неандертальцем. «Хлопчет лицом», «имеет бледный вид», «она у тебя славная» – так не говорил ни я, ни люди моего круга, сформировавшиеся на рубеже веков. Но понимать эту диковинную речь мы еще могли. Примерно как современный читатель – «Слово о полку Игореве». При этом каждый разговор с ним был продолжителен и увлекателен, обращался в непредсказуемый аттракцион разума.

Беседы с Найманом неизменно требовали от визави быть в тонусе, не расслабляться сознанием. Во многом потому, что к каждому слову Анатолий Генрихович относился предельно ответственно, чувствуя его кожей. Однажды по поводу какого-то своего давнего текста я употребил выражение «довел до ума». Найман тут же перебил: «До ума? До какого еще ума вы его довели? Выразайтесь яснее». В другой раз он рассердился на меня за то, что я, слушая его, несколько раз машинально повторил «угу». В разгар карантина он возмущался обретшей популярность фразой «Берегите себя», усматривая в ней не для всех явную клишированность: «Старикам сейчас все повторяют это нелепое пожелание. Но как именно, скажите, я должен себя беречь?».

В этих одергиваниях (впрочем, совсем не частых) не было менторства и снобизма. Просто с собеседником, к которому он был дружески расположен, Найман старался говорить на равных, предельно искренне и максимально вкладываясь в каждую фразу. И его огорчало, когда собеседник оказывался не на высоте. Сам он никогда не ставил «пластинок» и не позволял провисать нерву диалога. Ожидая того же и от других.

Предельная чуткость к слову проявлялась и в его поэзии. Подбор слов и их сочетания в стихах Наймана всегда нетривиальны и неслучайны. Кажется, он стремится обозначить и выразить такие тонкие оттенки мыслей и состояний

духа, которым нет соответствий в мире земных слов. Отсюда некоторая переусложненность и синтаксическая громоздкость отдельных стихов Наймана; отсюда же – невиданная прозрачность и точность попаданий в других его стихотворениях.

Он был не просто остроумным человеком. В нем сверкали озорство, артистизм и не утраченный до последних дней интерес к происходящему вокруг.

Как-то раз на новогоднем вечере одного московского журнала он, сидя за мной, то и дело наклонялся ко мне и комментировал выступления гостей так, что было трудно удержаться от смеха. Я чувствовал себя как на уроке с насмешливым одноклассником на задней парте. Когда ведущая, представляя очередного награжденного, не без пафоса назвала его не только замечательным переводчиком, но и крупным поэтом, Найман вставил вполголоса: «А еще, как говорят комментаторы, он забил гол».

Анатолий Генрихович умел держать публику, и иногда это превращало его публичное выступление в подобие эстрадной миниатюры. Запомнился его рассказ – с фирменными паузами и выверенными жестами – о ночной встрече с неким криминальным авторитетом с Кавказа. Завершался он такими репликами: «Еврейчик?» – «Да». – «Мы, восточные люди, всегда друг друга поймем». Рассказ, не поддающийся сейчас письменной передаче, длился несколько минут и вызвал смех и бурные аплодисменты в зале.

Анатолий Генрихович был глубоко верующим и воцерковленным христианином. В единственный раз, когда Анатолий Генрихович приезжал к нам в гости в Электроугли, его внимание привлек храм Святой Троицы XIX века с фотографиями исповедников и мучеников сталинского времени. Но больше всего его поразила история, которая случилась на наших глазах накануне его визита. Один парень, приглашенный на день рожденья в Электроугли, решил добраться до города на товарном поезде, остановившемся в Железнодорожном. Он, уже нетрезвым, сел на открытую платформу и, когда состав пронесся мимо Электроуглей, просто спрыгнул на бетонное полотно станции, несколько метров проехав по нему лицом. На день рожденья он не попал и был увезен на «скорой», но до последнего порывался встать и идти по адресу, где его ждали. С тех пор каждый раз, когда речь заходила об Электроуглях, Найман вспоминал этот случай.

К возрасту он относился со смешанным чувством иронии и раздражения.

«Смотрю на календарь – а там мелькают совсем уж дикие цифры: 2019, 2021...»

«В последнее время мне трудно выбрать снимок, на котором я бы себе нравился. Какие-то фото с милицейского стенда, под рубрикой “Разыскиваются”».

«О пожилых людях думают, что они дураки: любят лежать на диване, не любят выходить на улицу... Уверяю вас, мы делаем это не потому, что нам так нравится».

Большим ударом стала для Анатолия Генриховича смерть сына Михаила. На какое-то время он перестал быть привычным Найманом. Запустил лечение глаза и фактически потерял его. «Я предполагал, что зрение мне уже не понадобится», – признавался он впоследствии. Но прошло время, и Найман вернулся. В последние годы он писал и выступал, едва ли не каждый год выпускал книгу новых стихов.

Казалось, он торопится постичь и сформулировать нечто последнее и важное, чего никто не сделает за него.

«Знаете что, Вадим... Вы вспоминайте меня иногда», – сказал он мне как-то в телефонном разговоре. Это прозвучало так неожиданно и незащитно, что я отшутился: «Ну что вы, Анатолий Генрихович, еще неизвестно, кто из нас кого переживет».

А надо было иначе.

Санджар ЯНЫШЕВ:

Мой первый взгляд на поэта Наймана был похож на его, Анатолия Генриховича, ожог от поздних, современных молодому ему, стихов Анны Андреевны Ахматовой. И не похож. 10 марта 2000 года я шел к нему в гости не как к динозавру, почему-то пережившему свой юрский период и живущему среди едва оперившихся карликов. Я шел к своему soulmate* – по крайней мере, именно это я, автор едва готовой к изданию первой своей книги, возомнил, прочитав свежайшую наймановскую «Ритм руки»**. Сегодня мне даже совестно уточнять, что именно я тогда имел в виду (склад мышления? лексику? метафизику?..).

Впрочем, время показало, что свойственная юности заносчивость не всегда неправа. Что-то близкое тем моим чувствам имел в виду и сам А.Г., надписавший, спустя годы, одну из своих книг: «Санджару Янышеву, другу детства» – имея в виду, представляется мне, себя, свое отношение к детскому, всегда новому, мироощущению. А уж через это чувство отметивший некую общность (родство?) с адресатом надписи. Теперь мне *так* хочется верить.

...Не помню, где я добыл номер его телефона, помню фразу Наймана о том, что «никаких противопоказаний» к нашей встрече он не видит. Спустя три дня я все же решил сделать запись о том вечере; она сохранилась.

Итак,

Запись о встрече с Н. (отрывки)

«К 20.00 отправился к Найману (договорились утром). Врасплох – поэтому пришлось потратиться: купил маникюрный набор, купил “дирол”... Носки не купил (10 рублей осталось – на пиво) и всю дорогу переживал: вдруг дырявые... Всё обошлось; даже за стол усадили; отказывался, есть, мол, не хочу: “Я знаю, это все так говорят!” (типа – расслабься, что уж тут поделаешь)...

Сидел в кресле, вещал (не иначе), верхняя часть – голова, шея в складках, уши – напоминала патиссон; тапочки с задниками (чтоб не шлепать), джинсы. Обстановка в комнате – обычная для интеллигентного мэна. Книги, в том числе английские, французские, картины, фотографии, статуэтки. Почему-то телевизор, хотя: “ТВ усредняет любого; если ты такой [показывает], оно тебя таким [показы-

* Родственная душа (англ.)

** Сборник стихов Наймана, вышедший в 2000 г. в издательстве «Вагриус» (Москва).

вает] сделает: его задача усреднить, нивелировать...». Два ноутбука – вот они, его окна в мир...

Говорит очень медленно, с паузами, цезурами, так, что не понятно, кончил ли он начатую десять минут назад мысль или дух переводит. Но нить держит... “Это я по болезни такой серьезный, обычно я знаете какой шутник!” [В смысле: мне палец в рот не клади; да, об этом еще Довлатов писал.]

Очень мнительный, очень “мэтр”... но – ранимый болезненно, навеки уязвленный, очень ребенок.

“Что такое постмодернизм? Это безответственность. Постмодернист уже не может написать просто: трава зеленеет. Духу не хватает. Он пишет: трава зеленеет, так сказать”.

О Кушнере: “Будь ты хоть семи пядей – ежели *тогда* печатался, то и не дергайся теперь – свое получил!.. Одно время у него было такое: Бродский в Америке – я в России. Потом Бродский умер и... что же выходит теперь? Смешно».

О Евтушенко, Вознесенском говорит много, с удовольствием; их отличие: первый делает гадость, вполне искренно заблуждаясь. И очень на Бродского обижается (как Кушнер). Вознесенский на встрече Хрущева с интеллигенцией: “Я хочу читать стихи!” (То есть: вы мне рот не затыкайте, я поэт и буду читать, хотите вы того или нет.) В. часто об этом вспоминает – с удовольствием. Только почему-то не вспоминает, *что* за стихи он тогда читал: о Ленине!

О Вере Инбер, о ее предательстве Пастернака. Многие тогда “заболели”, чтоб не идти на собрание. Она – уже после того, как “постановили”: “Я, я хочу сказать!”. Уже и не нужно ничего говорить, уже и предавать не требуют... Сказала таки.

“Сегодня у меня был счастливый день [пауза]. Давно не писал стихов – и вот, случилось”. С удовольствием прочитал одно, второе – с монитора.

– А вы, – спрашиваю, – стихи как пишете, в компьютер?

– Нет, что вы! – почти возмущился. – Только с голоса. Это уже потом набираю, мне приятно видеть их набело... отпечатанными.

Прошел к креслу. Как бы себе повторил последние две строки нового стихотворения – по памяти, получая несказанное удовольствие. Последнее слово: “самоубийство”...»

Теперь, спустя двадцать три года, решил то стихотворение разыскать. Вот оно: «Написать – это имя свое написать...». Финал такой:

Угадай начертанье сквозь пламя и мглу.
Это важно, как жизнь, здесь нельзя ошибиться –
это имя звезды у вселенной в углу,
здесь описка в полчерточки – самоубийство.

Стихотворение включено в сборник «Львы и гимнасты» (2002).

«Книг стихов» Найман не писал, разве что циклы. Сборники собирал, постскрипту. В поздних стихи датировал – чтоб видна была прямая, путь внутри года: 5 июня, 8 июня, 12... Чтоб видна была хронология. Конечно: Deus conservat omnia – «Бог сохраняет всё». Но почему бы Ему слегка не помочь?..

Друг мой художник Яков Красновский вчера вспомнил один сюжетик (наймановское слово), на историю не тянувший, но кое-что к портрету прибавляющий.

Сюжетик с Блейком

Осенью 2008-го он подвозил Анатолия Генриховича из аэропорта (тот прилетел с ташкентского поэтического фестиваля, где мы неделю куролесили большой веселой компанией). У Якова с собой была оформленная им книга моих стихов «Природа», он вручил ее Найману. Тот прочитал вслух подзаголовок: «Книга стихов».

– Что это значит?

– Ну... – мой друг замешкался. – Что это... книга стихов.

– Но это ведь и так понятно, разве нет?

(Мол, поскольку стихи собраны в книгу, то зачем подчеркивать данный факт еще и в подзаголовке?)

– Санджар пишет стихи «книгами»...

– Он что, Вильям Блейк??

Найман не любил литературные «жесты», поэтому и в «книге стихов» усмотрел книжность, от которой уже шаг до фарисейства. В том же духе было и пожелание, которое он мне высказал в одну из первых встреч: не стоит слишком «мелькать», не надо суетиться: каждая публикация должна стать если не фактом Литературы, то *событием* в жизни поэта. Надо ли говорить, что у меня на тот момент не то что книг – журнальных публикаций было две или три. Так что пожелание А.Г. относилось к кому угодно (см. сатирическую пьесу Наймана «Жизнь и смерть поэта Шварца»), может быть, он адресовал его себе самому, почему нет.

Я же все равно старался этому пожеланию следовать и не слишком «мелькал»: чем больше любил Анатолия Генриховича – тем меньше докучал своими визитами (связь здесь, на первый взгляд, обратная, однако по мне – самая прямая), о чем сейчас, разумеется, жалею.

Лишь старался делиться им с некоторыми друзьями.

Так, спустя какое-то время после той, первой, встречи, привел к Найману одного ташкентского поэта, надумавшего перебраться в Москву. А вот тут уже целая история.

История с арбузом

На выходе из станции метро «Дмитровская» мы купили астраханский арбуз. Почему пишу «астраханский» – а никаких других тогда в Москве не было.

Арбуз был тяжелый, мы несли его, кажется, по очереди.

– Ооо, – Найман с порога замахал руками. – Что это такое?!?..

Мы с другом переглянулись.

– Арбуз. Вам.

– Совершенно напрасно! Вы заберете его домой.

– Но мы думали...

– Нечего тут думать! И слышать не хочу. Заберете домой!

Арбуз остался ждать в коридоре.

Нас накормили. И даже, кажется, напоили (водкой).

А за непринятый арбуз мы Найману отомстили. В какой-то момент, отвечая на расспросы хозяев, мой ташкентский друг упомянул о двадцати долларах, взимаемых российским консульством за рассмотрение вопроса о вступлении узбекистанца в гражданство РФ. Надо сказать, что примерно такой в те годы была и обычная зарплата в Узбекистане: 20-25 долларов.

Реакция Наймана была типично наймановской. «Позвольте мне вам эту сумму презентовать? Это, право слово, такая малость, а для вас – какое-никакое решение проблемы...».

Но у узбеков – своя гордость, и денег у Наймана мы не взяли! Зато арбуз потом перли в далекий Павловский Посад, где я тогда жил: сперва на себе, потом на метро, потом полтора часа на электричке, потом опять на себе. А в подъезде дома, почти у самой двери в мою квартиру, мы его кокнули о ступеньки.

Интересная штука. В четверке «ахматовских сирот» Анатолий Найман, по замечанию Бродского, был «признанным остроумцем» (в пушкинской плеяде эта роль принадлежала Вяземскому). Остроумие часто, особенно едкое, колкое, – обратная сторона если не цинизма, то скепсиса. Оно подвергает осмеянию не потому, что «это смешно», а потому, что знает «этому» цену, как правило, невысокую.

Тем не менее, априорным скепсисом (сформировавшим позже и фирменную стихотворную интонацию) – в отношении многих величин, в том числе фигуры А.А.А., – отмечена реакция молодого Бродского, «меланхоличного Баратынского», в его собственной классификации.

«...И только в один прекрасный день, возвращаясь от Ахматовой в набитой битком электричке, я вдруг понял – знаете, вдруг как бы спадает завеса, – с кем или, вернее, с чем я имею дело. Я вспомнил то ли ее фразу, то ли поворот головы – и вдруг все стало на свои места. <...> В те первые разы, когда я к ней ездил, мне, в общем, было как-то и не до ее стихов. Я даже и читал-то этого мало. В конце концов, я был нормальный молодой советский человек».

И вот, после постигшего Иосифа Александровича сатори в электричке, начался уже тот опыт, «когда физически ощущаешь, что имеешь дело с человеком лучшим, нежели ты».

В наймановской характеристике Анны Андреевны человеку предшествует поэт. (То же, забегая вперед, можно сказать и о самом Наймане: поэта в нем больше, чем пресловутого остроумца-пересмешника).

В своих «Рассказах о Анне Ахматовой» Найман пишет: «В московском “Дне поэзии” 56-го года была напечатана элегия Ахматовой “Есть три эпохи у воспоминаний...”. Я не мог отдать себе отчет в том, чем это поразило меня больше: тем ли, что она еще жива, или содержанием и красотой». Впечатления о следующей обнаруженной подборке Ахматовой он уже отливает в бронзу: «Всё было обязательно,

интонация неотменима, власть каждого слова несомненна. Но главное – звук <...> не вмещающийся в стихи».

В этих последних словах – внимание! – Найман, сам того не ведая, пишет уже о позднем себе.

«Ни в каком поэтическом хоре не звучал, не мог звучать такой голос... <...> Я ждал встречи с великой, несдавшейся, таинственной, легендарной женщиной, с Данте, с поэзией, с правдой и красотой – встречи, которой “не может быть”, – и эта встреча случилась. Разочарования не было».

Конечно же, несомненно и непреложно, от поэта остаются стихи. В некоторых – гораздо более редких – случаях остается человек, интересный не только другим поэтам (всегда примеряющим на себя чужую мифологию) или, там, словесникам. Человек, вырастающий из «биографии», как Ахматова и Бродский. Либо – человек, вырастающий из стихов, как Найман.

Светская жизнь, подарившая ему славу записного остряка, старалась его сократить, подобно телевизору из наймановской реплики, ограничить, а по сути – ограничить: его же фразами, меткими и едкими, оправленными другим остряком – Довлатовым и потому (как широко улыбался Найман в нашем последнем телефонном разговоре) перешедшими в разряд «довлатовских».

Следующему сюжету предпосылается эпиграф из Сергея Донатовича.

«Найман – интеллектуальный ковбой. Успеваешь нажать спусковой крючок раньше любого оппонента. Его трассирующие шутки – ядовиты».

Сюжетик с паспортом

Ташкентская часть фестиваля подошла к концу, предстояла поездка с гостями-поэтами на поезде в Самарканд и Бухару. Один из организаторов фестиваля, изрядно к тому времени утомившийся, счастливым образом потерял в собственной квартире паспорт – и остался в Ташкенте.

– А Ф. почему не едет? – спросил меня Найман.

– Да паспорт куда-то дел, третий день ищет..

Реакция была убийственно-молниеносной (или молниеносно-убийственной).

– А скажи ему: завтра – в Америку, и сразу найдет!

Шутка, особенно адресная, часто напоминает колкость, и поэтому редко бывает безобидной. Остряк, сам того не замечая, приподнимает собственное забрало – и делается уязвимым. Эпитет «трассирующая» не случаен.

Но не так же ли уязвляет, уличает автора любой написанный им текст (как Создателя – Его несовершенное творение), не так же ли поэт «проговаривается» своими стихами?

В статье о Анатолии Наймане и последней его книге «Выход»^{*} я писал и про особый наймановский синтаксис, который «подобно длинному гибкому жалю, ищет свое продолжение, будь то ножны чувства или тело мысли». Речь устная и

^{*} Янышев С. «Общей черточки с теми кто ныне...» О книге Анатолия Наймана «Выход» // «Интерпоэзия». 2021. № 2 (URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2021/2/obshhej-ni-chertochki-s-temi-kto-nyne.html>).

речь метризованная движутся навстречу друг другу – где-то посерединке обнаруживается стихотворение. Кажется, никто в последние лет... сто не был так естествен внутри поэтических метров, как Найман.

Я расхожусь на всех как ненужный дождь,
малую часть клеймя как казенный кошт,
псиную стаю дразня как сухая кость,
нёбо уценкой киш-миша, дряблая гроздь.

Родня, чужня, не жалея меня, гоп-братва,
как я не жалея пускаю лес на дрова,
как позабыл, хоть навеки ты та ж, я тот ж,
тебя, середины прошлого века чува.

Память психолог, но есть пути напролом,
сквозь камень и дебри, как помнят корни и гном,
ручей и заря, невсерьез, спустя рукава.
Дом времеед – но и первым забудет дом.

(«Тема с вариациями»)

Поэт – это ведь не про «поэтичность» мира, а про способ мышления. Для поэта большого, как Найман, стихосложение равно поиску Реальности – от связи между явлениями, событиями жизни до завета с Создателем.

Как человек разумный, Найман не пытался обнять необнимаемое: сложносочиненных людей с их психикой и физиологией он вынес за пределы поэзии: прямоком в прозу, которой тоже написалось довольно много. Но как человек думающий, он не мог не попытаться определить свое место в окружающем мире: не среди людей, а рядом с деревьями и муравьями, и не в социальном смысле, а в онтологическом и натурфилософском. Чем сложнее выбранный (нет, выбравший поэта) путь, чем скрупулезнее труд, который подчас сродни собирательству, требующему предельно мелкой моторики, – тем подробней словарь и тем естественней, безыскусней речь. Конечно же, в анамнезе – и пастернаковский «захлеб», и мандельштамовское «бормотание», и ахматовская «монументальность»... И вот всему этому на смену приходит речевая повседневность (не «постановка», а «документ»), чье главное свойство – экспансия на все прочие стороны жизни. Включая быт, в самом посястороннем смысле слова.

Как, например, в этом обращении к своей квартире:

Шлепанец стоптан, весом вселенной прихлопнут
жук-медальон, муха-биплан, а по углам –
всё где есть место, родство, коридорность комнат,
череп сверчка, трещины метрик, жемчужный хлам.

Чья ты? В чьей власти? Разве что тех, кто убыл:
та же – пока господин твой жилец не исчез.
Чашка в буфете, в чаще шалаш, часовни купол –
адрес твой, градус твой, тучка с краю небес.

(«Жилье с 1970 по 2020»)

Вот выдержка из письма А.Г., адресованного мне (самого последнего):

«Знаю по своему опыту: бродишь, тычешься и вдруг попадаешь под кожу этого самого тельца из строчек, оно уже и твое, ты понимаешь не только *что* оно говорит, но и что говоримое есть “на самом деле”».

А вот – почти о том же – мысль Наймана, сказанная им в «Фильме о Анне Ахматовой» (2008, режиссер Хельга Ландауэр):

«Есть “реальная жизнь” – и она у большинства людей продолжается один день, одну неделю, один месяц в жизни, вообще: когда что-то становится вдруг реальным... И есть жизнь, как у Ахматовой, которая состоит годами из этой *реальной жизни*».

В своей статье я сравнивал стихотворение Наймана (любое!) с лабиринтом. Иные тексты, в которых А.Г. ищет формулу вещи, – тоже лабиринт, но состоящий из одной точки: всё сводится к уточнению слова, понятия, пределов понимания. Как в том, чудесно обретенном спустя двадцать три года, неслучайном – теперь это совершенно ясно – стихотворении:

Это время займет. Надо вспомнить сперва
запах дома и шорох, и выбрать, насупясь,
из тетёшканий няни – язык и слова,
из большого захлеба – ласкательный суффикс.

Надо вспомнить всё это – чтоб это забыть!
Не признать за свое. Не смешаться с чужими.
Не запутаться в «слушай» и «кто там?» и «выдь!»,
а ни больше ни меньше как выпростать имя.

Струйку звуков. Значков. Заглуши голоса
любопытных невнятиц и воинских кличей
и судебных повесток: должна полоса
иероглифов – с *подлинным* быть без отличий.

О каком «подлинном» идет речь, я понял совсем недавно, спустя почти двадцать лет после первой встречи: 9 апреля 2019 года. Это был вечер моих друзей, Вадима и Жени, московская презентация двух только что вышедших стихотворных книг*. В какой-то момент заговорил Найман. Он говорил долго, минут двадцать пять, говорил медленно, большими периодами; серьезное оказывалось несерьезным, «сюжетик» становился «историей», вспоминаемые им события тридцати- или пятидесятилетней давности проецировались на экран дня сегодняшнего; круг, как и положено, замыкался... И я, по слову И.Б., «вдруг понял, с кем или, вернее, с чем имею дело».

Я увидел человека совершенно равного тому, о чем он говорит. В стихах ли, в устной речи – но «реальность» Наймана, его «подлинность», его «на самом деле» – об этом вот равенстве.

Когда-то он вывел блестящую формулу (о Довлатове): «его числитель, то есть представление о себе, был почти равен знаменателю, то есть его способностям».

* <https://youtu.be/JTrlpvCW-jA>

Если обратить формулу в сторону формулировщика, звучать она будет так: его числитель, то есть его жизнь, был почти равен знаменателю, то есть его стихам.

Фразу про то, как А.Г. «держит нить», из моей первой реакции на человека-Наймана, я позже повторил, но уже о Наймане-поэте: о том, как он «схватив бечеву еще до начала речи, намотав на запястье, каждую секунду – а сколько секунд, сколько лет, сколько веков длится высказывание? – до конца стихотворения держит своего “змея” внутри зрения». Разница с повседневной речью только лишь в том, что материя наймановского стихотворения более густая, более сжатая – как и положено стихам. Однако читал он их всегда размеренно, раздумчиво, словно бы рождая – мышлением языка: здесь и сейчас.

...Ту же свою речь, на вечере моих друзей, он закончил так:

«Я говорю – я это знаю за собой – не то чтобы совсем сумбурно, но сравнительно сумбурно. Поэтому в конце надо сказать: "Простите, что я говорил сумбурно", – но я этого как раз не говорю, потому что про то, о чем я говорю, можно говорить только сумбурно».

С годами на смену Найману-остроумцу пришел Найман-ироник. Ум был по-прежнему острый, но острие все чаще было направлено не на собеседника, а на самого себя. И «ты» тут окончательное переименовано в «я», которое ничем не лучше, нежели «он» – человек: любой, каждый.

Квиток без прав на еще виток. Ты не уникам.
Хоть и изгой. Ничей не любимец, хоть и шармёр.
Из думающих. Такому не след быть умником,
твой род из земных – на него с сотворенья мор.
(«Тем итоги убийственны, что итоги...»)

Ирония, в отличие от сарказма, позволяет предельно широкий, предельно свободный взгляд на вещи. Это не «маска для беззащитных» (как в «Служебном романе» учит нас товарищ Самохвалов). А – по Томасу Манну – «величие, питающее нежность к малому».

Ирония сталкивает человека с конечностью существования – она же дает ему утешение.

В стихах Наймана – начиная с самых ранних – ирония жила: на правах «пятой сущности». Она-то, вместе с сочувствием к каждой малой части, доле, и вынесла автора к вершинам – и поэзии, и жизни.

Да что, в самом деле, случилось?
Ну, рад умирать, ну, не рад.
Ведь это от музыки чисел
свобода – не так ли, Сократ?

Ее еще нужно услышать,
а если ты глохнешь, щегол,
не проще ли струнами вышить
для голоса темный чехол?

Не в такт и не счетом уйти мы
согласны – а с тем, что болит,
не звук, а лучи паутины
покинуть – не так ли, Эвклид?

Не жалуйся, лютня, что узко
последнее было жилье.
Ах, музыка, музыка, музыка,
ведь я еще помню ее.

Евгений АБДУЛЛАЕВ:

Сложно добавить что-то существенное к воспоминаниям двух моих друзей и коллег: и познакомился с Анатолием Генриховичем я позже, и общался с ним значительно меньше. Поэтому буду более краток и менее «личен» и сосредоточусь главным образом на «ташкентской» линии нашего знакомства. Чтобы было яснее, почему эти тройственные воспоминания о поэте публикуются на страницах «Востока Свыше».

Заодно попробую что-то пояснить и уточнить.

«Ташкентский фестиваль», о котором выше упоминает Санджар Янышев, – это Шестой Открытый фестиваль поэзии, проходивший в Ташкенте 26-28 сентября 2008 года. Благодаря щедрому гранту Международного Фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ (МФГС), на этот, последний ташкентский фестиваль получилось пригласить гораздо больше известных поэтов, чем на предыдущие... В том числе – и Анатолия Наймана.

Анатолий Генрихович бывал в Ташкенте и до этого. Как минимум, один раз – в октябре 1965 года. В своем «Славном конце бесславных поколений» он вспоминает об этом приезде: «Я попросил журнал “Знамя” отправить меня в командировку в Ташкент: отчасти подталкивала меня на это Ахматова – упоминаниями об эвакуации в войну, некоторыми подробностями цикла “Луна в зените”^{*}, тогдашними анекдотами, – отчасти самого тянуло на Азию: как-никак наследник “овцеводов, патриархов и царей”. Тут как раз вышел “Бег времени” – повод отвезти книгу ее ташкентским друзьям».

Ташкентские друзья Ахматовой, которым тогда еще молодой, двадцатидевятилетний Найман должен был передать последний ахматовский сборник, – это известный композитор Алексей Козловский и его супруга Галина Герус-Козловская^{**}. Приезд получился не слишком удачным. Как вспоминала Галина Лонгиновна, «милый посланец» Ахматовой «заболел и через неделю улетел в Москву с высокой температурой».

В 2008 году все обошлось благополучнее: А.Г. участвовал во всей насыщенной фестивальной программе. Встречался со студентами-филологами, выступал на поэтических чтениях: в Музее Есенина, в Караване-сараяе культуры, в «Ильхоме»...

^{*} Цикл стихов, созданный А. Ахматовой во время ее пребывания в Ташкенте (1942–1944).

^{**} О Г.Л. Герус-Козловской и ее воспоминаниях см.: Джумаев А. Двойной портрет в интерьере ушедшей эпохи. Об издании воспоминаний Галины Герус-Козловской // ВС. 2016. № 4 (XLII). С. 153–162.

«Отпросился», помнится, только с круглого стола по современной русской литературе. Причина была более чем уважительной – хотел побывать на богослужении в Успенском соборе.

На вопрос журналистов о своих ташкентских впечатлениях ответил: «Ташкент, по моим наблюдениям, – довольно замечательное место. Потому что здесь публика, в которой есть жадность по русскому языку, по русской поэзии. Это не важно, сколько людей пришло. В поэзии никогда не бывает много людей. ... Здесь есть свое какое-то место для русского языка. Что, собственно, и определяет атмосферу фестиваля».

Неоднократно звучало тогда и имя Ахматовой. В дни фестиваля был показан документальный «Фильм о Анне Ахматовой», о котором уже упомянул Санджар. Снят он был по сценарию Наймана режиссером и поэтессой Хельгой Ольшванг (Ландауэр), бывшей, кстати, участницей предыдущего ташкентского фестиваля. Его премьера прошла в замечательном Доме кино, позже уничтоженном при строительстве Ташкент-Сити...

После 2008 года мы тоже общались, хотя и реже. Когда в нашем журнале появилась рубрика «Поэзия и вера» и стали публиковаться беседы с поэтами, захотелось сделать такую беседу и с А.Г. Увы, не срослось. В апреле 2019-го, когда мы виделись последний раз, он внимательно выслушал мое предложение, но, вздохнув, отказался: здоровье, глаз почти не видит... Внимательно просмотрел сам журнал, сказал несколько добрых, не «дежурных» слов о нем. И повторил с сожалением: и рад бы, но вот – здоровье...

А жаль. Ему было что рассказать – и о своем непростом пути к христианству (крестился уже «взрослым», в 37 лет), и о том, как он видит связь Поэзии и Веры – и в поэзии вообще, и в своих стихах. В которых, как писал Иосиф Бродский в послесловии к первому сборнику Наймана, «нота христианского смирения звучит со всё возрастающей чистотой и частотой»...

Поэтому и завершу отрывком из стихотворения Анатолия Генриховича «Пасха» – которое могло бы войти в ту несостоявшуюся беседу с ним. Теперь остается беседовать с его стихами. Что уже не так мало.

Но! вхолостую палимому
дню по чуть-чуть свечи
вспышку роняет как примулу
и как травинки лучи
ночь ли, земля – неведомо
только времен и планет
ход не чета победному
свету. Все видят – свет!

Лейла ШАХНАЗАРОВА

О наших бабушках

Снимок 1910-х годов. Изображены на нем учительницы Ташкентской женской Гимназии на каникулах. Смотришь – и кажется, что ничего тяжелее лорнета и учительской указки они никогда в руках не держали. А эта вылазка на природу для них – похоже, вовсе не повод расслабиться, «отпустить вожжи», – хотя бы позволив себе более свободную одежду. И бутылочки, к которым они прикладываются (наверняка с напитком не крепче вишневой наливки), для этих образцовых классных дам – высшая степень раскованности...

Бедные хрупкие, затянутые в корсеты mesdames... Что-то с вами станет уже совсем скоро?

«Ах, ошибаетесь! – возражает на это старожил Ташкента, знаток истории края Татьяна Вавилова. – Не такие уж хрупкие, даже физически. Ведь большинство из них – пепиньерки. Они закончили не только институты благородных девиц, но и дополнительный педагогический класс и прошли стажировку. А это означает восемь лет жесткой дисциплины в закрытом учебном заведении, за тысячи километров от дома, когда за малейший промах ждет лишение удовольствий и огромный стих наизусть по французскому и немецкому. Подъем в шесть утра, гимнастика и обязательное обтирание холодной водой до пояса в любое время года. Моя бабушка и после 75 лет проделывала это ежедневно. И зимой тоже, – правда, старалась буржуйку все же сначала затопить. А ее старшая сестра скакала в дамском седле на Памире и приз за покорение какой-то вершины получила... Они пережили три войны, включая гражданскую; революцию, 1937 год. Они ведь в большинстве были дочерьями офицеров. Их и готовили в жены офицерам, а это – переезды, невзгоды и жизнь в забытых Богом крепостях... Нынешним бы молодым, тренирующим мускулы в залах и так много занимающимся своим телом, быть физически такими же крепкими, а еще лучше – духом такими стойкими!..»*

А знаете, ведь всё это, пожалуй, и читается на старом фото – на лицах «кисейных» дамочек с затянутыми «в рюмочку» талиями. И одухотворенность, и недюжинный характер, – всё то, что даст им силы в «двадцатый страшный век» – уже

* О книге Татьяны Вавиловой см. в этом номере: Вавилова Т. Туркестан – судьба. Штрихи к портрету генерала В.Ю. Мединского (главы из книги).

всего через несколько лет! – в белоснежных, безупречно накрахмаленных косынках ходить за ранеными в госпиталях, позже – выстаивать очереди за хлебными карточками, принимать вагоны с эвакуированными детьми...

Еще одно фото – из семейного архива Татьяны Вавиловой. Девушка справа, держащая корзинку цветов, – Ольга Мединская, бабушка Татьяны Александровны.

...Нигилисточка, моя прапракузиночка!
Ждут жандармы у крыльца на воронях.
Только вздрагивал, как белая кувшиночка,
гимназический стоячий воротник...*

Нет, конечно же, нет, – девочки, запечатленные на этом пожелтевшем снимке, ничего такого не замыслили, ни о какой революции думать не думали, а слово «нигилистка» было для них, скорее всего, неприличным. Юные создания, светлые радостные наряды, живые цветы среди зимы... Настроение праздника.

А потом их судьбы изменились в одночасье и навсегда.

О двух из девушек, запечатленных на этом фото, известно, что они доживали свою жизнь в Ташкенте.

Ольга Викторовна Мединская, бабушка Вавиловой, по документам была Шутихина, но свою девичью фамилию боялась упоминать. Впрочем, в 1937-м ее мужа все равно арестовали. И она стала ждать и своего ареста...

Однажды принесенную передачу для мужа не приняли: не нашли его фамилии в списке. Он «потерялся» на целый год. Родные писали везде, искали, но не было его ни в одних списках. И когда пришла бабушке повестка уже на ее имя, она собрала узелок и со всеми попрощалась. Пошла на Алексеевскую (ныне ул. Матбуотчилар), где был тогда печально знаменитый «подвал»: именно туда «воронки» везли всех арестованных, а уж потом – в тюрьму возле Алайского... Но оказалось, что следователь Петров, который вел дело Шутихина, вызвал Ольгу Викторовну, чтобы спросить, почему она не приносит мужу передачи. Укорил: «Муж ваш думает, что вы с дочкой умерли!»...

«Только благодаря этому Петрову, имени которого я так и не узнала, мой дед остался жив, – завершает свой рассказ Татьяна Вавилова. – Так что везде были и есть люди, даже там и в те годы. Свечку ставлю Петрову, как мама делала...»

В Ташкенте ее бабушка преподавала иностранные языки. Номер школы, где работала Мединская, сейчас уже не узнать, не осталось и ее трудовой книжки. Известно лишь, что свою преподавательскую деятельность Ольга Викторовна начала там, куда не шли другие русскоязычные учителя: ее направили в узбекскую школу в Старом городе. А перед войной и в военные годы она преподавала французский летчикам...

Вторая из девушек на том гимназическом фото – Лидия Сергеевна Беляева, в замужестве Степанова (на снимке она слева, стоит). По сохранившимся сведениям,

* Из стихотворения Андрея Вознесенского «Старая фотография» (1972).

во время войны она работала в школе № 2, напротив бывшего Окружного Дома офицеров, вела начальные классы...

Да, многие бывшие барышни после революции пришли в школы и училища обучать детей всему, что знали сами. Не озлобились, обнищав, не роптали, выживая в бараках и коммуналках, а делали свое прежнее дело добросовестно и с любовью. Кстати, бабушка Татьяны Вавиловой, опасаясь ареста, сожгла свой аттестат с двуглавым орлом, поэтому ей пришлось сдавать экзамены специально созданной в горно комиссии, чтобы подтвердить его. «Помню, она очень гордилась успешной сдачей и особенно тем, что смогла в солидном возрасте выучить историю партии, – вспоминает Татьяна Александровна. – Этот экзамен ввели вместо Закона Божия...»

Это – почти слово в слово история и моей бабушки.

Родившаяся в 1903 году, она успела всего один год побыть юной классной дамой в женской гимназии Краснодара (до 1920 года именовавшегося Екатеринодаром), а когда мужа репрессировали и выслали в Среднюю Азию, выхлопотала разрешение приехать к нему. Пересдала экзамены и много лет преподавала в Самарканде, потом в Ташкенте русский язык и литературу. Тогда остро требовались знающие педагоги, а документов у многих не оказалось. Потому и создавались комиссии по приему учителей «из бывших».

Кто же в этих комиссиях проверял знания и, по большому счету, определял судьбу воспитанниц «благородных» институтов?

Ташкентские старожилы с благодарностью помнят имя Евгении Валериановны Рачинской. Именно благодаря этой женщине, получившей образование до революции, а в советское время занимавшей видную должность в системе просвещения, нашли свое место в новой действительности многие бывшие пиньерки.

«Не могу сказать, что знала Рачинскую, – ведь я была тогда младшеклассницей, – вспоминает Лидия Козлова, дочь Василия Константиновича Козлова, с 1946 по 1965 годы возглавлявшего Русский драматический театр Узбекистана. – Но я видела Евгению Валериановну. Женщина абсолютно не из нашего времени. Очень интеллигентная, седая, одета и причесана строго. Я думаю, что это благодаря ей старые учительницы школы № 44 продержались до 1960-го года. Как только ослабло ее влияние, нашим "первым учительницам" указали на дверь. На смену же пришли совсем другие девушки – уже советской формации...».

Знали Евгению Валериановну и мама с бабушкой Татьяны Вавиловой и, по ее воспоминаниям, отзывались о ней с большим уважением. Татьяна Александровна также свидетельствует: многие преподаватели с превосходным дореволюционным, классическим образованием смогли устроиться на работу в советских школах благодаря тому, что в комиссии, выдающей разрешения на преподавание, состояла Рачинская.

Но не только эта огромная заслуга перед несколькими поколениями узбекистанцев числится за Евгенией Валериановной.

Активно работавшая в системе образования Узбекистана, бывшая в период сороковых – начала пятидесятых заместителем наркома просвещения, моя бабушка Е.В. Рачинская в годы войны возглавляла работу по приему и устройству эвакуированных детей. В это труднейшее время она вместе с командой таких же энтузиастов занималась не только распределением детей по семьям узбекистанцев, но и организовала целую сеть детских домов для детей-сирот (именно в это время началась подвижническая деятельность А.П. Хлебушкиной)...*

Это пишет внук Евгении Валериановны Рачинской по материнской линии Андрей Слоним.

Сама же она в своей книге «Народное образование в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны» рассказывает об эвакуации 1942 года, когда на территории республики скопилось несколько эшелонов с эвакуированными детьми. Один из этих эшелонов, направлявшийся в Барнаул, несколько дней стоял в Арыси, другой застрял в Андижане.

Узнав об этом, Усман Юсупов срочно вызвал меня и сказал: «Принимайте и устраивайте детей в наши детдома без отказа. Открывайте новые детские дома. Используйте для этого все пригодные помещения: колхозные клубы, красные чайханы, интернаты. Ни один прибывший к нам в республику ребенок не должен остаться неустроенным. Если вы видите, что дети истощены дорогой, оставляйте эшелоны в Ташкенте, даже те, что направлялись в другие республики. Узбекистан примет, устроит, воспитает и обучит всех...»**.

Эшелон из Арыси срочно вернули в Ташкент. И 207 его маленьких пассажиров до самого конца войны стали воспитанниками детдома № 2...

В огромной степени благодаря усилиям Евгении Рачинской были расселены по узбекистанским семьям и детским домам тысячи детей-сирот, эвакуированных в годы войны.

А сама она – и работая на всех высоких должностях, включая пост заместителя министра просвещения, и после ухода на пенсию, – жила в скромнейшей, темной и малоудобной квартире при Индустриальном техникуме, на улице, называвшейся тогда Пролетарской (сейчас – проспект Амира Темура). Попасть в эту квартиру можно было только через главный вход техникума, пройдя почти через все его здание и выйдя во двор...

Из чего их делали, этих «барышень с фортепианами», воспитанниц привилегированных институтов, – что они всё это вынесли?

В воспоминаниях Муниры Бабаяровой «Не победители» есть замечательный рассказ о людях прежнего Ташкента:

Кто только не жил в нашем дворе на Асакинской, 5!

До революции на этой улице стояли дома инженеров, врачей и других специалистов. Здесь жила интеллигенция. По потолкам в этих домах можно было догадаться, что просторные комнаты прежних хозяев были потом разделены перегородками, куда плотно заселились «товарищи».

* Сайт «Письма о Ташкенте», 25 декабря 2020 г. (URL: <https://mytashkent.uz/2020/12/25/evgeniya-valerianovna-rachinskaya-dialog-v-kommentariyah/>).

** Цит. по: Дети военной поры. – М.: Политиздат, 1984 (URL: <https://coolib.net/b/477512-lev-vasilevich-uspenskiy-deti-voennoy-poryi/read>).

Из окон одного из домов нашего двора часто доносилась прекрасная музыка. Это соседка Елена Вадимовна играла на пианино. Мы, детвора, почтительно-тихо проходили мимо ее окон. Приносили ей воду, ставили алюминиевые бидончики в крохотной кухоньке-прихожей...

Одним взглядом можно было охватить всю небольшую комнатку, где она жила. Пианино у стены, почти вплоты – маленький круглый стол с двумя стульями, за красивой ширмой виднелся край железной кровати. А дальше повсюду книги. В небольшом шкафу, на этажерках, даже на широких подоконниках. Так доживала свой долгий век русская дворянка, дочь врача бухарского эмира. Родившаяся в далеком Петербурге, успевшая приехать в глубоком реверансе перед последним царем, посетившим Смольный институт, где она училась. Если во дворе появлялись древние старушки с палочками, в каких-то необыкновенных туфлях с пряжками и круглыми каблуками, в накидках, шарфиках и обязательно в шляпках, мы уже знали, чьи это гости. Подходили, здоровались, с любопытством оглядывали сумочки на цепочках, зонтики. Старушки отвечали на наши приветствия, мило улыбаясь, и обращались к нам только на «вы»...

Конечно, это потом мы поняли, кто жил с нами рядом. А тогда детвора носилась по старому двору, предаваясь удовольствиям счастливого детства...*

Да, были удовольствия счастливого детства, и нужда послевоенных лет, и полудостаток более позднего времени, но главное – были люди. *Такие* люди. Плеяда, благодаря которой поколению, жившему и подраставшему рядом с ними, выпало счастье застать именно такой, а не иной Ташкент. И – тоже сохранять его всеми силами. Как делают это внуки своих бабушек, достойные продолжатели традиций рода. Как, например, заслуженный деятель искусств Узбекистана, режиссер Государственного театра оперы и балета имени Алишера Навои Андрей Слоним. Чья семья подарила Ташкенту замечательных деятелей науки и культуры, в числе которых его дед Моисей Ильич Слоним – выдающийся медик, один из создателей медицинского факультета Среднеазиатского государственного университета, ныне – Национального университета Узбекистана.

Или как врач Татьяна Вавилова, еще студенткой участвовавшая в борьбе с эпидемией холеры, позже отдавшая много лет преподаванию в Среднеазиатском (сейчас Ташкентском) педиатрическом институте. В последние годы, выйдя на пенсию, она много времени посвящает изучению истории Туркестанского края конца XIX – начала XX веков и генеалогии своей семьи. Итог кропотливого исследования родовых корней, поиска документов в архивах Узбекистана, России, Казахстана – книга, повествующая о судьбах ее предков и других европейцев, для которых наш край стал второй родиной.

Может быть, благодаря именно им, этим людям, нашим бабушкам и дедушкам, всему их поколению, а теперь уже – и их потомкам, – Ташкент и теперь, спустя десятилетия, остается Ташкентом. Городом разных культур, неповторимого облика. И – высокого духа.

* *Бабаярова М.* Не победители // ВС. № 1 (XLIX). С. 121–122.

АВТОРЫ НОМЕРА

ВАВИЛОВА Татьяна – врач-фтизиатр, кандидат медицинских наук, многие годы преподавала на кафедре туберкулеза Среднеазиатского (ныне Ташкентского) педиатрического института. Живет в Ташкенте.

Диакон Сергей ГАЛИЕВ – кандидат филологических наук, преподаватель Ташкентской духовной семинарии, клирик ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора. Живет в Ташкенте.

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии художеств Узбекистана. Преподаватель воскресной школы и работник самаркандского Свято-Покровского храма. Живет в Самарканде.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока» и других. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

Андрей КОРОВИН – поэт, организатор литературного процесса. Руководитель литературного салона «Булгаковский Дом» (Москва). Организатор Международного Волошинского конкурса. Автор двенадцати поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Дружба народов», «Урал» и др. Живет в Подольске.

Василий КОСТЫРКО – литературный критик, антрополог. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Отечественные записки» и др. Живет в Ташкенте.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Автор девяти книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

Елена САФРОНОВА – прозаик, литературный критик, публицист. Постоянный автор журналов «Знамя», «Вопросы литературы», «Урал», «Дружба народов» и др. Автор двух книг литературной критики и публицистики. Лауреат Астафьевской премии, премии журнала «Урал», премии Союза писателей Москвы и др. Живет в Рязани.

Протоиерей Андрей ТКАЧЁВ – проповедник, религиозный публицист, телеведущий. Клирик храма святителя Василия Великого, Патриаршего подворья в селе Зайцево Московской области.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ФЛЫГИН Юрий – историк, автор исследований по истории Православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ШАХНАЗАРОВА Лейла – публицист, эссеист. Работала в качестве литературного редактора в ряде изданий Узбекистана, в том числе в журналах «Звезда Востока», «Общественное мнение и права человека» и др. Живет в Ташкенте.

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2022 год

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Елена ИГНАТОВА. «– То ли вправду запахло войной, то ли почудилось мне...» – № 1-2 (LIX). С. 5.

Алла РАБИНА. Из Книги Притчей. – № 3 (LX). С. 5.

Андрей КОРОВИН. Декабрь в Ташкенте. – № 4 (LXI). С. 5.

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы главного редактора

Митрополит, Екатерина и Вольтер. 250 лет преставления священномученика Арсения, митрополита Ростовского (28 февраля 1772). – № 1-2 (LIX). С. 6-17.

Горазд. 80 лет преставления священномученика Горазда, епископа Чешского и Моравско-Силезского (28 августа 1942 года). – № 3 (LX). С. 6-15.

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Из «Толкования на Книгу Бытия» Прокопия Газского. Предисловие, перевод со среднегреческого языка и комментарии Дмитрия Макарова. – № 1-2 (LIX). С. 18-33.

Иван МАРТЫНОВ. «Обнови в памяти моей дела мои...» Предисловие и примечания Евгения Абдуллаева. – № 1-2 (LIX). С. 34-73.

Оскар КУЛЬМАН. Обозначения времени в Новом Завете. Перевод с немецкого, предисловие и примечания диакона Евгения Абдуллаева. – № 3 (LX). С. 71-79.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Роман ДОРОФЕЕВ, Екатерина ОЗМИТЕЛЬ. «...Вместе с Богом переживать все тяжести» Епископ Мелхиседек (Аверченко) и его служение в Туркестанской епархии. – № 1-2 (LIX). С. 74-96.

Александр ГАЛАК. Самаркандские монахини. – № 3 (LX). С. 16-25.

Александр ГАЛАК. Православные храмы Сырдарьинской линии: от Раима до Катта-Кургана. – № 4 (LXI). С. 6-17.

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Юрий ФЛЫГИН. «Я не давал поводов считать меня врагом иноверцев». Николай Остроумов и его взгляды на миссионерство в Туркестанском крае. – № 1-2 (LIX). С. 97-107.

Людмила БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО), Сергей БОРОШКО. Андижанское землетрясение 1902 года: официальные документы и реальность. – № 3 (LX). С. 26-60.

Александр ДЖУМАЕВ. «...Пользуемся ростовщичеством, пьем вино, злословим, завидуем». Ранний бухарский период в формировании личности Абдурауфа Фитрата. – № 3 (LX). С. 61-70.

Татьяна ВАВИЛОВА. Туркестан – судьба. Штрихи к портрету генерала В.Ю. Мединского (главы из книги). – № 4 (LXI). С. 18-48.

«Побольше любви... и тогда приблизишься к подвигу» Военный дневник Ольги Маллицкой, 1914–1917 годы. Подготовка текста к публикации, предисловие и примечания Юрия ФЛЫГИНА. – № 4 (LXI). С. 49-74.

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О войне и мире. О поминании усопших. – № 1-2 (LIX). С. 108-110.

О целомудрии. О Божественной Литургии. – № 3 (LX). С. 80-84.

О Кресте. О грехе пьянства. – № 4 (LXI). С. 75-78.

Евангельские страницы протоиерея Сергия СТАЦЕНКО

Мужчины в храме – где они? – № 4 (LXI). С. 85-89.

Прот. Андрей ТКАЧЁВ. «Что мы можем делать? Преломлять хлеб на корабле». – № 4 (LXI). С. 79-84.

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи в Фейсбуке последних лет. – № 1-2 (LIX). С. 112-127; № 3 (LX). С. 85-98; № 4 (LXI). С. 90-102.

Михаил КАЛИНИН. Разрозненные мысли. – № 1-2 (LIX). С. 138-153.

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни... Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года. – № 1-2 (LIX). С. 160-172; № 3 (LX). С. 109-132.

Вспоминая Анатолия Наймана. *Вадим МУРАТ-ХАНОВ, Санджар ЯНЫШЕВ, Евгений АБДУЛЛАЕВ.* – № 4 (LXI). С. 113-125.

Лейла ШАХНАЗАРОВА. О наших бабушках. – № 4 (LXI). С. 126-130.

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

«Писать икону – это таинство...» О ташкентской иконописной мастерской. – № 3 (LX). С. 105-108.

Stabat Mater dolorosa. Обсуждение романа Руслана Козлова «Stabat Mater: Роман о милосердии». *Диакон Сергей ГАЛИЕВ, Михаил КАЛИНИН, Василий КОСТЫРКО, Елена САФРОНОВА.* – № 4 (LXI). С. 103-112.

Тема: Поэзия и Вера

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН. – № 1-2 (LIX). С. 138-153.

«Теперь поэтам не надо присягать атеизму...» На вопросы ВС отвечает поэт Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. – № 3 (LX). С. 99-104.

РЕЦЕНЗИИ

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ. Новое итоговое исследование по Средней Азии. – № 3 (LX). С.154-159.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svysh@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/department_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.
Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LXI
№ 4, октябрь–декабрь 2022.

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2023 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2023).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568